

Российская Академия Наук
Институт философии

Феофилакт Лопатинский
ИЗБРАННЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Москва
1997

Рецензенты:

доктора филос. наук: *Ю.В.Ивлев, М.Н.Громов*

Ф-42 **Феофилакт Лопатинский. Избранные философские произведения /Сост., вступит. ст. и перевод с лат. А.В. Панибратцева. — М., 1997. — 219 с.**

Книга посвящена истории русской академической философии первой четверти XVIII века. В ней, впервые в истории изучения российской философии, приводятся переводы латиноязычных логических курсов петровских времен. Оригинальный логический курс Феофилакта Лопатинского приводится в полном объеме, без сокращений. В наиболее спорных случаях в тексте перевода наличествуют латинские термины. Здесь же находится перевод первого российского философского словаря.

Философская мысль в России начала XVIII века: преемственность и перспективы развития

В конце XVII—начале XVIII вв. русская философия переживает принципиально новый, переломный этап своего развития, поскольку именно в это время в России возникает профессиональная философская мысль. Философия выступает теперь в виде целостной системы теоретического знания, становится самостоятельной научной дисциплиной. Известно, что древнерусское любование не питало особых пристрастий к системности, поскольку содержание тогда, по существу, превалировало над формой. На Руси издавна прижился духовно-практический способ освоения мира, причем философия понималась как мудрость, добродетельная жизнь, одно из средств успешного продвижения к горнему. Древнерусская мысль, не доверяя человеческому рассудку, тяготела к логосу – категории, которая включала в себя и слово, и мышление, и пластические образы. Поэтому и древнерусское образование предполагало вдумчивое чтение назидательной литературы, ее правильное истолкование (начетничество), размышления о прочитанных книгах, любование прекрасными предметами, добродетельный образ жизни¹. История, однако, не стояла на месте. Бурное экономическое развитие, технический прогресс, сложные социальные проблемы настоятельно требовали реформирования системы образования, принципиально нового метода осмысления мира и человека, одним словом, перехода от логоса к рациональным методам освоения действительности.

Рассмотрим теперь те предпосылки, которые повлияли на возникновение профессионального философского образования в России, берущего свое начало с лекций, читавшихся в стенах Московской славяно-греко-латинской академии с конца XVII столетия.

Связи между народами, населявшими необозримые просторы Российской империи, при Петре I значительно усиливаются. В Россию “на ловлю счастья и чинов” устремляются многочисленные иностранцы. Благодаря развитию торговли количество держав, поддерживавших коммерческие контакты с Россией, неуклонно увеличивается, торговые пути прокладываются в отдаленные Китай и Персию.

К началу XVIII в. стало очевидно, что на традиционной грамотности нельзя было привить и развить европейское просвещение, познакомить людей с кругом естественнонаучных представлений, основами математических и технических знаний. Вообще говоря, петровская администрация, приступая к реформированию отечественного образования, выказала себя сторонницей крайне утилитарного подхода: “При Петре Первом дворянин учился обязательно “по наряду” по “указной” программе; он обязан был приобрести известные математические, артиллерийские и навигацкие познания, какие требовались на военной службе, приобрести известные познания политические, юридические и экономические, необходимые на службе гражданской”²

В силу этого петровская администрация преимущественное внимание уделяла организации специальных учебных заведений среднего типа. Артиллерийская и Навигацкая школы Я. Брюса и А. Фарварсона, открывшиеся в 1701 г.,

медицинское училище доктора Н.Бидлоу, приступившего к обучению в 1707г. равно как и цифирные школы”, появившиеся на российском педагогическом горизонте в силу указа от 28 февраля 1714г., не давали ничего, кроме начального специально-технического образования. Так, в Навигацкой школе занятия начинались с грамоты. Учеников разночинцев учили чтению, письму, счету, а затем отправляли в помощники архитекторам, лекарям, либо отсылали в канцелярии. Что касается до дворян, то они продолжали заниматься геометрией, тригонометрией, навигацией, астрономией и географией — науками, необходимыми для морского офицера. После смерти Петра I эти школы фактически развалились, что становится очевидным из рапорта Адмиралтейской коллегии Сенату, помеченного 1750годом: “Печально пало любимое детище Петра — “навигация наука””, — грустно резонирует по данному поводу В.О.Ключевский³.

В деле развития образования, в частности в успешной трансляции философских знаний, огромную роль играли связи самого разного рода, возникавшие у России с зарубежными странами. Здесь прежде всего следует указать на русско-немецкие связи, особенно на контакты с протестантскими образовательными учреждениями в Галле и Нюрнберге⁴. Сложнее дело обстояло с Польшей, где усилиями членов ордена Иисусова был создан надежный барьер, препятствующий проникновению философских идей, отмеченных печатью деизма и пантеизма (спинозизм, материалистически истолкованное картезианство), на территорию нынешней Украины и, косвенно, в Россию.

На первом этапе образовательных реформ немаловажное значение имели различные иностранные учебные заведения, большая часть которых находилась в Москве. Здесь прежде всего следует упомянуть училище, возглавляемое прбстом Эрнстом Глюком, после смерти которого в 1705г. училищем этим руководил И.Вернер Пауз. Помимо простых предметов, составлявших круг начального обучения, лютеранские наставники планировали ознакомить своих воспитанников с “философией картезианской” Иезуиты, державшие в Москве конкурирующее учебное заведение, преподавали латинский язык, математику и военное дело. Даже в далеком Тобольске какое-то время существовала школа пленного шведского офицера фон Вреха. По мере того как национальные учебные заведения становились на ноги, нужда в иностранных школах, естественно, отпадала, процесс этот, однако же, затянулся — так мы знаем, что и в Александровскую эпоху петербургские иезуитские школы привлекали в свои стены толпы высокородных недорослей⁵.

Средние специальные учебные заведения не восполняли отсутствия высшей школы, а именно университета и академии, где, помимо прочих предметов, преподавалась бы и философия. Попытки создания такой академии прослеживаются с начала XVII века, когда Борис Годунов пытался пригласить в Россию каких-то немецких учителей, от чего ему все же пришлось отказаться по причине противодействия духовенства. В 1632году в Москве вновь была предпринята попытка создать школу с полным гуманитарным образованием. Так, Адам Олеарий свидетельствует о наличии некоей школы Арсения Грека в 1634году. Заметными вехами на пути становления академической философии явились: учреждение греко-латинской школы при Патриаршем дворе, более известной в истории под названием Ртищевской (время деятельности 1648—1673гг.), открытие Спасской школы (действовала с 1665 по 1667гг.) и, наконец,

организация Типографской и Божоявленских школ (в период с 1682 по 1685гг.). В перечисленных выше учебных заведениях науки не излагались систематически, ученики получали там лишь отрывочные, поверхностные знания, вот почему с открытием Московской славяно-греко-латинской академии деятельность названных училищ постепенно затухает⁶

Все это не могло не сказаться на характере преподавания философских знаний. Профессиональное философское образование в России берет свое начало с лекций, читавшихся в стенах Киево-Могилянской и Московской славяно-греко-латинской академий.

Московская академия во многом была сходна с Киево-Могилянской академией, деятельность которой в значительной мере повлияла на становление профессионального философского образования в России. Основание Киево-Могилянской академии как высшего учебного заведения относится к 1632году (после соединения Киевской братской и Лаврской школ: до 1701года это образовательное учреждение называлось Киевской коллегией) или, как считает З.И. Хижняк, к 1615 году, поскольку училища полуакадемического типа существовали в Киеве с начала XVII века⁷. Возникла эта академия благодаря усилиям православных братств, своеобразных организаций верующих, пытавшихся путем насаждения школ противодействовать католической экспансии. Основатель (или, как тогда выражались, фундатор) Киевской академии Петр Могила являлся выдающимся деятелем украинской культуры, видным просветителем, философом, богословом. В академии успешно преподавались риторика, философия, латинский, греческий, древнееврейский языки, география, математика, астрономия, механика, психология, медицина. Среди профессоров Киевской академии, чьи рукописные курсы дошли до нашего времени, наиболее заметными считаются Иннокентий Гизель, Иоасаф Кроковский, Стефан Яворский, Феофан Прокопович, Христофор Чарнуцкий, Георгий Конисский. Из названных мыслителей следует выделить Прокоповича, чья деятельность относится как к светской, так и к чисто церковной культуре.

Если говорить об общей философской направленности киевских академических курсов, то в них преобладают различные варианты синтеза христианского неоплатонизма с перипатетизмом, причем перипатетизм, в большинстве случаев, преобладает. Помимо сочинений античных авторов профессоры использовали труды Каэтана, Молины, Суареса, Родерико де Арриаги, Овиедо. В тексте лекций содержатся краткие изложения учений Коперника, Галилея, Декарта. Философская проблематика, занимавшая умы профессоров Киево-Могилянской академии, может быть уяснена только на примере конкретных курсов, поскольку, ввиду богатства и сложности предоставляемого ими историко-философского материала, любые общие о них рассуждения обречены на бездоказательность и декларативность.

Иннокентий Гизель был одним из создателей "Киево-Печерского патерика" (1661г.), он же написал историческое сочинение "Синописис" (1674г.), в котором проводились идеи о единстве происхождения русского, украинского и белорусского народов. В истории философии Гизель известен прежде всего как автор обширного философского курса "Сочинение обо всей философии" (*Opus totius philosophiae*), прочитанного им в стенах Киевской академии в 1645-1647гг.

Курс этот, единственный из сохранившихся полностью этого периода, оказал заметное влияние на академическую традицию конца XVII—начала XVIII вв⁶.

Гизель, по происхождению немец, родился около 1600г. и умер в 1683г. Образование он получил в Киевском коллегииуме, где прослушал курс И. Кононовича-Горбацкого. По окончании академического курса он учился в европейских университетах, возможно, даже в Англии⁹. С 1645г. — профессор, а затем и ректор Киевского коллегииума.

Натурфилософские взгляды Гизеля с достаточной полнотой исследованы в книге украинской исследовательницы Я.М.Стратий “Проблемы натурфилософии в философской мысли Украины XVIIвека” (Киев, 1981). Природу Гизель определял “как универсальность сотворенных вещей, как чтойность (quidditas) и сущность каждой вещи” В ней он выделял три состояния, а именно: состояние безразличия, или природу саму по себе (природа здесь является индифферентной к своим акцидентальным предикаментам), второе — состояние природы относительно существования (состояние единичности), и третье — состояние природы в абстракции разума, где природа вновь обретает свое идеальное единство. Познавая общую природу, человеческий разум уясняет себе закономерности, в соответствии с которыми осуществляется переход от первого (потенциально общего) ко второму состоянию природы. Переход этот осуществляется посредством особых, имманентных природе форм, которые, в интерпретации Гизеля, разительно напоминают элементарные категории формальной логики. Это—логические операции ума, который, абстрагируясь от материи, становится способен воспринимать чистые сущности. Гизель, вообще говоря, всячески старается приблизить общее к материи, разумеется, не допуская их смешения, в чем, в принципе, и находит свое выражение синтез неоплатонизма с перипатетизмом (характерная в этом отношении сентенция: “Необходимой предпосылкой существования является единичность”).

К числу других особенностей философии Гизеля следует отнести стремление объяснить природные процессы и явления из них самих, хотя и здесь дает о себе знать отмеченный выше синтез неоплатонизма с перипатетизмом (который трудно охарактеризовать иначе, нежели философский конформизм). Бог, согласно учению Гизеля, пребывает повсюду, будучи причастен каждой сущности, и, таким образом, опасно-пантеистически соприкасается с материальным миром. Сам Гизель, впрочем, стоял на креационистских позициях, уклонения от которых объясняются, вероятно, сложностью предпринятого им философского синтеза. Во всяком случае, креационизм Гизеля разительно отличается от креационизма Лихудов, которые, в сравнении с киевским профессором, выглядят консерваторами. Гизель, далее, настаивал на однородности земной и небесной материй, хотя и отрицал наличие в небе субстанциональных изменений, против чего одним из первых выступил Феофан Прокопович. Движение Гизель рассматривал преимущественно с качественной стороны, понимая под ним различные изменения, происходящие в материальном мире. Попытки перехода к механистическому пониманию движения можно, впрочем, усмотреть в теории “impetus” (толчка) и концепции “интенсификации и ремиссии форм”

Другой видный представитель киевской учености митрополит Муромский и Рязанский Стефан Яворский (1658—1722) учился в Киевском коллегииуме

у Иоасафа Кроковского, после чего слушал лекции в коллегиумах Львова, Люблина, Познани и Вильно. Возвратившись в Киев, Яворский со временем становится префектом местной академии, затем переводится в Великороссию и, достигнув вершин духовной карьеры, умирает местоблюстителем патриаршего престола и первым президентом Святейшего Синода. Литературное наследие Яворского поражает своей обширностью: в него входят проповеди, поэтические произведения на русском, польском и латинском языках, памфлеты, фундаментальный богословский трактат “Камень веры”, изданный после смерти Яворского (1728г.) трудами его сподвижника Феофилакта Лопатинского. Трактат “Камень веры” направлен против протестантизма. Каждый православный догмат, против которого выступали протестанты, в этой книге сначала подробно излагается и доказывается (в своих доказательствах Яворский опирается на Священное Писание и Предание, определения Соборов, не забывая, впрочем, о рациональных аргументах), а уже затем сокрушительной критике подвергаются возражения оппонентов. В философском отношении “Камень веры” представляет интерес как попытка расширить сферу богословия¹⁰, по сути дела, в ущерб философской проблематике.

Яворский оставил после себя и собственно философский курс, носящий название “Философское состязание” (1693–1694гг.), оказавший несомненное влияние на аналогичный курс Феофилакта Лопатинского.

Философский курс Яворского выстроен в соответствии с правилами Второй схоластики¹¹. В нем наличествуют непрменные разделы (диалектика, логика, физика и метафизика). Метафизика излагается несколько подробнее, нежели у других профессоров. В ней содержатся пролегомены к метафизике, трактаты об акцидентальном и потенциальном сущем, о противоположностях, родах и видах реально сущего. Специфика философии Яворского определяется несколькими моментами¹². Материю и форму он признавал равноценными принципами (началами) природных вещей, тогда как ортодоксальные томисты отдавали предпочтение форме. Форма, понимаемая как идея предмета, по мнению Яворского, существует в самой материи и зависит от нее, испытывает к ней тяготение. Изменения, происходящие в материальном мире, объясняются исходя из антагонизма, существующего между формами, успешными реализоваться в материи, и формами, существующими покуда потенциально. Далее, Яворский полагал, что бытие вещи не сводится к ее форме и материи, поэтому акт и потенцию он рассматривал в качестве аспектов реальной вещи, отказавшись от их гипостазирования. Кроме этого, Яворский настаивал на номиналистическом понимании отличия сущности от существования, утверждал примат единичного над универсальным, разделял теорию “двух истин” (религиозного и философского знания).

Яворский считается автором первого в отечественной истории курса психологии. Органы чувств и мозг он рассматривал в качестве определенным образом организованной материи. Идеальный момент заключался здесь в способе такой организации.

В социологическом плане Яворский оправдывал право царя на верховную власть в государстве, хотя и с отдельными оговорками. Государство, по мнению Яворского, обязано обеспечить всем своим подданным общее благо. Подданные делились Яворским на четыре сословия, причем основная тяжесть

налогов падала на крестьян, мещан, ремесленников и купцов. Следуя духу времени, Яворский отдавал предпочтение личным заслугам перед знатым происхождением. Немало запоминающихся страниц посвятил он осуждению общественного неравенства и порождаемых им пороков: чрезмерной роскоши, лени, распущенности, нищеты. Надежды на избавление от этих зол Яворский, со всем тем, связывал с установлением Царства Божия. Объективно, несмотря на отдельные колебания в сторону католицизма, Яворский являлся защитником православия, быть может, робким на практике, зато непоколебимым и неустрашимо последовательным в теории.

Активно разрабатывали профессора Киево-Могилянской академии и этическую тематику. В этой связи заслуживают упоминания Лазарь Баранович, Иннокентий Гялятовский, Михаил Козачинский, Стефан Калиновский, Георгий Копписский, Сильвестр Кулябка, а также уже упоминавшиеся Гизель, Яворский и Прокопович¹³. Этические курсы были направлены на формирование новых нравственных установок, пронагандировали любознательность, любознательные, деятельную жизненную позицию, при этом особенно подчеркивалась роль труда в формировании нравственного облика человека. Смысл жизни виделся в активной борьбе с пороками и преступлениями, в активном противодействии печали духа. Небесное блаженство, впрочем, со счетов не сбрасывалось, оно изучалось в теологических трактатах, тогда как этика была нацелена на достижение человеческого счастья в земной жизни, разумеется, в строгом соответствии с требованиями православия. Практическая жизнь и нравственная позиция человека, по мнению профессоров Киево-Могилянской академии, зависят от того, насколько правильно понимает он свое место в общей структуре универсума. Отсюда — заметное усиление рациональной компоненты этических трактатов. Сущность человека понимали как способность познания, мышление, приобретенное знание, и именно рациональное мышление расценивалось в качестве фактора, определяющего качественное отличие человека от иных природных существ и неодушевленных предметов. Этика пыталась обрести статус исследовательских дисциплин, использующих методiku естествознания, бурно тогда развивавшегося¹⁴. Наука эта подразделялась тогда на три части: монастику, экономику и политику. Монастика занималась нравственными проблемами отдельного человека, в экономике речь велась о правильно организованном хозяйстве, политика трактовала о государстве.

Выпускники Киево-Могилянской академии вели просветительскую деятельность в Виннице, Кременце, в Яссах, Молдавии и Валахии. Значительная группа преподавателей пополнила состав Московской славяно-греко-латинской академии.

Вопрос о дате открытия этой академии по сей день относится к числу спорных. Отдельные исследователи принимают за исходную дату 25 декабря (здесь и в дальнейшем все даты, случившиеся до известных событий 1917 г. указываются по старому стилю) 1685 года, когда школа была официально признана патриархом Иоакимом. Другие историки начинают отчет с 1687 года, поскольку именно тогда завершилось строительство здания на территории Заиконоспасского монастыря, где академия просуществовала до 1814 года.

История академии разделяется на три этапа. Первый из них (1685–1700) связан с именами греческих учителей, братьев Лихудов, во втором периоде

(1700–1755) преобладает латинское влияние, третий период (1755–1814), отмеченный (с 1775г.) деятельностью митрополита Платона (Левшина), характеризуется усилением воздействия церкви, что и привело к превращению Московской академии в чисто духовное учебное заведение.

На первых порах в академии преподавали греческие учителя, братья Иоанникий и Софроний (светские имена – Иоанн и Спиридон) Лихуды, происходившие родом с принадлежавшего тогда Венецианской республике острова Кефалония. Учение между тем не задалось: едва приступив к чтению философского курса, Лихуды в связи с какими-то политическими интригами были вынуждены покинуть академию, которая с 1694 по 1701гг. оставалась неуправляемой. Реорганизация преподавания на латинский манер происходит в 1701г., и уже с 1704г. к чтению лекций по философии приступает Феофилакт (Лопатинский).

Братья Лихуды, идейно возглавлявшие борьбу против партии “латынников”, оставили после себя множество полемических сочинений (“Акос, или врачевание, противопоставляемое ядовитым угрызениям змиевым”, – (написано в 1687г. и направлено против Сильвестра Медведева), – “Показание истинны” “Диалог грека учителя к некоему иезуиту”, “Мечец духовный” (1690г.), “Показание и обличение ересей Лютора и Кальвина”, “Обличение на гаджителей Библии”). Помимо собственно академических курсов свои философские воззрения Лихуды развивали в “Слове о Софии Премудрости” и в “Поучении в пятую неделю Святой Четырдесятницы о предопределении”¹⁵

Философские курсы Лихудов, дошедшие до нас в рукописях, делились на две части, а именно: логику и натурфилософию. Во введении к логическому курсу (носившего довольно-таки витиеватое заглавие “Иеромонаха Софрония Лихуда яснейшее изложение всего логического действия” и прочитанного в 1690–1691гг.) Софроний Лихуд излагает свое учение о терминах как основаниях предложения. Под термином он понимает звук, имеющий условное значение. В курсе рассматриваются составные части и виды терминов, их деление, качество и количество. В разделе о предложении особенно подробно изучались различные виды обращения предложений. В учении об умозаключении рассматриваются четыре вида силлогизмов, изучаемые ныне в курсе формальной логики. В конце названной “Логики” рассматривались проблемы, связанные с теорией аргументации, то есть правилами диалектического спора, искусной постановки вопросов и ответов. Во втором разделе “Логики” – “Предварительных вопросах относительно всей логики Аристотеля” – подробно обсуждалось разделение логики, ее значение, предмет и характер логического знания вообще. Логика понималась как наука теоретическая и подразделялась на дидактическую и прикладную. В третьей части – “Объяснениях и вопросах на “Введение” Порфирия” – излагалось перипатетическое учение о логических роде, виде, отличительном, существенном и случайном признаке, написанное в соответствии со схоластической традицией в виде комментария на известный труд позднеантичного философа Порфирия (Малха), который, в свою очередь, комментировал логические труды Аристотеля¹⁶.

Завершалась “Логика” трактатом о практическом и теоретическом знании, о правильном методе познания, а также “Объяснениями и вопросами” на “Категории” Аристотеля и первые главы первой книги “Аналитик”

В курсе натурфилософии (написан в 1689 году, начал читаться в 1691 году) Иоанникий Лихуд разбирал проблемы материи и движения, причинности, пространства и времени, прерывности и непрерывности, конечности и бесконечности, приводил сведения из областей физики и химии, подробно излагал вопросы, связанные с деятельностью человеческой души (психология). Во "Вступлении" к этому курсу Иоанникий рассуждает о предмете "естественной философии", или "физики" (натурфилософии), ее соотношении с метафизикой, о подразделениях этой науки. В первой книге "Физики" речь идет о началах вещей естественных, как-то: материи, форме, "лишенности" формы, стихиях. Во второй подробно объясняются понятия "природа", "искусство", "действия невольные" четыре вида причин (материальная, формальная, действующая и целевая). В третьей книге исследование касается атрибутов вещей естественных: движения, "страдания", действия. Здесь же дается развернутая критика (с перипатетических позиций) философских концепций Фалеса, Анаксагора, Демокрита и Эпикура. Справедливо полагая, что из случайного не образуется сущности, Иоанникий убедительно опровергает космогоническую гипотезу Т. Кампанеллы, изложенную последним в сочинении "Философия, доказанная ощущениями" (1591 г.). Кампанелла, как известно, полагал, что небо, земля, вода и воздух спонтанно возникли из некоей диффузной массы, которая, впрочем, была сотворена Богом.

В названных сочинениях Лихуды решительно защищали учение о свободе воли, предопределение же они рассматривали как божественное предвидение. В философских курсах греческих учителей царил перипатетизм, сопряженный с идеями греческих гуманистов-неоплатоников – Иоанна Зигомалы, Леонарда Миндония, Эммануила Маргуния. Православные ученые, жившие на территории современных Украины, Молдавии и Белоруссии, нередко обращались к идеям греческого неоперипатетизма, рассматривая его как одно из средств борьбы с католической экспансией, идейной основой которой являлась схоластика.

В целом философию братьев Лихудов можно охарактеризовать как склонную к трансцендентализму, в основном креационистскую¹⁷. Это находило свое выражение в том, что Лихуды различали два идеальных, внебытийных принципа природных вещей. Внешний принцип считался трансцендентным земному миру, внутренний – имманентным. Первый, отождествляемый с Богом, рассматривался как неподвижный перводвигатель, приводящий в движение все, что существует в природе, второй, пребывающий в зависимости от первого, выполнял распределительные функции в становящемся, действительном бытии. Вопрос о том, в какой степени братья Лихуды испытали влияние аверроизма (аверроизм, как философское направление, существовал в Падуанском университете (Коттониянской академии), который, как мы знаем, окончили Лихуды, на всем протяжении XVII столетия), до сих пор остается открытым, прежде всего ввиду недостаточной изученности философских курсов, принадлежавших основателям Московской академии.

К числу важных для истории отечественной философии сочинений Софрония Лихуда следует отнести "Ответ Софрония Лихуда" (написан в Новгороде, по-видимому, не позднее 1711 г.), который, по мнению В. В. Аржанухина, был, в первую очередь, направлен против Стефана Яворского. "Ответ..." пра-

вомерно рассматривать как отдельный трактат, поскольку его адресатом, как считает публикатор, являлся все тот же Софроний Лихуд¹⁸

В названном сочинении Софроний попытался ответить на вопросы, заданные им, совместно с Новгородским митрополитом Иовом, Стефану Яворскому и другим профессорам Московской академии в 1711 году: "Вопрос философский. Если душа создается от Бога, то откуда в ней нечистота? (...) Вопрос метафизический. Вода Св.Крещения освящает ли только тело или вместе и душу? (...) Вопрос богословский. Как объяснить слова Дионисия Ареопагита: "Кругловидно божественный ум... соединяются безначальным и бесконечным сиянием бесконечно благого Бога"?"¹⁹

В философском отношении, помимо достаточно традиционного учения о душе, "Ответ..." вызывает интерес по причине проводимого в нем парадоксального разграничения областей философии, метафизики и богословия. Что побудило Софрония к столь оригинальному поступку, сказать трудно, поскольку в своем рукописном философском курсе он держался традиционного определения предметов этой науки и богословия: "Философия делится на физику, являющуюся наукой о вещах, отделенных от индивидуального (...); математику, которая является наукой о вещах, частично отделенных от материи; и на божественную, которая является наукой о вещах, полностью отделенных от материи"²⁰ Возможно, Софроний пожелал сделать реверанс в сторону традиционалистски настроенных ревнителей старорусского благочестия, понимавших философию как учение о добродетельной и аскетической жизни. Во всяком случае, столь оригинальное понимание метафизики, которая в интерпретации Лихуда едва различалась от богословия, удачным ни в каком отношении назвать было нельзя. В "Ответе..." Софроний, впрочем, так и не представил доказательных отличий философии от метафизики, а двух последних предметов от богословия, что побудило Стефана Яворского вполне резонно заметить, что все три вопроса Лихуда, по сути дела, являются богословскими. Далее Яворский указал на то, что метафизика является частью философии, и выделять ее в качестве самостоятельной дисциплины непозволительно и абсурдно²¹

К ученикам Лихудов, оставившим заметный след в истории российской культуры, относятся: Паладий Роговский (первый русский доктор философии), Леонтий Магницкий, Феодор Поликарпов-Орлов, Николай Семенов-Головин, монах Феолог, Карнион Истоминон.

Второй период в деятельности Московской славяно-греко-латинской академии был гораздо более плодотворным, нежели первый. Национальный состав слушателей поражал разнообразием — кроме русских, украинцев и белорусов там учились грузины, южные славяне, греки, австрийцы (или немцы или же австрийские славяне), поляки, венгры, литовцы и татары. С течением времени такое положение переменялось. Указ от 17 октября 1723 года запретил дворянам оставаться в школах по достижении 15-летнего возраста, в Синодальном же указе от 7 июня 1728 года требовалось: "...помещиковых людей и крестьянских детей, также непонятных (слабоуспевающих — А.Л.) и злонравных... отрешить и впредь таковых не принимать"²² Именно по милости этого указа сыну холмогорского помора М.В.Ломоносову пришлось скрыть свое незнатное происхождение при поступлении в академию.

Преподавание в Московской академии в первой четверти XVIII века происходило следующим образом. Все ученики подразделялись на девять классов, первым из которых считалась славяно-российская школа. Там учили азбуку, славянское письмо, читали “Часослов” и “Псалтирь”. В следующем классе – (фаре) юноши учились читать и писать по-латыни с тем, чтобы в третьем классе – (инфиме) перейти к углубленному изучению грамматики славянского и латинского языков. В четвертом, “грамматическом” классе ученик обязан был освоить всю славянскую грамматику и часть грамматики латинской. Здесь же изучались такие предметы, как география, история, арифметика и катехизис. В пятом классе – (синтаксисе) латинский язык должен был быть изучен в полном объеме: ученики там писали по-латыни краткие сочинения, на исторические темы преимущественно.

В шестом, пиитическом, классе занимались стихосложением, осваивая различные стихотворные размеры, а в седьмом, риторическом, составляли проповеди на латинском и русском языках. Что касается до греческой школы, то она какое-то время влачила существование отдельно от академии, причем с весьма неопределенным статусом. Лихуды между тем возвратились в Москву из Новгорода и также стали преподавать свой родной язык, сначала на Казанском подворье, а затем в Типографии, где до них в качестве учителя подвизался заезжий грек Афанасий Скиада, и только в 1724 году греческий язык занял полагающееся ему место в программах Московской академии.

Академическое образование завершалось в двух последних классах – философском и богословском. Префект академии обыкновенно читал двухлетний курс философии, тогда как ректор – четырехлетний курс теологии. Таким образом, полный академический курс растягивался на тринадцать-пятнадцать лет, в зависимости от успехов учащегося. Тексты лекций заучивались наизусть, а ученики старших классов, помимо этого, должны были подтверждать свой статус участием в публичных диспутах, доступ куда был открыт любому желающему поупражняться в тонкостях латинской схоластики.

Значение Московской академии в развитии отечественной духовной культуры переоценить трудно. В петровское время среди учеников и сотрудников академии можно было встретить таких примечательных личностей, как Ф. Поликарпов, который являлся автором оригинальных учебников – “Букварь” 1701 года и “Грамматика” 1721 года, там же можно было увидеть поэта К. Истомина, поэта и будущего государственного деятеля А. Кантемира, первого русского доктора медицины П. Постникова, выдающегося русского математика Л. Магницкого. В последующем в академии обучались такие видные деятели русской культуры, как М. В. Ломоносов, С. П. Крашенинников, С. Г. Забелин, Рафаил Заборовский, Н. Н. Бантыш-Каменский, Н. Н. Поповский, В. С. Петров, В. Г. Рубан, В. И. Баженов, Н. И. Попов, а также многие другие, менее известные, ученые, писатели и государственные деятели.

Московская академия с полным на то правом могла гордиться не одними только выпускниками, ставшими впоследствии российскими знаменитостями, ведь помимо них в ее стенах удалось воспитать плеяду просвещенцев, образовавших собой сплоченную группу, вокруг которой позднее стала формироваться российская интеллигенция, вышедшая из народной среды²³

Петербургские академическая гимназия и университет испытывали такую настоятельную потребность в выпускниках духовных школ, в том числе и в воспитанниках младших классов Московской академии, что до их прибытия в Северную Пальмиру названная гимназия не открывала своих годовых курсов. Далее, без учеников Московской академии вряд ли бы могла достойно существовать медицинская школа доктора Блюментроста, поскольку его ученики приступали к учебе уже в совершенстве владея латынью, на которой были написаны принятые в этой школе учебники С.Бланкарда и Н.Бидлоо.

Какой, собственно, способ философствования царил в академических стенах? Мнения здесь расходятся, хотя и несущественно. Так, в дореволюционной литературе предпочитали говорить о "строгом схоластическом направлении" философских курсов, причем саму схоластику тогда нередко отождествляли с томизмом²⁴

Распространенный в академии способ философствования однозначно отождествлять со схоластикой нельзя. Если говорить о схоластике упрощенно и кратко, то ее своеобразием следует признать сопряженность с религиозной идеологией, основанной на принципах откровения и монотеизма. Что же касается академических курсов Киево-Могилянской академии, то их своеобразие заключается в отходе от схоластики, переходе к идеям философии Нового времени. Здесь, по обыкновению, различают два направления. Первое, несколько более консервативное, включает в себя таких мыслителей, как Стефан Яворский, Христофор Чарнуцкий и Геден Вишневицкий. Второе, тяготеющее к скромно выраженной прогрессивности, научно-просветительное. Сюда относятся Феофан Прокопович, Гавриил Бужинский, Михаил Козачинский и Георгий Конисский.

Профессора Московской академии, в целом ориентируясь на таких корифеев Второй схоластики, какими считались Васкес, Суарес, Арриага, Овиедо и Толет, со всем тем подходили к названным авторитетам дифференцированно, выбирали из их сочинений то, что в наибольшей степени отвечало потребностям отечественной духовной культуры. Схоластика с присущей ей гиперболизацией рационального мышления, своеобразной культурой философских диспутов, жесткой регламентацией общения внутри научного сообщества выглядела в России явлением неорганическим, и потому не смогла консолидироваться в целостный историко-философский этап. В России к тому времени превалировали идеи восточной патристики, прихотливо соединявшиеся с элементами зарождающегося гуманизма. В современной историко-философской литературе (М.Н.Громов, Л.А.Успенский) данное направление интеллектуальной деятельности характеризуется как кирилло-мефодиевское. В свете этой традиции философ понимался отнюдь не как рафинированный интеллект, удалившийся от суеты мира в располагающую к размышлениям тень монастырской кельи или профессорского кабинета, но как подвижник, просветитель, неутомимый борец, готовый пожертвовать самой жизнью ради конечного торжества разделяемой им идеи. Именно этим и объясняется "характерное для отечественной философии расщепление ее во всем контексте культуры, тяготение к живому, яркому слову, пламенная публицистичность, отказ от нагромождения тяжеловесных конструкций, особый интерес к нравственной, антропологической, исторической тематике"²⁵.

Однако схоластика дала русской мысли именно то, чего ей так не доставало тогда и в определенной степени недостает теперь: строгую школу мысли, навыки правильного философского дискурса, умение четко излагать свои взгляды и опровергать чужие. Значение схоластики для развития отечественной философской мысли часто недооценивается, хотя она имеет за собой столетнюю традицию академического образования, своеобразную школу, многотомные рукописные сочинения. Описание сохранившихся философских и риторических курсов одной только Киево-Могилянской академии дает представление о 365 подобных трудах, каждый из которых, применительно к современной типографской практике, "тянет" на 30–50 авторских листов²⁶.

В первой четверти XVIII века наиболее заметными профессорами Московской академии были Феофилакт Лопатинский, Стефан Прибылович и Гедеон Вишневский.

Федор Леонтьевич Лопатинский (в монашестве – Феофилакт) родился на Воыньщине, в дворянской семье. И хотя мы не располагаем точными сведениями о его рождении, из того, что Лопатинский был школьным товарищем Прокоповича, мы можем предположить, что он родился где-то в конце 70 – начале 80-х годов XVII столетия.

Отучившись положенное время в Киево-Могилянской академии, Лопатинский предпринял путешествие по Европе с образовательными целями. Будущий ректор Московской академии, по некоторым сведениям, учился в Польше, Италии и Германии. В Москве Лопатинский, по сохранившимся до нашего времени источникам, появился в 1702г. Карьера ученого монаха пошла вверх круто: с 1704 по 1706гг. он читает философские лекции в реформированной Московской академии. Затем настал черед теологического курса, гораздо более обширного, который был завершен лишь в 1710г. Согласно академическим правилам Лопатинский с 1706 по 1708гг. занимал должность префекта, а с 1708 по 1722гг. – ректора академии, одновременно являясь настоятелем Заиконоспасского монастыря, где, как нам уже известно, и располагалась академия.

Занимая пост ректора, Лопатинский в целом поддерживал преобразовательную политику Петра I. Он, в частности, выступал с патриотическими проповедями, особенно в связи с событиями русско-шведской войны. Правительство в долгу не осталось: в 1710г. ректор получил прибавку к жалованию за составление особой церковной службы в ознаменование полтавской виктории.

С 1712 по 1726гг. Лопатинский плодотворно трудился над славянским переводом Библии, в этом благородном начинании ему помогали директор Духовной типографии Ф.Поликарпов, С.Лихуд, монах Феолог, грек Анастасий и (с 1724г.) А.Кондоиди. Перевод этот впоследствии получил известность, как Библия 1751г. издания, или Елизаветинская. Такой труд потребовал от членов двух специальных комиссий, в обеих из которых Лопатинский играл ведущую роль, колоссальной работы по сравнению текстов, по меньшей мере, на четырех языках. Перипетии политического оттенка привели к тому, что издание 1751г. с именем Лопатинского, как правило, не связывается, хотя, как считают ведущие исследователи проблемы, все важнейшее в исправлении перевода сделано при Феофилакте и принято без изменения последующими исправителями.

Выдвигая на передний план Прокоповича, Петр, однако же, не забывал и Лопатинского, чьи личные качества он ценил очень высоко. С 1719г. Лопатин-

ского стали часто вызывать в Петербург, а с учреждением Св.Синода включили в его состав, на первых порах советником. По оставлении Московской академии Лопатинский сделался архимандритом Чудова монастыря.

При Екатерине Феофилакт получает очередное повышение: он становится архиепископом и вторым вице-президентом Св.Синода. Таким образом он снова близко столкнулся с Прокоповичем, который тогда занимал пост первого вице-президента.

В 1728г. Лопатинский издает основной труд к тому времени уже скончавшегося Стефана Яворского – “Камень веры” В склонных к протестантизму правящих кругах издание это вызвало нескрываемое раздражение. Далее, упорное нежелание Лопатинского принимать участие в многочисленных придворных интригах, в чем, примера ради, заметно преуспел Прокопович, создало Тверскому архиепископу своеобразную репутацию, все уважали его честность и прямоту, но своею непрактичностью и патриархальностью отношений он отталкивал от себя даже тех, которые были расположены в его пользу.

Неудивительно, что Лопатинский, обладая отмеченными выше качествами, быстро сделался жертвой бесплодной борьбы придворных группировок, коей было заполнено мрачное десятилетие бироновского режима. В научной литературе предпринимались попытки расследовать подробности так называемого “решиловского дела”, куда роковым образом был затянут Лопатинский. Так, мы знаем, что допрашивать Лопатинского начали где-то с 1732г., в июне 1735г. он подвергся аресту, противозаконно осужден, а с 13декабря 1738г. содержался в мрачном застенке, Выборгском замке Герман. Применяемые в Тайной канцелярии методы дознания вызвали и у без того слабого здоровьем Лопатинского тяжкую болезнь, от которой ему не суждено было оправиться. Прокопович не присутствовал на допросах своего коллеги, но этим обелить себя, конечно же, не мог, поскольку все прекрасно знали, что следственное дело было инспирировано именно им. Легенда донесла до нас занимательную подробность: в 1736г., умирая у себя дома, на Аптекарском острове, Прокопович в предсмертном бреду то и дело повторял имя Лопатинского. Не чиста, выходит, была совесть у автора “Духовного регламента”

В регентство Анны Леопольдовны, когда пытались исправить последствия наиболее вопиющих преступлений предыдущего царствования, Лопатинский получил помилование, причем ему были возвращены все должности и привилегии. Но жить страдальцу за правое дело оставалось, к сожалению, недолго. бмая 1741года измученный многолетними мучениями, тяжело больной старик тихо отошел в вечность.

Философский курс Лопатинского включал в себя логику, натурфилософию, метафизику, пневматику (психологию), метеорологию (естествознание) и математику. Логика Лопатинского расценивается ныне как своего рода итог формирования русского логического знания XVIIвека. Небезынтересно отметить и то, что еще В.В.Зеньковский при оценке творчества Лопатинского взял чрезвычайно высокую ноту: он считал его своеобразным борцом за свободу мысли.

Если Лихуды были пионерами профессионального философского образования в России, то Лопатинского с полным правом можно назвать его основателем, поскольку традиция академического преподавания после него не прерывается, тогда как попытка Лихудов увенчалась лишь весьма скромными ус-

пехами (они успели полностью прочитать лишь курс логики, что, согласимся, нельзя считать полным философским курсом).

Период между преподаванием Лихудов и появлением на академической кафедре Лопатинского был наполнен малоэффективными попытками ввести в Москве правильное философское образование. Иосиф Туробойский – префект академии с 1703 по 1704гг – философских лекций, по всем вероятностям, не читал, потому что в это время пребывал в Киеве, появляясь в Москве наездами. Что касается до первых киевских учителей, то они прибыли в Москву со своими студентами 16 февраля 1701года, но к преподаванию философии, по причинам так и оставшимся неизвестными, не смогли приступить даже в ноябре месяце.

После Лопатинского согласно академическим правилам философию обязаны были читать следующие преподаватели – Стефан Прибылович, Иоанн (Иоасаф) Томилович, Феофил Кролик, Иннокентий Кульчицкий, Гавриил Бушинский, Геден Вишневский, Геден Гробецкий и Платон Малиновский. До нас, однако же, дошел лишь курс Ст.Прибыловича да часть курса Г.Вишневого. Прочие преподаватели либо не смогли завершить чтение курса, либо пользовались чужими рукописями, либо их труды не сохранились.

Курс Прибыловича, который какое-то время обучался в Киево-Могиланской академии, отличается компилятивным характером, заметно уступая таким курсам, как курсы Лопатинского или Прокоповича. Что же касается курса Вишневого, то он представляется во многом схожим с аналогичными трудами Лопатинского, хотя определенное суждение здесь вынести невозможно ввиду отсутствия важнейших частей названного курса.

Лопатинский внимательно следил за ходом учебного процесса до 1719г., когда, из-за частых командировок в Петербург, вынужден был возложить эти обязанности на Вишневого. Других преподавателей такого уровня в академии воспитать не удалось.

При современном состоянии изученности вопроса ничто не мешает нам заявить, что курс Лопатинского дает наиболее адекватное представление о характере философского преподавания в Московской академии первой половины XVIIIвека, подтверждением чему служит наличие многочисленных списков с этого курса, сохраняемых как в Москве, так и в Киеве.

Богословская система Лопатинского пользовалась примерно таким же успехом. Преподавание по его конспектам в Москве, равно как и в сети зависящих от Москвы семинарий, продолжалось в течение всей первой половины XVIIIвека.

Для философской системы Лопатинского, как и для всей русской схоластики в целом, характерно преобладание логики и натурфилософии в структуре философского знания. Особенный интерес представляет натурфилософская концепция Лопатинского, основным понятием которой являлось природное тело, его начала и причины, свойства и состояния. Лопатинский, хотя и различал философию и теологию по предмету, со всем тем рассматривал названные дисциплины как взаимодополняющие.

Философию Лопатинский определял как знание сущего, сотворенного и несотворенного, приобретаемое благодаря свету дарованного нам от природы разума (*secundum naturae et rectae rationis lumen*). Кроме этого он приводил и другое, более распространенное, определение философии – достоверное и очевид

ное знание дел божественных и человеческих²⁷ Под божественными делами подразумевался Бог и Его творения, под человеческими — тела, сам человек и человеческие действия.

Материальной целью философии Лопатинский считал человека, формальной — познание истины и упражнение в добродетели. В качестве цели названной науки полагалось естественное блаженство, достигаемое путем познания первой истины (Бога) и упражнения в добродетели.

Философия согласно доктрине Лопатинского разделялась на теоретическую и практическую. Теоретическая философия далее подразделялась на три дисциплины, а именно: физику, метафизику и математику, практическая же, в свою очередь, — на логику и этику. Ряд дисциплин выводился за пределы собственно философской проблематики, к ним, в частности, относились следующие: астрология (физическая астрология, иными словами, астрономия все же относилась к физике), эмпирическая медицина (этиология также относилась к физике), магия, положительная юриспруденция, положительная теология, риторика, география и грамматика.

В понимании природы материи Лопатинский держался умеренного сенсуализма, подвергая резкой критике крайности материализма и субъективного идеализма. В гносеологии он настаивал на первичности в процессе познания объективно данного, считал, что познание обусловлено закономерными, естественными процессами, пытался вычленить правила, приводящие нас к адекватному постижению природы. Отсюда же легко объяснить присущее Лопатинскому критическое отношение к скептицизму и агностицизму.

Основным вопросом философии Лопатинский считал вопрос о началах природного тела. В зависимости от того или иного решения этого вопроса философы, по мнению профессора академии, относятся к монистам, дуалистам и плюралистам (атомистам). К последним Лопатинский причислял Галилея, Гассенди, Декарта, Себастиана Бассо, Бернгардуса и Магненуса.

Сам Лопатинский признавал началами природного тела материю, форму и их сочетание (соединение). Если же говорить о строении вещества, то он развивал своеобразную корпускулярную теорию. В конце натурфилософского курса Лопатинский излагал учения Птолемея, Коперника и Тихо-де-Браге о строении вселенной, предпочтению все же отдавалось Тихо-де-Браге.

Традиционно считается, что в России первый словарь философских терминов был составлен Г. Тепловым в 1751 году. Теплов объяснил значение 27 философских терминов на русском, латинском и французском языках.

Приоритет в создании первого философского словаря в России, по всей видимости, следует отнести Лопатинскому. Его «Диалектика» содержит в себе специальный словарь философских терминов, чей смысл туго уяснялся обучающимся российским юношеством. Всего в словаре объясняется 141 термин, среди которых встречаются важнейшие для философского образования: «материя», «форма», «абстрактный», «конкретный», «категория», «сущность», «существование», «природа», «объективный», «субъективный»

После Гедеона Вишневого (1722) философию в Московской академии преподавали Гедеон Грембецкий, Платон Малиновский, Софроний Мегалевич, Иннокентий Нерунович, Стефан Калиновский, Антоний Кувчинский, Кирилл Флоринский, Порфирий Крайский, Иоанн Козлович, Константин Бродский, Георгий

Шербанкий, Геннадий Драницын, Владимир Каллиграф (Крыжановский, приятель Г.С.Сковороды), Ириней Братановский, Иннокентий Нечасев, Макарий Петрович, Антоний Герасимов-Забелин, Феофилакт Горский, Тихон Малинин, Амвросий Подобедов.

К середине XVIIIвека усиливается внимание к этической проблематике, сохранились, в частности, курсы Козловича и Каллиграфа. Вообще говоря, второй период в истории преподавания философии в стенах Московской славяно-греко-латинской академии изучен крайне слабо. Однако же мы знаем, что официальный переход от схоластического перипатетизма к вольфианству Г.Винклера и Хр.Баумейстера (после кратковременного увлечения картезианством [Э.Пуршо или по тогдашнему написанию Пурхошн]), произошел в 50-ыегоды XVIII столетия.

Мы располагаем приятной возможностью предложить благосклонному вниманию читателя перевод логического трактата Феофилакта Лопатинского. Трактат этот носит название "Диалектика" и предваряет собой обширный философский курс названного мыслителя. Замечания и уточнения, которые будут необходимы для последующих изданий и переизданий трудов выдающегося российского просветителя Феофилакта Лопатинского, будут приняты нами с чувством живейшей благодарности.

20 мая 1997г.

А.В.Панибратцев

ПРИМЕЧАНИЯ

Громов М.Н. История русской философской мысли // История философии. Запад-Восток-Россия. М., 1995. Кн. 1. С. 454–457.

Ключевский О.В. Курс русской истории. Ч. 5. // Соч.: В 9 т. Т. 5. М., 1989. С. 149.

Ключевский В.О. Указ. соч. С. 150.

Основополагающей здесь остается работа немецкого исследователя Э.Винтера "Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde im 18-en Jahrhundert" В., 1953.

⁵ *Харламович К.В.* Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. Т. 1. С. 127; *Флюоровский А.В.* Латинские школы в России в эпоху Петра Первого // Восемнадцатый век. М.:Л., 1962. Сб. 5. С. 316–335.

О Ртищевской школе см.: Румянчева В.С. Ртищевская школа // Вопросы истории. 1983. № 5. С. 179–184. Вопрос этот, не в укор многим исследователям будет сказано, остается дискуссионным и по сию пору. Так, в научной литературе наличествует мнение, следуя которому само существование всех перечисленных выше школ XVII столетия ставится под радикальное сомнение. См.: Каптерев М.Ф. О греко-латинских школах в Москве в XVII веке до открытия Славяно-греко-латинской академии // Речь, произнесенная на публичном акте МДА 1 октября 1889 г. Сергиев Посад, 1889. Сюда же следует отнести цитированный выше, тщательно документированный труд Харламповича.

Хижняк З.И. Киево-Могилянская академия. Киев, 1988. С. 71.

Помимо собственно философского курса, до нас дошли три философские работы Гизеля: "Сочинение обо всей философии", "Философские аксиомы" "Мир с Богом человеку"

Сумцов Н.Ф. К истории южно-русской литературы ХУП ст. Харьков, 1885. Вып. 3. С. 3.

Правда, гораздо менее радикальная в сравнении с попыткой, представленной в "Ответе Софрония Лихуда", о котором речь пойдет ниже.

Вторая схоластика – философское направление, официально принятое католической церковью в период Контрреформации, то есть после Тридентского собора (1545–1563). На этом соборе, помимо прочего, были утверждены догматы о первородном грехе, о чистилище, о непререкаемости авторитета папства (даже относительно постановлений соборов католической церкви), а также предан анафеме протестантизм. Тридентское исповедание веры подверглось существенным изменениям, кстати говоря, подвергнутым ожесточенной критике сторонниками этого исповедания (кардинал Лефевр), только в 60–70 гг. нашего века.

Философские взгляды Стефана Яворского подробно изучены в монографии львовского исследователя *И.С.Захары* "Борьба идей в философской мысли на Украине на рубеже XVII–XVIII веков (Стефан Яворский)" Киев, 1982. "Десять книг Аристотеля к Никомаху, то есть этика" Стефана Калиновского. "Этика" Сильвестра Кулябки и "Нравственная философия, или этика" Михаила Козачинского опубликованы в русском переводе *М.В.Кашубы* в книге "Памятники этической мысли на Украине XVII – первой половины XVIII ст." Киев, 1987.

Ничик В.М. Из истории отечественной философии конца XVII – начала XVIII века. Киев, 1978. С. 298.

Свои полемические сочинения братья Лихуды, как правило, писали совместно, чего, впрочем, нельзя сказать относительно философских курсов. Сочинения эти дошли до нас в рукописях, единственная крупная работа Лихудов, которая была напечатана в сравнительно недавнее для нас время, – “Мечец духовный”, изданная в 1866 г. трудами Казанской духовной академии.

В этой связи представляется уместным привести язвительную ремарку *К.А.С. васьяна*: “Таковы средневековые метаморфозы Аристотеля, с мыслью которого университетская Европа знакомилась – шутка ли сказать! – по латинскому переводу еврейского перевода комментария к арабскому переводу сирийского перевода греческого текста” // *Шпенглер О.* Закат Европы. М., 1993. Т. 1. С. 638 (Примечание 32).

Стратий Я.М. Проблемы натурфилософии в философской мысли Украины XVII в. Киев, 1988. С. 32.

Аржанухин В.В. К публикации “Ответа Софрония Лихуда” // Историко-философский ежегодник 1993. М. 1994. С. 228–230. Перевод этого памятника отечественной философской мысли и комментариев к нему см.: Там же. С. 231–255.

Рукопись хранится в Государственной публичной библиотеке им. М.Е.Салтыкова-Щедрина. Софийское собрание. № 1427.

Лихуд С. Arphantisma philosophicum // Отдел рукописей РГБ. Ф. 173. № 302. V. 127.

Яворский Стефан. Неизданные сочинения // Черниговские епархиальные ведомости. 1861. № 10. С. 468–469.

Знаменский П.В. Духовная школа в России до реформы 1808 года. Казань. 1881. С. 320.

Шкуринов П.С. Философия России XVIII века. М., 1992. С. 51.

Подобного мнения придерживался, в частности, *С.К.Смирнов*, чья история Московской славяно-греко-латинской академии (50-ые годы XIX века) остается фундаментальным произведением (Nachschlagewerk) и по сию пору. Последующие исследователи, не утруждая себя чрезмерным критицизмом, охотно воспроизводили высказывания Смирнова.

Громов М.Н. Указ. соч. С. 450

Стратий Я.М., Литвинов В.Д., Андрушко В.А. Описание курсов философии и риторики профессоров Киево-Могилянской академии. Киев, 1982.

Цитаты из рукописного курса Лопатинского “Аристотелево трехпутье...” даются в переводе автора этого очерка.

ДИАЛЕКТИКА

1. Слово “диалектика” – греческое, переводится оно как “наука о ведении спора” или просто как “беседа между двумя людьми” Определение диалектики: “Искусство, устанавливающее правила речи, но не внешней, а внутренней, то есть правила мышления или операции разума” (*Ars proponens quaedam praecepta circa sermonem non internum sed externum, consistentem in cognitionibus seu operationibus intellectus recte constituendis*). Бозций определял диалектику как искусство правильно рассуждать и спорить. Другие философы определяют диалектику как приобретенное свойство разума, то есть науку, кратко излагающую способы получения знания. (*Habitus compendiose tractans de modis sciendi*). Под этими способами понимаются определение, деление, доказательство, посредством коих мы и приобретаем знание. В обиходе диалектикой называют сокращенное изложение логики, где приводятся элементарные сведения, касающиеся операций человеческого разума. В этом смысле диалектику иногда называют введением в логику, или малой логикой. Вопросы, разбираемые в логике подробно, диалектика рассматривает в кратком виде. Диалектику называют также введением в философию, потому что она приносит немалую пользу при изучении всех философских дисциплин. Климент Александрийский совершенно справедливо сказал, что диалектика указывает людям путь к Божественной мудрости. Итак во-первых, задача диалектики заключается в том, чтобы направлять к истине человеческий разум, который, будучи по природе склонен к заблуждению, постоянно колеблется между ложью и истиной. Благодаря диалектике мы можем избежать ошибок в любой из наук. Во-вторых, объект диалектики – операции разума (*operationes intellectus*).

2. Диалектика понимает операцию разума как некое нематериальное жизненное действие человеческой души, направленное на познание объектов. В процессе познания объекты эти как бы отражаются в человеческой душе, представляются в ней образно. (*Actus quidem vitalis spiritualis animae per quem anima objecta cognoscit et circa illa ita versatur ut haec objecta in illo actu tanquam in sua imagine represententur et reluceant*). Слово “операция” употребляется здесь потому, что в названном действии осуществляется разумная потенция (*potentia intellectiva*), которая направляется на какой-либо объект, следовательно, разумная потенция “действует, работает” именно в том смысле, в каком и употребляется глагол “operari”. Действие это называют также “внутренним словом” оттого, что в процессе познания ум как бы разговаривает сам с собой. По аналогии с нарисованной картиной то же самое действие называют “воспроизведенным образом” (*species expressa*) или “изображением объекта”, поскольку познанный объект относится к разуму точно так же, как, допустим, человек к своему портрету. Объектом, на который направляется деятельность разума, считается любая вещь, имеющая быть представленной в разуме посредством осуществления разумной потенции.

3. Поскольку разумная потенция может направляется на объект тремя различными способами, в диалектике изучают три рода, или соподчиненных вида, операций разума. При первой операции разум лишь созерцает объект, ничего насчет него ни утверждая, ни отрицая. В этом случае мы имеем дело с первым созерцанием разума (*intuitus primus*). Так, услышав слово “Бог” или “ангел”, мы получаем знание об объектах, данными словами обозначаемых, однако же ничего насчет них ни утверждаем, ни отрицаем. Мы же не задаемся вопросом, существует ли Бог? Един ли Он в трех Ипостасях? Далее, услышав какое-нибудь высказывание, представляющее собою связный ход мыслей (*discursus*), мы можем получить о нем знание как о таковом, безо всякого согласия или несогласия с ним. Операция эта называется первой, потому что предшествует прочим операциям разума, я имею в виду суждение и рассуждение. И в самом деле, она осуществляется до суждения, ведь прежде чем судить о каком-либо объекте, я должен познать этот объект простым созерцанием (*simplici intuitu*). Названная операция предшествует рассуждению, потому что рассуждение составляется из нескольких суждений. Первую операцию иногда называют “простым постижением”

(simplex apprehensio), буквально “схватыванием”, ведь с ее помощью мы словно рукой хватаем объект и присваиваем его себе. При отрицании же один объект отделяется от другого, при утверждении — с ним соединяется, и это называется второй операцией разума. Философы пользуются словом “простое схватывание” вовсе не потому, что посредством первой операции мы познаем лишь простые вещи, так как операция эта позволяет познавать любые вещи, которые представляются в нашем разуме просто, то есть, безотносительно к чему-либо.

4. Получив при помощи первой операции разума предварительное знание о каком-нибудь объекте, мы можем что-либо утверждать или отрицать касательно данного объекта, и это действие будет называться второй операцией разума. Так, получив посредством первого постижения предварительное знание о Боге, я могу утверждать, что Бог — Един в трех Ипостасях, что иных богов не существует, что Бог — всемогущ, что Он не причастен смертному телу и т.п. Философы дали второй операции разума множество наименований. Ее, во-первых, называют суждением (*iudicium*), поскольку разум в отношении объекта познания выступает как бы в роли судьи. Во-вторых, ее называют высказыванием (*enunciatio*), поскольку об объекте нечто высказывается. В-третьих, — предложением (*propositio*), поскольку во второй операции сущность и свойства объекта как бы предлежат нашему разуму. В-четвертых, — утверждением и отрицанием, поскольку при любой подобной операции относительно объекта что-либо утверждается или отрицается. В-пятых, согласием или несо согласием, поскольку утверждение формально является согласием, а отрицание — несо согласием. И, наконец, в-шестых, — составлением и делением (*compositio et divisio*), поскольку при утверждении понятия соединяются, а при отрицании разъединяются.

5. При совершении третьей операции разума относительно объекта (второй операции) утверждается нечто новое, и в случае истинности этого утверждения получается приращение знания. Например, стена — белая, следовательно, она окрашена, или, пошел дым, следовательно, где-то горит огонь. Одно суждение в данном случае как бы выводится из другого. Иначе операцию эту называют рассуждением (*discursus*), потому что разум здесь как бы перебегает (*discurrit*) от одной истины к другой. Вообще говоря, третью операцию могут называть различными способами, например, доказательством (*argumentatio*), логическим зак-

лючением (illatio), умозаключением (ratiocinatio), консеквенцией и т.п. Три названные операции разума составляют собой предмет как диалектики, так и логики. Аристотель посвятил первой операции книгу “Категории”, второй – “Об истолковании”, третьей – “Первую Аналитику” и “Вторую Аналитику”. В трех диспутах нашей “Диалектики” мы рассмотрим все эти вопросы вкратце, более подробно же поговорим о них в “Логике”

ДИСПУТ ПЕРВЫЙ. ПЕРВАЯ ОПЕРАЦИЯ РАЗУМА

Здесь мы постараемся объяснить, что такое диалектический термин (terminus dialecticus). Термин этот считается важнейшим видом первой операции разума или же самой такой операцией. От первой операции термин, согласно мнению некоторых философов, отличается лишь тем, что слово “операция” употребляется в абсолютном значении, иными словами, безотносительно к иным операциям, тогда как слово “термин” предполагает совершение второй операции. По моему же мнению, первая операция сводится исключительно к терминам. В этом диспуте нами будут рассмотрены три вопроса: первый – о сущности терминов, второй – о делении терминов, третий – о свойствах терминов.

Вопрос первый. Диалектический термин

6. Слово “термин” имеет множество значений, поэтому дать определение понятию “диалектический термин” – дело непростое. Слово “термин”, во-первых, означает границу, или предел чего-либо. Именно в таком смысле и употребляется данное слово, когда говорят о смерти как пределе жизни, о рае как месте пребывания праведников и об аде как месте наказания нечестивцев. В своем втором значении слово “термин” подразумевает не только конец, но и начало. Так, в геометрии термином называют начало и конец линии. В диалектике слово “термин”

употребляется во втором своем значении, причем терминами, с полным на то правом, называются субъект и предикат суждения. В суждении “Петр – бел” мы, таким образом, имеем два термина. Сомнение возникает только относительно связки (*copula*). И действительно, является ли термином глагол и, кроме него, наречия и иные частицы? По меткому замечанию Арриаги, спор здесь идет лишь о словах, точнее говоря, о современном словоупотреблении. Так, Гуртадо в 6 главе I диспута замечает, что глагол следует считать связкой, но не крайним членом суждения, а наречия – свойствами самих терминов. Определения диалектического термина станут вам более ясными, если вы не будете забывать о том, что под терминами понимаются как мысли, так и произнесенные слова (*voces tum internas quam externas*).

Раздел первый. Диалектический термин

7. Положение первое. Термин есть крайний член суждения (*extremum propositionis*). Так, считают Овиедо, Комптон и прочие. Определение это совпадает с определением Аристотеля в I книге “Первой Аналитики”: “Термином я называю то, на что распадается посылка, то есть то, что сказывается, и то, о чем оно сказывается с присоединением глагола “быть” или “не быть”” Аристотелевское определение, впрочем, можно расценивать и как объяснение (*explicatio*), что и отличает его от данного нами определения.

8. Объяснение определения. Сказано, во-первых, “термин есть крайний член суждения” из-за сходства терминов с сочетаемыми членами физического соединения (*cum extremis unibilibus compositi physici*). Так, члены физического соединения, а именно материя и форма, называются конечными членами соединения, ведь названное соединение образуется благодаря сочетанию (*unio*) этих членов. Термины суждения, субъект и предикат называются крайними членами суждения, потому что при помощи связки составляют некоторое интенциональное соединение (*compositum quoddam intentionale*), а именно суждение. Под крайним членом суждения не следует понимать то, что занимает крайнее место физически. Субъект и предикат нужно понимать в логическом смысле, так что даже предпоследние буквы слова могут рассматриваться в качестве терминов. Да и Аристотель дает крайне широкое определение крайнего члена (*extremum – omne extra quod nihil illius rei est et intra quod*

omnia illius rei sunt, cuius est extremum). Крайним член называется также и потому, что субъект и предикат закрывают суждение с обеих сторон, словно замыкающие линию точки, за которые линия уже не выходит. Так, фраза “Петр есть”, если понимать “есть” существенно (substantive) сводится к множеству предикатов, ведь мы можем сказать “Петр есть сущее”, “Петр есть субстанция”, “Петр есть животное” и т.д.

Сказано, во-вторых, крайним членом является то, на что разлагается суждение. Здесь также прослеживается аналогия с физическим соединением, которое по уничтожении распадается на свои составные части. После смерти, например, человека остаются тело и разумная душа, но их сочетание уничтожается. С уничтожением же интенционального соединения, каковым является суждение, остаются субъект и предикат, но связка исчезает. Так, с уничтожением связки “есть” в суждении “Петр есть животное” интенциональное соединение уничтожается, а оставшиеся крайние члены “Петр” и “животное” суждения образовывать не будут. Это называется разложением (resolutio) суждения.

Сказано, в-третьих, на субъект и предикат. В суждении наличествуют два термина. Тот, о котором говорится другой, именуется субъектом, или меньшим крайним членом, а тот, который сказывается, — предикатом, или большим крайним членом. Естественная предикация подразумевает, что предикат — более общий, нежели субъект и соответственно наоборот. Если же они не отличаются друг от друга по степени общности, то подобное суждение считать естественным нельзя. Когда же предикат — менее общий, то получается неестественное суждение, например, “человек есть Петр”. В отрицательных суждениях предикат не столько сказывается о субъекте, сколько отрицается. Например, “Петр не есть ученый”, здесь относительно “Петра” отрицается свойство “ученость”.

9. Доказательство правильности определения. Правильным (bona) определением термина считается такое, которое всегда подойдет любому термину и лишь только термину (omni soli et semper termino). Предложенное нами определение “Термин есть крайний член суждения” удовлетворяет этим требованиям. Следовательно, наше определение — правильное. Истинность первой (большей) посылки прояснится из дальнейшего изложения, когда мы перечислим правила определения, которое, в частности, всегда должно подходить каждому определяемому. Вторая (меньшая) посылка доказывается по частям. Наше определение подходит

любому термину, так как мы не можем назвать термин, который бы оно не обнимало. Далее, определение это подходит лишь термину, потому что мы не можем найти ничего, исключая термин, что подпадало бы под данное определение. Наконец, наше определение подходит любому термину всегда, что будет подробней объяснено в ответах на возражения. Третье суждение (вывод) в доказательстве не нуждается, поскольку получено оно надлежащим образом.

10. Доказательство второе. Наше определение правильное, так как получено через ближайший род и видовое отличие, подробней о которых будет сказано дальше. Разъяснение меньшей посылки. В определении термина “Термин есть крайний член суждения” “крайний член” (*extremum*) является родом, поскольку предикат этот может сказываться о многом ином, нежели термин. Так, он может сказываться о частях физического соединения и о терминах количества. Что касается “суждения”, то это – видовое отличие, благодаря которому термин суждения отличается от прочих терминов.

11. Положение второе. Термин не есть слово с произвольно установленным значением (*vox significativa ad placitum*). Не есть он также и знак, образующий категорическое предложение (*signum propositionis cathegoricae constitutum*), как то полагал Дунс Скот. Не есть он и употребляемый в предложении знак.

Доказательство. Определение Скота не подходит всякому термину. Так, оно не подходит понятию (*terminus mentalis*), между тем как философы под термином подразумевают по преимуществу понятие. Не годится определение Скота и для не имеющего значения звукового термина (*terminus vocalis non significativus*), поскольку в суждении множество не имеющих значения звуков являются термином. Так, излюбленное диалектиками “бликтри” выступает в роли термина в следующем суждении: “Бликтри ничего не значит”. Во-вторых, Гуртадо отвергает определение Скота в 9 параграфе своего труда. По мнению Гуртадо, определение Скота не годится для гипотетических суждений, которые как таковые не являются категорическими суждениями. Примера ради, в суждении “Не возможно, что Петр есть белый” термины формально наличествуют, но суждение это с необходимостью будет гипотетическим. В-третьих, определение Скота подходит не одним только терминам. Так, наречия, косвенные падежи имен, связка суть знаки, употребляемые в суждении, но они отнюдь не являются терминами суждения.

Определение Скота, наконец, не подходит всякому термину, ведь даже ничего не значащие звуки могут выступать в роли терминов суждения, хотя и не будут знаками, потому что они ничего не обозначают.

Раздел второй. Ответы на возражения против данного нами определения термина

12. Возражение первое. Правильное определение подходит любому термину и лишь только термину. Однако определение под № 1 не подходит любому термину и лишь только термину. Следовательно, оно – неправильное. Меньшая посылка разделяется на две части.

Первое доказательство первой части меньшей посылки: “Наше доказательство не подходит любому термину” Данное определение не подходит слову “человек”, взятому единично (solitarie), в отрыве от суждения. Следовательно, наше определение не подходит любому термину. Доказательство антецедента: слово “человек”, взятое единично, вовсе не является крайним членом суждения, поскольку не является в данном случае ни субъектом, ни предикатом, ибо относительно него ничего не сказывается, да и само оно ни о чем не сказывается. Следовательно, и т.д.

13. Вторая часть меньшей посылки “Наше определение подходит не только термину” доказывается многими способами. Во-первых, данное определение подходит и для связки. Доказывается это следующим образом. То, что может выступать в качестве крайнего члена суждения, то и подходит под наше определение. Связка же может выступать в качестве крайнего члена суждения, следовательно, определение наше подходит и для связки. Доказательство меньшей посылки: связка может быть крайним членом суждения. Например, в суждении “Есть есть связка” (Est est copula), где она выступает в качестве субъекта. В суждении же “Бог есть” (Deus est) связка выступает как предикат, ведь иного предиката здесь не находится.

14. Второе доказательство меньшей посылки. Наше определение подходит для наречий, косвенных падежей, предложений и относительных (терминов) (relativis), если их употреблять не

материально, но формально (non materialiter, sed formaliter et exercite sumptis). Например, суждение “Петр Алексеевич есть император русских” (P.A. est Imperator Rossorum) разлагается на “P.A.” и “Imperator Rossorum”, где “Rossorum” стоит в косвенном падеже. Наречия, однако же, не могут являться терминами, потому что не суть ни предикат, ни субъект. Следовательно, данное определение подходит не одним терминам. Следовательно, и т.д.

15. Третье доказательство. Наше определение подходит целому суждению, рассуждению, даже какой-нибудь большой речи Цицерона, ведь и на них может быть разложено суждение. Например, суждение “Бог существует есть верное суждение” при устранении связки “есть” разлагается на субъект “Бог существует” и предикат “верное суждение”. Точно так же я могу сказать: “Необходимо любить всякое благо” и затем “Бог – благой” следовательно, “Господа необходимо любить есть верное рассуждение” (Deus est amandus est verus discursus). Все это рассуждение, таким образом, является как бы субъектом, а “есть верное рассуждение” – предикатом. Следовательно, наше определение термина подходит не только термину.

16. Данное определение подходит даже слогам и буквам, потому что слоги и буквы могут являться крайними членами суждения, то есть находиться на последнем месте и на них может быть разложено суждение. Следовательно, и т.д.

Раздел второй. Ответы на возражения против нашего определения термина

17. Ответ: соглашаясь с большей посылкой, я отрицаю обе части меньшей посылки. Я отрицаю антецедент первой части под № 12 и разъясняю доказательство: “это слово “человек”, взятое отдельно, не является крайним членом суждения” – не является способным быть таковым в возможности (potentia), в первом акте, тут я не согласен с антецедентом и т.д. Соглашаюсь, однако, с антецедентом, что не является в действительности – (actu), во втором акте. Точно так же разъясняю консеквент и отрицаю следование в принятом нами смысле. Основание разъяснения: в определениях берется в расчет первый акт, то есть обладание способностью (habitudo), а не второй. Так, когда

дается определение “человек есть мыслящее животное”, под мыслящим животным мы понимаем не второй акт, а именно чувствование и рассуждение, само употребление способности к рассуждению. Напротив, здесь мы имеем в виду способность (*potentia*) к рассуждению, потому что если думать иначе, то те, кто не рассуждает и не чувствует в действительности, не будут и людьми. Но это происходит с детьми, дураками, сильно расстроенными, пьяными и спящими. Существует и другое основание разъяснения. Определение складывается из того, что относится к сущности определяемого, но второй акт не относится к сущности определяемого субъекта, потому что может и не быть ему присущим. Это хорошо видно в случае чувственных восприятий и т.д. Следовательно, и при определении термина “крайний член суждения” не должен употребляться во втором акте, но в первом акте.

18. Ты будешь продолжать упираться. Следовательно, даже и это слово “бликтри” на деле окажется словом, имеющим значение. Доказательство: согласно ответу слово “человек”, взятое отдельно, есть термин и может являться крайним членом суждения, иначе говоря, ограничивать суждение. Но и “бликтри” может иметь значение, так как люди на самом деле наделили значением слово “хлеб” по установлению, пользуясь свободой воли. Точно так же они могли дать какое-нибудь значение слову “бликтри” Следовательно, если слово “человек”, взятое отдельно, есть термин, то “бликтри” есть слово, обладающее значением (*vox significativa*).

19. Некоторые отвечают, отрицая возражение. Разъясняется *causalis* доказательство. Принимается *causalis* — “итак”, “человек” есть термин, потому что может быть крайним членом суждения в ближайшей возможности (*potentia proxima*). Отвергается *causalis* в отдаленной возможности (*potentia remota*). Аналогично разъясняется меньшая посылка. Соглашаются с меньшей посылкой, что и “бликтри” может иметь значение в отдаленной возможности, но отрицают это в ближайшей возможности. Вместе отрицается и следование. Соглашаясь с антецедентом второго доказательства, тем не менее отрицают следование. Ибо “бликтри” годится для обозначения (*aptitudo*) в очень отдаленной возможности, сначала ведь люди в произвольном порядке должны вложить смысл, чтобы “бликтри” могло употребляться для обозначения в действительности. Только тогда оно окажется в ближайшей возможности действительно обозначать что-либо. По-

истине “бликтри” получит значение в действительности, когда оно подпадет под первую и вторую операции разума. Напротив, упомянутое слово “человек” обладает лучшей способностью (*aptitudo proxima*) образовывать суждения. Лучшей, потому что имеет значение, так что образовывать суждение очень удобно, используя его как субъект, так и как предикат. Мы, пожалуй, согласимся со всем этим ниже под № 44.

20. Предварительное замечание перед ответом на вторую часть. Глаголы, наречия, предложения, связка могут употребляться в двух смыслах. Во-первых, материально и обособленно, во-вторых, формально и удвоительно (*reduplicative*). Материально употребляются, когда употребляются сами по себе, вне связи с обозначаемым, то есть когда они не выполняют задачу означать что-либо, возложенную на них по людскому установлению. Формально же употребляются тогда, когда имеют установленное значение, как-то: выполняя задачу наречия, союза, связки и т.д. — это употребление согласно с их сущностью. Если мы имеем дело с первым употреблением, то тогда они могут быть терминами суждения, хотя это уже не наречия, глаголы и т.д., но имена. Такие высказывания являются корректными: “любить есть активный глагол”, “И есть связка”, “Хорошо есть наречие” В этом случае “любить” подразумевается в качестве субъекта и т.д.

Употребленные вторым способом, они не будут крайними членами суждения. Подобное происходит в суждении “Петр есть человек”, где “есть” берется в формальном употреблении, то есть в действительности выполняя задачу связки, ведь “есть” в действительности соединяет предикат и субъект, поэтому это не термин, но связка.

То же самое происходит и в суждении “Петр постоянно порядочен” Здесь “постоянно” употребляется как наречие, ибо оно означает только то, что предназначено означать слову “постоянно”, которое люди по установлению избрали для этой цели. А именно для обозначения постоянности, выяснения той меры (*modus*), в которой “Петр есть порядочный” Это не термин суждения, но свойство термина. Исходя из подобной точки зрения следует объяснять возражения относительно частиц, союзов и т.д. и даже целых предложений и рассуждений.

21. Теперь уже отрицаю доказательство второй части под № 13. Соглашаясь с большой посылкой доказательства, отрицаю меньшую. И соглашаясь с антецедентом того же доказа-

тельства, отрицаю следование. Разъясню антецедент таким образом: отрицаю то, что связка является частью, из тех, на которые разлагается суждение. Соглашаюсь с тем, что связка является своего рода частью (*pars qualiscunque*), отрицаю следование. Говорю дальше, в суждении “Есть есть связка” “есть” в материальном употреблении выступает в качестве субъекта. Но я не согласен с этим, если “есть” употреблять формально. Меня не удовлетворяет утверждение, что в суждении “Бог есть” “есть” выступает в роли предиката. Здесь мы сталкиваемся с сопричастным (партиципальным) (*sumitur participaliter*) употреблением “есть” и как глагола, имеющего значение существования, и как связки. Утверждение “Бог есть” равнозначно суждению “Бог есть существующий” Я сказал, что возражение не удовлетворительное, потому что “есть” не употребляется как предикат целиком, но имеет еще значение связки.

22. Заметь, что сказано об этом суждении, то можно утверждать и о множестве других суждений, которые составлены лишь из субъекта и глагола, каковы: “Петр бежит”, “Петр занимается” и т.д. Эти суждения разлагаются на наречия и связку, равнозначные глаголу “бежит”, “занимается” и т.д. и разъясняются как “есть бегущий”, “есть занимающийся” и т.д. Диалектики называют такие суждения “суждениями второго отношения” (*de secundo adjacentе*), ясно, что в них наличествуют субъект и глагол, а предикат и копула скрыты в глаголе. Поэтому подобные суждения необходимо всегда разлагать на причастие и глагол “есмь” Те же суждения, в которых наличествует субъект, предикат и связка кратко называются “суждения третьего отношения”

23. Отвечаю на второе доказательство под № 14. Во-первых, просто отрицаю антецедент, ибо ни одно целое не разлагается на свои случайные признаки, как-то: человек на белизну и т.д. Разъясню доказательство. Соглашаюсь с тем, что суждение разлагается на наречия, употребляемые материально, отрицая, однако, разложение суждения на наречия, употребляемые формально. Во-вторых, отрицаю антецедент, разъясняя доказательство по-другому. Отрицаю то, что суждение распадается на наречия как на крайние члены. Соглашаюсь, однако, что суждение распадается на наречия как обстоятельства и свойства терминов (*adjuncta, circumstantia et affectiones*). Можно также утверждать, что формально наречия и то, к чему они относятся, образуют единый термин. Поэтому “император русских” представляет собой единый термин. В тех же суждениях, где в качестве предика-

та употребляется косвенный падеж и нет прямого падежа, там необходимо подразумевается прямой падеж. Как, например, “этот пурпурный плащ царя” — подразумевается “одежда царя” “Богатства Петра”, то есть “Петр есть владеющий богатствами” или “богатства суть собственность Петра” Поэтому в подобных суждениях для того, чтобы узнать истинные термины, необходимо подыскивать эквивалент. Например, в суждении “Мне нужна книга”, равнозначном суждению “Я нуждаюсь в книге”, мы открываем: “Я емь нуждающийся в книге”

24. Отвечая на доказательство той же части под № 15, делаю разъяснение. Соглашаюсь с тем, что данное определение термина подходит целым предложениям и рассуждениям взятым материально. Отрицаю антецедент, если их брать формально. Отрицаю то, что данное определение годится для целых предложений и рассуждений, если их рассматривать как логическое целое, как вторую или третью операции разума, однако соглашаюсь с определением, если их рассматривать как части суждения, как первую операцию разума. Но в примерах, приведенных возражающими, они не являются целым, второй или третьей операцией разума, там они суть части суждения. Одно и то же в разном отношении (*respectu diverso*) может быть частью и целым, например, камень относительно себя является целым, а в отношении дома, куда он входит, является частью. Точно так же в разных отношениях бывает и первая, и вторая, и третья операции разума. Именно так следует понимать предложения и рассуждения, приведенные возражающими. Они употребляют предложения и рассуждения в качестве субъекта, который представляет собой часть суждения.

25. Отвечаю на доказательство той же части под № 16, отрицая антецедент. Разъясняю его смысл: соглашаюсь с тем, что суждение распадается на слогически физически, то есть на части, каким-то образом составляющие суждение, точно так же, как дом распадается на камни и скрепляющий раствор. “Распадается логически” — делаю дополнительное разъяснение: соглашаюсь, что распадается на слогически, взятые материально, отрицаю в формальном смысле, ведь суждение не распадается на них в таком смысле, как на субъект и предикат.

26. Возражение второе: определение должно быть более ясным, чем определяемое (т.е. не должно содержать круга — *A. II.*), ибо не приемлемо объяснять неизвестное через неизвестное. Но наше определение термина не яснее определяемого. Следова-

тельно, оно не удовлетворительное. Доказательство меньшей посылки: наше определение зависит от суждения, сказано ведь: “Термин есть крайний член суждения” Но отношение к суждению не яснее термина. Следовательно, наше определение не яснее определяемого. Доказательство меньшей посылки: само (понятие) “суждение” не яснее (понятия) “термин” Следовательно, и отношение (определения) к суждению не яснее (смысла) термина.

27. Отвечаю, во-первых: отрицаю меньшую посылку первого и второго доказательства. Антецедент третьего довода не удовлетворителен и вывод, следовательно, не верен. Потому, что можно познать порядок или отношение (*ordo sev respectus*) к чему-либо, познанному не совершенно, а лишь смутно. К примеру, не зная, что такое Бог, нельзя познать отношение творения к Богу. Тем не менее получить знание о Боге труднее, чем познать указанное отношение. Следовательно, таким же образом для того, чтобы получить сущностно определенное понятие (*notitia quidditativa*) термина, не следует искать сущностно определенно понятия для суждения, вполне достаточно и неопределенно понятия. Это говорит Овиедо в первой контрверсии, раздел первый, номер девятый. Так поступать легче, нежели искать сведения о сути бытия термина. Безусловно, познание сути бытия суждения сложнее и неопределеннее, чем познание сути бытия термина. Но это не имеет никакого значения, так как мы не определяем термин исходя из отношения определенности к суждению. Мы не ищем определенности именно суждения, но довольствуемся смутным познанием. Любой может достаточно познать определенность (*quidditas*) термина, если будет иметь смутное знание о том, что суждение является речью. После такого ответа, говорит Овиедо, мы уже в состоянии ответить оппоненту: “Ты сказал истину” или: “ты сказал ложь”.

27' Отвечаю, во-вторых: разъясняю большую посылку последнего доказательства другим способом. Правильное определение должно быть яснее определяемого. Отрицаю большую посылку относительно сказанного, как в прямом, так и в косвенном падежах. Соглашаюсь с тем, что правильное определение должно быть яснее определяемого в прямом падеже. Сделав разъяснение, отрицаю следование. В определении термина в прямом падеже стоит “Крайняя часть”, а в косвенном “суждения”, так что их совместное употребление яснее слова “термин”

28. Возражение третье. Аристотелевское определение получено не через первичные сущностные предикаты (*per predicata primo essentialia*). Можно ведь привести определение, полученное через первичные сущностные предикаты, как-то: “Термин есть крайний член, составляющий суждение” Так, как прежде чем что-либо должно распасться, его надо сначала составить. Итак определение Аристотеля не относится к сущности (*non est essentialis*), ибо оно вносит момент деятельности, обозначенный посредством “распадается”, являясь вторым актом, который может быть присущим субъекту. Следовательно, определение неверное.

Отвечаю: истинно, что данное определение получено посредством первичных сущностных предикатов и к тому же оно подходит всегда любому термину и только лишь термину. И в этом отношении оно достаточно правильное. Другое же определение: “Термин есть часть, составляющая суждение”, не достаточно ясное. Так, из него нельзя узнать, является ли связка термином или же нет, к тому же определение: “крайняя часть, составляющая суждение”, необходимо впоследствии разъяснять через то, на что суждение распадается. И еще – определение оппонента не получается из ближе стоящих к сущности предикатов, потому что “распадается” понимается не как действие (*actus*), но как возможность распасться. Таким образом, термин объясняют не из второго акта, но из первого, от термина не отделимого. Ясно, кроме того, что это доказательство не направлено против нас, потому что мы определили термин как “крайнюю часть суждения”

Опровержение прочих возражений

29. Заметь, во-первых: хотя суждение формально не делимо, тем не менее оно делимо по равносильности (*aequaliter*). По этой причине соединение и разложение находящегося в уме суждения не есть реальное, но интенциональное. Конечно, оно содержит в себе понимание (*apprehensiones*) предиката, субъекта и связки. отождествленные друг с другом (*identificatas secum*), тем не менее они равносильны (*aequales*) трем пониманиям, которые могут относиться к тому же объекту. Это сходно с тем, как один и тот же золотой может быть приравнен к двум империа-

лам, и в таком смысле Аристотель называет вторую операцию соединением и делением. Аналогично “есть” понимается философами как сочетание (*unio*) или связка, так как для нее необходимы два крайних члена. Многие с большой степенью вероятности учат, что вторая операция реально образуется из понимания субъекта, предиката и связки, и это понимание в действительности будет тройным.

30. Заметь, во-вторых: разложение суждения, вообще, есть не что иное, как распределение на составные части. Так, после распада любого целого остаются какие-то части, например, в человеке после устранения сочетания остаются тело и душа. Поэтому говорят, что человек распадается на душу и тело. Отсюда следует, что целое распадается только на те части, которые остаются после уничтожения целого или, по крайней мере, на те части, которые не уничтожаются предварительно (*primario*) и формально, хотя и уничтожаются поистине вместе с соединением. Бык распадается на форму быка, сохраняющую возможность существования, хотя в силу огромной зависимости от материи форма быка погибает с самим быком. Иное дело с сочетанием или связкой, они уничтожаются предварительно и формально (*primario et formaliter*) в суждении вместе с логическим целым. Поэтому связка не может существовать и быть понятой без крайних членов, даже если того захочет Бог (*divinitus*).

Вопрос второй. Сколько существует диалектических терминов

31. Термин, во-первых, делится на мыслимый (*mentalis*), звуковой и написанный. Мыслимый термин есть крайний член абстрактного (находящегося в уме) суждения, которое на них распадается, как было объяснено под № 29. Звуковой термин тот, что произносится звуком голоса, то есть слово (*vox*). Написанный тот, который выражается письмом, то есть надпись (*scriptum*).

32. Звуковой термин делится на “обозначающий” и на “необозначающий”. Обозначающий термин есть тот, который кроме себя самого и соответствующего концепта обозначает что-то по установлению людей. Так, термин “Бог”, кроме себя самого и

выражающегося этим словом внутреннего концепта, обозначает то, что есть Бог. Термин необозначающий есть тот, который, кроме себя самого и соответствующего ему концепта, ничего по установлению людей не обозначает. Пример – “бликтри”

33. Для того чтобы легче усвоить данное деление термина, ты должен принять то, что по праву будет объясняться впоследствии. Отдельные членораздельные слова (*voces articulatae*) имеют значение не по природе, но по установлению людей. К примеру, вот это слово “хлеб” само по себе обозначает то, что является хлебом. Поэтому слова называют *signa ad placitum*. Подобное произвольное обозначение легко объяснить по аналогии с лавром или плющом, вывешенным на воротах. Это знак того, что здесь продается вино. Но если бы люди установили по-другому, то на это мог бы указывать любой другой предмет. То же самое можно сказать и про шапку шафранного цвета, которую носят итальянские евреи. Если бы людям было угодно, то эта шапка в равной мере могла служить знаком для правителей государства, как теперь она отличается жителей еврейского квартала. Все это говорил Шемери (*Schemery*).

34. Возражение против деления звукового термина на обозначающий и на необозначающий. Термина необозначающего не существует, следовательно, деление термина на обозначающий и на необозначающий не правильное. Доказательство антецедента: если бы какой-нибудь термин был бы необозначающим, то это было бы слово “бликтри”, как и ему подобные слова. Но “бликтри” не есть необозначающий термин, так как это обозначающий термин. Следовательно, не существует необозначающего термина. Маленькая посылка доказывается разнообразно.

35. Во-первых “Бликтри” обозначает “ничего” Но обозначать “ничего” – это иметь значение (*significare*), обозначать по крайней мере нечто негативное, как термины “не сущее”, “ничто” Следовательно, “бликтри” есть обозначающий термин.

36. Во-вторых термин “бликтри” обозначает то самое, что оно ничего не обозначает. Отсюда, если меня спросят: “Что значит бликтри?”, то я отвечу: “Ничего не значит” Следовательно, термин “бликтри” что-то обозначает. Подтверждение: услышав слово “бликтри”, я познаю то, что слово “бликтри” ничего не обозначает. Следовательно, оно должно иметь значение. Ведь любое слово обозначает то, к познанию чего мы приходим, это слово услышав.

37. В-третьих, произнесенный термин “бликтри” обозначает звук слова или себя самое и, кроме этого, концепт относящийся к тому, кто говорит и произносит это слово, то есть что существует живой человек, произносящий слово и т.д.

38. Отвечаю на антецедент доказательства, отрицая большую посылку. Я утверждаю, что различаются высказывания – “ничто” и “ничего не обозначать” Точно так же познавать “ничто” и ничего не познавать. Обозначать “ничто” есть обозначение отрицания вещи, так что само “ничто” существует как обозначаемая вещь. Ничего не обозначать, напротив, понимается как ничего не обозначать, так что отрицается всякое обозначение. Это следует говорить о “бликтри” Отсюда очевидное различие (*disparitas*) между следующими словами “не сущее”, “ничто” и словом “бликтри” Совсем разное сказать “Я ничего не вижу” и “Я вижу бликтри”, “Я ничего не жую” и “Я жую бликтри”

39. Отрицаю антецедент второго доказательства и говорю, что различны высказывания: бликтри ничего не обозначает и бликтри обозначает то, что оно ничего не обозначает. Первое суждение отрицает всякое обозначение для бликтри и является верным. Второе утверждает обозначение, объектом которого является само отсутствие всякого обозначения, или же лишенность всякого обозначения.

Разъясняю доказательство. Услышав слово “бликтри”, я непосредственно, благодаря самому слову, познаю, что оно ничего не обозначает – с этим я не согласен. Утверждаю, что познание происходит опосредованно, посредством рассуждения. Аналогичным образом разъясняю приведенное общее предложение: “Любое слово обозначает то, что мы познаем, когда это слово услышим” – соглашаюсь, если познаем непосредственно. Отрицаю, если, услышав слово, мы познаем опосредованно, с помощью рассуждения.

Объяснение разъяснения: человек, услышав какое-нибудь слово, может прийти к познанию объекта двояко. Во-первых, непосредственно, благодаря самому слову. Это происходит тогда, когда он слышит то слово, которое по людскому установлению предназначено для обозначения соответствующего объекта. Человек приходит к познанию объекта при помощи рассуждения, когда слово в силу своего строения не обозначает соответствующий объект, но я могу получить знание о нем благодаря размышлению. Именно это и происходит со словом “бликтри”, услышав которое человек определенно знает, что не суще-

ствует такого объекта для обозначения коего было установлено слово “бликтри”. Однако опосредованное обозначение не достаточно для необозначающего термина.

40. Разъясняю третье доказательство. Я отрицаю то, что термин “бликтри” формально обозначает звук слова и концепт говорящего, тем не менее я соглашаюсь с антецедентом, если подразумевается только естественное или материальное обозначение. Формальное обозначение, соответствующее отдельному слову, существует в силу людского установления. Материальное, естественное обозначение соответствует в силу природы самого слова, насколько слово по своей природе обозначает концепт говорящего, вместо которого подставляется слово. И насколько по своей природе оно материально обозначает соответствующий концепту объект. Для слова “бликтри” подходит второе обозначение, но не первое. Никак ведь нельзя доказать, что оно является формально обозначающим. Отсюда делают вывод – не существует термин, который бы не был обозначающим материально. Весь вопрос заключается в том, существует ли термин, не обозначающий формально, то есть не имеющий значения в силу людского установления. При изучении вопроса об обозначающем и необозначающем термине мы будем придерживаться наиболее распространенного употребления слова.

41. Для нас проблема заключается в том, существует или же нет обозначающий термин. До сих пор мы рассматривали то, что существует. Основание же того, что не существует, следующее: хотя в действительности по установлению людей слово “бликтри” не обозначает никакой вещи, тем не менее оно способно (apta) к обозначению. Ибо в вещах присутствует способность по сущности (к обозначению). Как было показано под № 17 сущностное наименование вещи дается первым актом, но не вторым.

Подтверждение: все слова, например славянские, прежде чем стали в силу людского установления обозначающими, являлись необозначающими. В противном случае они бы остались таковыми и теперь: “одно и то же, оставаясь самим собою, производит всегда одно и то же действие” Следовательно, точно так же и “бликтри”, следовательно, Так, как кажется, что оно имеет значение не обозначать ничего извне (ab extrinseco), но не из себя. Ибо сами по себе слова безразличны обозначать или не обозначать что-либо. Следовательно, оно получает извне лишенность всякого обозначения, точно так же , как “Не сущее”, “нич-

то” и т.д. Подтверждение: в любых академических кругах философы употребляют слово “бликтри” для указания на необозначающий термин. Это происходит не из-за природы самого слова, и, следовательно, по установлению людей. Так, как хотя термин и не обозначает многое по установлению в соответствии с доказательством под № 35, даже если термин не обозначает по установлению чего-нибудь одного, из этого не следует, что термин по преимуществу скорее не является обозначающим, чем обозначающим.

42. В-третьих, термин делится на несоставной (*complexum*) и на составной, или простой. Составной термин тот, который заключает в себе много слов или терминов, имеющих то же самое значение, если их брать и вместе, и отдельно. К примеру – “Петр Алексеевич император русских” “Петр” обозначает имя человека, “Алексеевич” – отца того же человека, император – звание, “русских” – национальность. Взятые как вместе, так и в отдельности, они обозначают одного и того же человека. Толет так определяет этот термин: “... есть тот, части которого, взятые сами по себе, имеют значение” Несоставной, или же простой, термин тот, который или не состоит из частей, то есть слов разного значения, обозначающих один и тот же предмет, как то “Петр” через “царь” Или если состоит из многих терминов, то все они будут только синонимами. Можно дать и такое определение: “... есть тот, части которого сами по себе не имеют того же значения, какое имеют при соединении (*in compositione*)” Например, “Марк Туллий Цицерон” части термина по отдельности обозначают то же самое. Первое отличие составного термина от простого – первый состоит из многих личных слов, обозначающих то же самое как вместе, так и по отдельности. Нет никакой необходимости, чтобы эти слова были многими грамматически, надо только чтобы они были многими в речи. Отсюда “господин” говорят вместо “царь” и “государство” (*res publica*), “Леонард” и т.д. Хотя они и составлены из многих терминов, они не будут составными терминами, но простыми. Ведь они являются многими только грамматически, ибо не сохраняют одно и то же значение совместно и в раздельности. Во-вторых, части составного термина должны некоторым образом сочетаться друг с другом, к примеру: “Справедливый человек”, ибо если они не будут сочетаться, то они не создадут составной термин, а только два простых как “Петр” “Павел” В-третьих, (составной) термин не должен состоять только из синонимов, как *ensis, gladius, mucro*

(три слова обозначающие “меч” по-латыни — *A. P.*). Далее, отсюда следует, что речь является составным термином. Так, считал Арриага. И, во-вторых, из сущности термина не вытекает, что он является простым словом (*dictio simplex*).

43. В-четвертых, термин делится на категорематический, синкатегорематический и смешанный.

Категорематический или предикативный (по-гречески “категорема” обозначает предикацию) есть тот, который самостоятельно может быть как субъектом, так и предикатом суждения.

Синкатегорематический (согласно Калёпину, сразу не обозначающий или же не обозначающий самостоятельно) есть тот, который самостоятельно, без существительного не может обозначать и являться субъектом к предикатам суждения. Таковы “всякий”, “некоторый”, “никакой” (*omnis, aliquis, nullus*) и другие числительные порядковые и разделительные. Арриага и некоторые другие не считают их совершенными терминами.

Смешанный есть тот, который относится к тому и другому, как “никто”, “тот же самый”, “ни один человек”, “нигде”, то есть ни в каком месте, “езде”, то есть во всяком месте, “никогда” Но и этот исключается из определения термина, так как сюда приходят наречия.

44. Заклучи против Гуртадо: все прочие прилагательные, кроме числительных, не являются синкатегорематическими терминами, а категорематическими, так как могут употребляться самостоятельно в качестве субъекта или же предиката. Так, когда я говорю “Бог есть всемогущий”, “Самуил есть сильный” и т.д., различие заключается в том, что прилагательные привносят некоторую форму и добавляют ее субъекту. “Петр есть белый” обозначает то, что Петр обладает белизной. А “всякий”, “никакой” и т.д. указывают лишь на распространение (*extensio*) или ограниченность термина. Арриага учит, что одни прилагательные частично суть категорематические, частично же синкатегорематические. Категорематическими они являются в той степени, насколько самостоятельно могут быть, по крайней мере, предикатами, синкатегорематическими, поскольку всегда требуют имени существительного. Ибо из грамматики следует, что они не существуют без имен существительных.

45. Заклучи, во-вторых, наречия не являются синкатегорематическим термином как числительные, хотя они наряду с последними модифицируют значения категорематического термина. Разделительное числительное, добавленное к категоремати-

ческому термину, находится в прямом падеже и поэтому может быть субъектом и предикатом суждения, по крайней мере частично, а о наречиях этого сказать нельзя.

Далее, синкатегорематический термин делится на общий, каковы “всякий”, “никакой”, и на частный, каковы “некоторый”, “некий” (*alius, quidem*). Далее, одни утвердительные, как “всякий”, “некоторый”, “тот и другой”, а другие отрицательные, как “никакой”, “ни тот, ни другой”, “некий не” (*omnis, aliquis, uterque, nullus, neuter, quidam non*).

46. В-пятых, категорематический термин делится на конкретный и абстрактный. Конкретный есть тот, который обозначает некоторое соединение из двух частей, из которых одна будет субъектом, а другая формой. К примеру, “белый” обозначает соединение из стены как субъекта и белизны как формы.

Абстрактный термин тот, который обозначает лишь форму, как белизна. Тот и другой термин, и абстрактный и конкретный, подразделяется на метафизический, физический и логический.

Метафизический конкретный термин обозначает соединение из материи и формы, реально друг от друга не различимых. Таким соединением будет животное, субъект которого “животное” и форма “животность” реально не различимы друг от друга.

Физический конкретный термин обозначает соединение субъекта и формы, различимых реально, как “белое”, “сладкое”. Ибо белизна и сладость реально различаются от субъекта, в котором они находятся, то есть от молока, сахара и т.д.

Логический конкретный термин обозначает соединение субъекта и формы, причем форма различается от субъекта, не находясь в последнем, поистине лежит за его пределами (*extrinseca*) и не различима от действия разума или же другой способности. К примеру, “познанное”, “субъект”, “предикат”, “увиденное”, “полюбленное” и т.д. Сюда же можно отнести конкретные термины из этики.

Наоборот, абстрактный метафизический термин обозначает форму, реально не различимую от субъекта, каковым термином будет “различение” и т.д.

Физический абстрактный термин обозначает форму, реально различимую от субъекта, как “белизна”, “сладость” и т.д.

Логический абстрактный термин обозначает форму, различимую от субъекта, но в нем не находящуюся и к тому же неразличи-

мую от действия разума или другой способности, как “познание”, “предикация”

С делением термина на конкретный и абстрактный, кажется, совпадает деление на именующий (*denominans*) и именуемый (*denominativus*). Формально конкретный термин будет именуемым, а абстрактный — именующим.

Говоря вернее, конкретный термин делится на сущностный и именуемый (*quidditativus et denominativus*). Сущностные термины обозначают как субъект, так и форму, обе в прямом падеже. Например, “человек”, и ты правильно скажешь: “Человек есть материя”, “форма есть сочетание” Неправильно: “Человек есть материя, оформленная душой” Конкретные именуемые термины обозначают субъект в прямом падеже, а форму в косвенном падеже. Так, ты правильно скажешь о слове “белое”: “белое есть субъект, оформленный белизной” Но неправильно: “белое есть субъект, белизна и сочетание” Или “субъект белизны есть белое” Неправильно: “субъект души есть человек”

Именуемый термин или, скорее, отыменный термин тот, наименование которого производится от другого. Или же есть тот, который получает наименование от имени, грамматически произведенного от термина, употребляемого формально при абстрактном обозначении. Подобное условие отсутствует у термина “мудрый” (*sapiens*) и он не будет отыменным относительно “учения” Потому что слово “мудрый” не производится грамматически от слова “учение”, но от другого слова “мудрость”

Именующий термин тот, от которого производится наименование другого термина. Таким термином будет слово “мудрость” Именующий термин делится на внутренне именующий и на внешне именующий. Термин именующий внутренне есть тот, от которого субъект именуется как от внутренней формы, к примеру — белизна. Термин именующий внешне есть тот, от которого именуется другой термин, как от внешней субъекту формы. Например, зрение, внешнее для стены и от него стена называется увиденной.

48. В-шестых, термин делится на абсолютный и созначающий (*connotativus*). Составители кратких сводов логики спорят относительно определения этих терминов. Толет определяет так: “Абсолютный термин тот, который обозначает вещь, существующую саму по себе (*per se stantem*)” Но это не хорошо, потому что определение подходит для случайных признаков. Гуртадо на 76 странице приводит слова Скота:

“Абсолютный термин тот, который обозначает, что содержание его ни к чему не относится (*materiale suum nihil aliud adiacere significat*)” Хотя это определение и верное, тем не менее оно не годится, потому что неясное. Лучше всего определять так: “Абсолютный термин тот, который в своем обозначении не зависит от другого термина” Или: “Тот, который при обозначении не соозначает другое. Таковы “Бог”, “человек”, “лев”

Соозначающий термин тот, который в своем обозначении зависит от другого термина или соозначает другой термин. Такими терминами будут прилагательные, которые, обозначая, зависят от существительных. Так, если кто скажет: “Человек есть на площади”, то ты получишь ясное (*perfecte*) знание. Но если он скажет: “Белый есть на площади”, то знание получится неясным. Сюда же относятся имена существительные, которые обозначают вещи, связанные с другими вещами или выражающие отношение, например, “отец”, “сын”, “господин”. “раб”, “еда” и т. д. Они ведь не познаются совершенно вне сравнения с чем-нибудь другим.

49. В-седьмых, термин делится на положительный или утвердительный и на отрицательный или привативный (*Positivum, affirmativum; negativum, privativum*).

Положительный термин обозначает вещь, обладающую или действительным бытием или, как если бы возможным (*quasipossibile*), к примеру, “Бог”, “Антихрист”, но уже “козлоо-лень”, будучи утвердительным термином, обозначает обладающее, по видимости, возможным бытием, но в действительности невозможным. (Текст здесь испорчен — *А.П.*).

Отрицательный (*negativum*) термин обозначает лишенность формы у субъекта, который не в состоянии принять эту форму. Таким термином будет “невидящий”, предсказанный о камне.

Привативный термин (*privativum*) обозначает лишенность формы у субъекта, способного принять эту форму. Таким термином будет “невидящий”, сказанный о животном. Как положительный, так и отрицательный термины делятся на термины относительно слова и на термины относительно вещи (*quo ad vocem, quo ad rem*).

Положительный термин относительно слова обозначает положительную вещь отрицательным словом. Такими терминами будут “неизмеримый”, “неисчислимый” и т.д.

50. Ты скажешь, что слово “лишенность” никоим образом не заключается в этом определении, ибо она не есть ни привативный, ни отрицательный термин, но род для них обоих. Отвечаю, это верно, поэтому лучше делить на утверждающий термин и на неутверждающий, то есть обозначающий лишенность чего-либо. Далее, неутверждающий делится на абстрактный и конкретный, как- то: “слепота”, “слепой”, соозначающий и абсолютный, то есть почти на все виды, которые были нами указаны. Это станет ясно внимающему.

51. В-восьмых, делится на термин конечный (*finitum*) и на неограничивающий (*infinitantem*). Конечный термин, по-другому его называют ограничивающий, обозначает точно определенную вещь. Когда он сказывается о субъекте, то определяет его сущность. Так, когда я говорю: “Петр есть человек, лев, камень” то сущность Петра ты узнаешь, услышав слово “человек”

Неограничивающий термин не определяет сущность субъекта, напротив, определяет то, чем субъект не является. Или есть тот, непосредственно перед которым помещается отрицательная частица “не” Он не обозначает точно определенную вещь, но может говориться о неопределенном количестве вещей, даже обо всем, кроме того, что обозначается термином. Такие термины суть: “не-лев”, “не-человек”, “не-камень” и т.д. “Не-лев” может говориться обо всем другом, кроме льва, точно так же и “не-человек” Я сказал, определяя неограничивающий термин, что отрицание необходимо ставить перед термином, потому что если отрицание находится перед связкой, то это уже не будет неограничивающий термин. К примеру, когда я говорю: “Петр не есть камень”, “камень” не есть неограничивающий термин, но только когда я говорю: “Петр есть не-камень”

52. Заметь, во-первых, суждения, в которых отрицание непосредственно ставится перед предикатом, а не перед связкой, являются скорее утвердительными, а отрицательными они будут не адекватно (*non praecise*). Они утверждают нечто о субъекте и исключают обозначаемую предикатом вещь от неограниченных вещей, отличных от предиката. Так, когда я говорю: “Петр есть не камень”, я утверждаю, что Петр есть или бык, или конь, или осел, отрицая лишь, что Петр есть камень. Отсюда такое суждение как “Петр есть не-камень” равнозначно двум суждениям, посредством которых и должно быть объяснено. Одно из них отрицательное: “Петр не есть камень”, другое утвердительное: “Петр есть или человек, или конь и т.д.”

53. Заметь, во-вторых, не являются противоречащими суждения, в одном из которых о субъекте утверждается неограничивающий термин, а в другом утверждается термин, противоположный неограничивающему. Так, не являются противоположными “Петр есть камень” и “Петр есть не-камень” Ибо оба они утвердительные, хотя второе из них еще и отрицательное. И потому что могут быть одновременно ложными, хотя не именно эти суждения, но им подобные, такие как “Химера есть камень” и “Химера есть не-камень”, они суть оба ложные. Из сущности же противоречащих суждений вытекает, что одно из них непременно должно быть истинным, а другое ложным. Следовательно, между ограниченным термином и неограничивающим существует нечто среднее, чего не бывает между положительным и отрицательным терминами. Далее, из неограничивающего термина правильно следует (*infertur*) отрицательный термин, как-то: “Есть не-человек, следовательно, не есть человек”, но не наоборот. Не следует же “Не есть человек, следовательно, есть не-человек” Дело в том, что “не есть человек” можно сказать даже и о химере, о которой нельзя сказать “не-человек”

То, что было сказано о частице “не”, не ограничивающей предикат, имеет силу и для той же частицы, не ограничивающей субъект. Например, следующее суждение: “Не-человек есть неразумный”, если “не” и “человек” образуют здесь единство (*unam dictionem*), то это будет утвердительное суждение, если же не образуют такого единства, но лишь только влияют на качество суждения, то это будет отрицательное суждение.

54. В-девярых, термин делится на термин первой интенции и на термин второй интенции. Термин первой интенции обозначает вещь, обладающую бытием независимо от операции разума, как-то: “человек”, “лев” и т.д.

Термин второй интенции выражает вещь, подверженную операции разума, как то: “познанное” и все конкретные (термины) логики: “определенное”, “подвергнутое делению”

55. В-десятых, термин делится на общий (*communis*) и единичный (*singularis*). Общий термин есть тот, который подходит для многого или обозначающий вещь, связываемую со многим (*communicabilem*). Например, “животное” связывается (*communicatur*) со львом, человеком и т.д. И “человек” который связывается с Петром, Павлом и т.д.

Единичный термин соответствует одному неделимому, как-то: “Петр”, “Павел” и т.д. Общий термин подразделяется, во-

первых, на универсальный и на неуниверсальный. Общий универсальный термин подходит многим отдельно взятым (вещам), так что обозначаемое умножается (per multiplicationem suisignificati). То есть так что обозначаемое им в отдельных вещах отлично (distinctum), но не различно (diversum). Как “человек” относительно Петра, Павла, Андрея и т.д.

Общий неуниверсальный термин подходит многим взятым отдельно без умножения обозначаемого. То есть так что обозначаемое им остается вообще одним и тем же в каждом из обозначаемых вещей. Например, “Бог” является общим термином для Отца, Сына и Духа Святого, и Бог в этих отдельных Лицах обозначает вообще одну и ту же, неразличимую Божественную природу. Такими терминами будут все общие предикаты для трех Лиц Святейшей Троицы, как-то: “Всемогущий”, “Неизмеримый” и т.д. Я сказал “многим взятым отдельно”, отличая (универсальный термин) от термина копулативного (собирательного) или коллективного, который подходит многим взятым в совокупности, например “народ”

56. Ты скажешь, что, следовательно, и “город”, “царство”, “войско” будут общими терминами. Доказательство положения (illatum): “город”, “царство” обозначают то, что можно связать со многими вещами, ибо они обозначают того и этого горожанина, дворянина, того и этого воина. Следовательно, если общий термин тот, который можно связать со многими вещами, взятыми отдельно, то и “город”, “царство” будут общим термином.

Отвечаю, отрицая сказанное в доказательстве (illatum probationis), я разъясняю антецедент, “род”, “царство” по сравнению с тем или этим городом, с тем или этим царством, обозначает связываемое со многими — здесь я согласен с антецедентом. Так, я правильно говорю: “Москва есть город”, “Ростов есть город”, “Россия есть царство”, “Швеция есть царство” и т.д. Но если рассматривать “город”, “царство”, “войско” относительно их самих или их составляющих частей, то они не имеют такого значения — здесь я отрицаю антецедент и следование. Потому что при таком обозначении они не могут подходить для многих, взятых в отдельности, вещей. Неправильно говорить: “Градоначальник есть город”, “судья есть город”, “царь есть царство”, “сенатор есть царство” и т.д. “Полководец есть войско”, “полковник есть войско” и т.д. Хотя градоначальник и судья суть части города, царь и сенатор — царства, полководец и пол-

ковник — войска. Точно так же “человек” для своих низших свойств является общим термином, но не будет таковым для частей, из которых естественным образом физически он составлен. Неправильно говорить “Тело есть человек”, “душа есть человек”.

57. Ты спросишь, является ли этот термин “всякий человек” общим? Отвечаю: он не будет общим термином, если употребляется как составной термин, потому что все им обозначаемое не годится многим вещам, взятым отдельно. Нельзя ведь сказать “Петр есть всякий человек”. Но если “всякий человек” употреблять так что “всякий” служит только знаком, указывающим на то, что “человек” употребляется универсально, то есть включая все неделимые, то в этом смысле он будет общим термином и универсальным. Поэтому предложение, где подлежащее снабжено подобным знаком, называется общим (*universalis*).

58. Не говори, что “всякий человек” обозначает то же самое, что этот и тот, и вот тот человек, и к тому же только (*tamen*) этот, и тот, и любой другой человек. Но это не общий термин, следовательно, и “всякий человек” не будет общим термином.

Отвечаю, разъясняя антецедент. Соглашаюсь с антецедентом, что “всякий человек” материально, относительно обозначаемого предмета (*quo ad rem significatam*) обозначает то же самое, что этот человек, и тот человек, и вот тот человек. Отрицаю антецедент, что он имеет такое значение формально, относительно способа обозначения. Ибо “всякий человек” обозначает природу, способную умножаться во многих (вещах). Но поистине, “этот” и “тот” обозначают ту же самую человеческую природу, но уже индивидуализированную (*individuata*) и в силу того далее не умножаемую. Потому что природа человека, обозначаемая посредством имени этого (Петра) человека, существует только в одном (человеке) и не может быть в Павле и т.д.

59. Ты скажешь, во-вторых, против определения единичного термина. Это имя “Петр” подходит многим и обозначает многих людей, следовательно, это не единичный термин. А если это единичный термин, то определение, конечно, неправильное.

Отвечаю, разъясняя антецедент. Соглашаюсь с тем, что это имя “Петр” обозначает многих людей относительно слова. Но отрицаю то, что оно обозначает многих относительно обозначаемого предмета. Соглашаюсь с тем, что оно обозначает многих как различных. Но отрицаю антецедент и следование, якобы оно обозначает подпадающих под одно определение

(convenientes in una ratione), вносимое словом “Петр” То есть это имя “Петр”, употребляемое по отношению к отдельным лицам, обозначает различные субъекты, различные, конечно, по своей этовости (haecceitas).

60. Ты станешь утверждать, что, по крайней мере, это имя “Петр” будет одноименным общим термином (aequivocus) и т.д. Доказательство заключения: и это слово “собака” (canis) относительно звезды, рыбы и лающего животного, обозначает различное среди единичных предметов. Тем не менее это одноименный общий термин. Следовательно, аналогично и это слово “Петр” и т.д.

Отвечаю, разясняя или же отрицая заключение доказательства. Соглашаясь с антецедентом, разясняю последний консеквент: “тем не менее это одноименный общий термин” Я согласен со следованием, если понимать имя Петр как подходящее для многих (людей), но так что определение будет различным. Но не согласен с тем, если понимать его как подходящее одному, определенному человеку, а в этом смысле оно обычно и понимается. Отсюда становится ясным, почему имена членов семьи, например “Алексеевич”, не называют ни именем собственным, ни одноименным, но общим и соименным, так как имя членов семьи обозначает всех людей, принадлежащих к одной и той же семье, сходных в том, что они как бы происходят от одного корня, сходных и согласных (similes et convenientes) в одном определении, распространяемом (multiplicabilem) на многие отдельно взятые (субъекты). А этот термин “Петр” является единичным, определенным (determinatus), ибо общий и соименный термин понимается как подходящий многим (вещам) одного имени, “Петр” же подходит отдельным (вещам), определения которых различны (non secundum eandem rationem), то есть “Петр” обозначает в отдельных (субъектах) различную и нераспространяемую природу.

61. Во-вторых, общий термин подразделяется на общий собирательный (collectivus), общий переходящий (vagus), разделительный (disjunctivus), общий распределительный (distributivus), и общий неопределенный (indefinitus).

Общий собирательный термин подходит многим одновременно взятым (субъектам), но так что они берутся в слитности (indivisim). К примеру: “толпа”, “войско”

Общий переходящий термин подходит многим (субъектам), но так что они обособляются друг от друга – или этому, или другому, или тому. Лучше называть такой термин частным

(particularis). Этот термин имеет обыкновение употребляться вместе с неопределенной синкатегоремой, например: “какой-нибудь человек”

Общий распределительный термин подходит многим (субъектам), употребленным распределительно, раздельно и отделенно, то есть к этому и другому. При нем должен стоять знак всеобщности (Signum universalitatis), как-то: “Всякий человек” Общий неопределенный термин будет тот, перед которым может стоять как синкатегорема всеобщности (universalis) — “всякий, никакой” и т.д., так и частная, или переходящая — “какой-нибудь” Этот термин иногда соответствует многим отдельно взятым (вещам), как “всякий человек” подходит и для этого, и для того (человека), иногда же многим (вещам) взятым распределительно, как “какой-нибудь человек”, то есть или этот, или тот и т.д. О способах понимания неопределенного термина мы скажем тогда, когда речь пойдет о подстановке терминов.

62. Заметь, во-первых, общий неопределенный термин не должен соответствовать многим (субъектам), существующим в действительности. Достаточно того, что он может соответствовать как многим (субъектам), существующим в действительности, так и возможным. Таков общий термин “солнце”, который годится для многих, но лишь возможных (субъектов).

63. Заметь, во-вторых, один и тот же собирательный термин в различных отношениях (respectu diverso) может оказаться термином неопределенным. Так, “народ” является неопределенным термином относительно германского народа, народа московитов (русского — А.П.) и т.д. Но одновременно он является коллективным термином относительно тех, кого он обозначает собирательно и сразу (simul), например, относительно народа московитов, и только. Мы указали на это еще под № 56.

64. Общий неопределенный термин разделяется на нетрансцендентный, трансцендентный и сверхтрансцендентный.

Общий нетрансцендентный термин хотя и соответствует (competit) многим (субъектам), однако не всем. Или так: который хотя и говорится о многих (субъектах), однако не о всех. Например, “человек”, “животное”

Общий трансцендентный термин подходит всему существующему как в возможности, так и в действительности, взятому в отдельности (sigillatim). Называется же он трансцендентным, потому что переходит через все роды существующего. Составители кратких сводов логики облегчают запоминание шести транс-

цендентных терминов с помощью слова REUBAV То есть “вещь” (res), “сущее” (ens), “единое” (unum), “добро” (bonum), “нечто” (aliquid), “истина” (verum).

Общий сверхтрансцендентный термин может говориться еще и об отрицаниях, и о невозможном. Такие термины суть “познаваемое” (cognoscibile), “понимаемое” (intelligibile), “мыслимое” (cogitabile).

65. Третье подразделение общего термина на антепредикаменты или антепредикаментальные термины, на соименный (univocus), одноименный (aequivocus), и соответствующий (analogus).

Соименный термин тот, у которого общее имя и обозначаемая именем сущность субстанции (ratio substantiae per nomen significata) совершенно одна и та же. Или же: есть родовое имя (generale), подходящее (conveniens) всем низшим (родам) в одном и том же значении. Или же: есть то, что говорится о многом, сходном друг с другом в обозначаемом основании (inter se similibus in ratione significata). К примеру, “человек” относительно “Петра” “Сергея” и т.д.

Одноименный термин тот, у которого имя общее, но при этом обозначаемая именем сущность субстанции совершенно разная, такие термины суть “петух” (gallus) относительно человека французской национальности и птицы из рода куриных, “собака” (canis) относительно лающего животного, рыбы и светила, согласно тому, как говорится в стихе: “Лает в доме собака, в море плавает, светится в звездах”

Соответствующий термин тот, у которого имя общее и (et) обозначаемая именем сущность субстанции частично одна и та же, частично различная. Некоторым из своих подчиненных (видов) он подходит собственно, некоторым же, напротив, в переносном смысле по аналогии или по атрибуции (per attributionem). Или же, как определяет отец Шемери, тот, который говорится о многих (субъектах). Последние же хотя и различаются в обозначаемом основании, тем не менее как то связаны между собой в том же самом основании. Термином подобного рода будет “здоровый” относительно животного, врачевания и артерии. Во всех них мы находим здоровье, однако различным образом. А именно в животном как в субъекте, насколько оно обладает совершенным смешением жидкостей (quatenus habet perfectam humorum temperiem), во врачевании как в причине, в артерии как в знаке. Отсюда очевидно, что между ними существует некая

взаимосвязь, поскольку здоровье животного восстанавливается с помощью врачевания.

66. Ты скажешь против одноименного термина: одноименный термин не может являться субъектом или предикатом суждения. Следовательно, безусловно, это не термин. Доказательство антецедента: то, что служит обозначением для вещей, наделенных различными и противоположными друг другу определениями, не может являться субъектом или предикатом суждения, но одноименный термин обозначает (вещи), определения которых различны, следовательно, он не может быть субъектом и т.д.

Отвечаю, во-первых: отрицаю антецедент и большую посылку. Что же еще, как не химера, обозначает максимально различные и противоположные вещи, и тем не менее может быть, по крайней мере, субъектом или предикатом суждения ложного, что вполне подходит под определение термина. Поэтому я отрицаю большую посылку и следование. Пусть будет такое суждение: "Петух есть человек", если "петух" понимается как птица из рода куриных, то суждение ложное, но тем не менее это правильное суждение.

Отвечаю, во-вторых: отрицаю антецедент. Опуская большую посылку, разъясняю посылку меньшую.

Соглашаюсь с тем, что одноименный термин при удвоительном (*reduplicative*) употреблении (формальном – № 20), в качестве одноименного термина обозначает различные вещи. Но я отрицаю меньшую посылку, если термин употреблен специально (*specificative*) (материально – № 20), поскольку он есть соименный термин (*qui terminus aequivocus*). Аналогично разъясняю следование. Следовательно, одноименный термин в качестве одноименного термина не может быть субъектом или предикатом суждения – здесь я согласен со следованием, но не согласен, если говорить об одноименном термине, поскольку он есть одноименный термин. Или же яснее: отвечаю, в-третьих, разъясняя ту же самую меньшую посылку. Соглашаюсь с ней в том, что одноименный термин во всем своем объеме (*latitudo*) обозначает различные вещи, но не согласен, если одноименный термин употреблен в некоторой части своего значения. То же самое разъяснение применяй и для вывода. Ты возразишь: одноименный термин, употребленный в некоторой части своего значения, уже не будет являться одноименным термином, но соименным. Следовательно, я не дал никакого ответа.

Отвечаю, разъясняя антецедент — “уже не будет являться одноименным термином” — соглашаюсь, если употреблять формально удвоительно, не соглашаюсь, если употреблять материально спецификативно. Различия терминов приведены под № 20.

67 Скажешь, во-вторых, одноименный термин есть соименный термин, следовательно, разделение термина на соименный и одноименный неправильное, потому что деление должно производиться на противоположные друг другу части.

Доказательство антецедента: слово “одноименный термин” равно (*aequaliter*) подходит для всех одноименных терминов, следовательно, одноименный термин и есть соименный термин.

Доказательство следования: термин “человек” потому является соименным, что равно подходит всем своим низшим (видам), но и одноименный термин также равно подходит своим низшим (видам) (*inferioribus suis*). В самом деле, правильно говорится: “Собака есть одноименный термин, бык есть одноименный термин” и т.д. Следовательно, слово “одноименный термин” равно подходит всем одноименным терминам.

Отвечаю, разъясняя антецедент. Я согласен с тем, что одноименный термин, употребленный материально, то есть само родовое имя “одноименный термин” является соименным относительно своих низших видов. Но я отрицаю то, что он является соименным при формальном, практическом (*exercite*) употреблении, то есть когда он употребляется как имя общее (*sumptus pro*), в действительности выполняющее функцию (*officium*) омонимическую (*aequivocationis*), например, когда говорят имя “собака” Пояснение — “глагол”, “наречие” “суждение” при материальном употреблении, когда они обозначают самих себя, суть не глагол, не наречие и т.д., но имена. Глаголом же и наречием они являются при формальном и практическом (*exercite*) употреблении, то есть тогда, когда они берутся как некое слово, относящееся к глаголам или наречиям и т.д. Аналогичное отмечалось в правиле, помещенном под № 20.

68. Ты начнешь упираться, правильно говорится: “Овчарка есть собака” (овчарка — *molossus*), “болонка есть собака” (болонка — *licisca*) и т.д. Следовательно, “собака” подходит всем низшим (видам) в одном и том же основании (*secundum eandem rationem*). Следовательно, ответ неверен.

Отвечаю, соглашаясь с антецедентом, но разъясняя первое следование относительно консеквента. Соглашаюсь со следованием в том, что “собака” является соименным термином отно-

сительно отдельного (субъекта), им обозначаемого, или относительно многих, определения коих тождественны. Но я отрицаю следование, если “собаку” понимать как соименный термин относительно всех обозначаемых им (субъектов), определения которых будут различными.

69. Соименный термин подразделяется на предикабилии или на пять предикаментальных терминов — род (*genus*), вид (*species*), (видообразующее) отличие (*differentia*), собственный признак (*proprium*) и случайный (*accidens*).

Род есть то, что говорится о многих (вещах, предметах), различающихся друг от друга или значительно (*notabiliter*), или незначительно. Род говорится как материальная часть (*per modum partis materialis*), например, “животное” говорится о значительно различных, как-то: быке, человеке, осле, и о незначительно различных, как-то: Петре, Павле, и т.д. Или же есть то, что о многих различающихся по числу и виду вещах говорится относительно сути бытия не полностью (*in quid incomplete*). Говорится относительно сути бытия не полностью, потому что на вопрос: “Что есть человек?”, если я отвечаю: “животное”, то ответ распространяется лишь на материальную часть.

Вид есть то, что говорится (*in quid complete*) (относительно сути бытия полностью) о многих вещах, различающихся лишь по числу, как целое, то есть сущность (*essentia*), составленная из материальной и формальной частей. Сказано: “относительно сути бытия” (*in quid*), на том же основании, что и о роде. Сказано: “полностью”, так как вид содержит в себе всю природу вещи, а именно: род и видообразующее отличие. Напротив, о роде говорилось “не полностью”, потому что он не содержит всю сущность, например, человека, образованного из “животного” и “разумной (души)”

Отличие есть общее понятие (*universale*), которое говорится о многих предметах, различающихся лишь числом в отношении существенного качества (*in quale essentiale*). К примеру, на вопрос: “Каким сущим является человек?” (*quale ens est homo?*), я отвечаю: “Разумным” (*rationale*). Или же различие есть то, что говорится как формальная часть, по сущности, о многих предметах, различающихся незначительно.

Собственный признак есть то, что говорится как необходимо сопутствующее соответствующей (*adaequatae*) сущности (*essentia*) вещи. Он говорится о многих предметах, различающихся лишь числом. Собственный признак бывает четырех видов. Во-первых, тот, что присутствует лишь у неделимых данного вида, но не у

всех. К примеру, быть философом присуще лишь человеку, но не всякому. Во-вторых, который присущ всем, но не одного вида, то есть присущ всем неделимым какого-нибудь вида, но не только им. Например, быть двуногим присуще всем людям, но не только лишь людям, а еще курам, скоту и т.д. В-третьих, который присущ всем неделимым одного лишь вида, но не всегда. Как то: смеяться, удивляться в действительности присуще всем людям, но не постоянно. В-четвертых, который присущ всем неделимым одного вида постоянно. Например, “способный смеяться”, “способный удивляться”, то есть быть в состоянии, по возможности, смеяться и удивляться, присуще всем людям, только людям и постоянно.

Случайный признак есть общее понятие (*universale*), которое говорится о многих предметах, различающихся по виду и по числу относительно случайного качества (*in quale contingenter*), то есть не необходимо связанного с субъектом. Например, на вопрос: “Каков человек?”, отвечу: “Белый, ученый”

70. Мы сказали, что род говорится как материальная часть сущности, а отличие как формальная часть. Так, как исходя из нашего способа понимания (*ex modo nostro concipiendi*) сущность каждой вещи составляется из двух предикатов, словно бы (*tamquam*) метафизических частей, которые предшествуют всему остальному. Первая из них называется материальной частью, она одна у многих существенно различных предметов. Она называется материальной по аналогии с материей физического соединения, которая одна и оформляется в конкретное соединение благодаря форме, ибо материальная часть безразлична к тому виду, в который она оформляется (*contrahitur*) благодаря второй части соединения. Вторая часть называется формальной, метафизической частью вещи и является менее общим предикатом. Она образует метафизическую сущность вещи по аналогии с формой в физическом соединении.

71. Общий неопределенный термин подразделяется на десять предикативных терминов или на десять категорий (*praedicamenta*). А именно: сущность (*substantia*), количество (*quantitas*), качество (*qualitas*), отношение (*relatio*), действие (*actio*), страдание (*passio*), место (*ubi*), время (*quando*), положение (*situs*) и обладание (*habitus*). Расположенные в этом порядке они соответствуют следующему двуступенчатому:

□ □ □ □ □

*“Дерево, шесть, пророки, жаром, охладил, сожигатель трупов,
В деревне завтра я буду стоять и буду без рукавов”
Arbor sex vatos ardore refrigerat ustor
Ruri cras stabo nec manicatus ero.*

Далее, имя “категория” имеет два значения. Первое для четкой и непрерывающейся соподчиненной последовательности предикатов, относящихся к сущности (*pro certa et continua serie et coordinatione praedicatorum essentialium*), обладающих большей или меньшей степенью общности, начиная с высшего рода вплоть до неделимых. Образчик подобного понимания категории мы имеем на примере древа Порфирия, которое начинается с рода “субстанция” вплоть до индивида “человек”. Второе значение вместо самого наивысшего рода, с которого начинается указанная последовательность (*coordinatio*). Именно в этом смысле Аристотель разделил сущее как таковое на десять категорий или на десять высших родов, которые здесь будут описаны нами по отдельности.

72. Сущность (*substantia*) есть сущее, существующее самостоятельно (*per se stans*) и способное быть носителем случайных признаков. Она не основывается на чем-либо (*nec ordinatur ad aliquid*) соответствующим образом, (*adacquate*) от себя отличном, как это бывает со случайными признаками.

Количество есть акцидентальная форма, благодаря которой нечто получает наименование “такой величины” (*quantum*). Благодаря количеству одно тело не может проникать в другое тело и, сверх того, должно обладать некоей определенной протяженностью.

Качество есть акцидентальная форма, благодаря которой о предмете говорят, что он “такой” или “такой”. Такие формы суть белизна, холод и т.д.

Отношение есть порядок (*ordo*) одного относительно другого или же основание (*ratio*), благодаря которому одно относится к другому. Например, отцовство, на основании которого отец относится к сыну.

Действие есть последняя определенность (*ultima determinatio*) причины или действующей сущности, в силу которой последняя действует. Или же произведение предмета, или то, откуда берет свое начало состояние (*affectus*), как нагревание от огня.

Страдание есть последняя определенность субъекта, то есть воспринимающего воздействие, в силу которого говорят, что субъект испытывает воздействие или воспринимает действие действующей

сущности. Таково то же самое нагревание, на основании которого говорят, что субъект нагревается, например, рука воспринимает тепло от огня.

Место есть пространство (*locus*) и пребывание на нем, к примеру, быть в классе.

Время есть временная последовательность (*tempus*) и сосуществование некоторой вещи в некоторой вещи в некотором времени. Например, сегодня, завтра, утром. Или же есть формальное основание (*ratio formalis*), в силу которого вещь определена к существованию в этом времени.

Положение есть размещение (*dispositio*) частей какого-либо целого в пространстве (*in loco*). Так, ты разным образом располагаешь части своего тела, когда хочешь стоять, или лежать, или прогуливаться.

Обладание (*habitus*) есть наименование, которое некоторое тело получает от другого, присоединенного к нему предмета (*rei*). Так, говорят “одет в панцирь”, “обут” благодаря присоединению оружия, одежды – панциря, сапог и т.д. Хотя они и не составляют сущность (*essentia*) и только прилегают к человеку, тем не менее сами по себе являются носителями вешних признаков (*substantia*). Поэтому их называют логическими прилагательными (*adjacentia*).

Эти термины, взятые в отдельности, называются предикатами или категориями, потому что из любого из приведенного здесь терминов можно вывести некоторую упорядоченную последовательность нижестоящих родов и видов вплоть до неделимых, которые суть один из этих предикатов, а именно – субстанция (*usque ad individua unius ex his praedicamentis scilicet substantiae* – сущность как носитель вешних признаков – *А.П.*). Я предлагаю схему, на которой расположены общие термины (*universales*), начиная с сущности (*substantia*), как с наивысшего рода, и спускаясь вниз до не настолько широкого рода, далее от этого не столь высокого рода непосредственно вниз до низшего вида “человек” и его неделимых – Петра, Павла и т.д. (Смотри схему № 1 – *А.П.*).

НАИВЫСШИЙ РОД
(summum genus)

НЕДЕЛИМЫЕ

Петр Алексей Иоанн Иаков Сергей Андрей Василий Симеон

этот лев этот орел тот лев тот орел

(Здесь в рукописях №289, 290 изображены люди охотящиеся. — А.П.)

Схема первая. Дерево Порфирия (А.П.)

Обычно эту схему называют деревом Порфирия, потому что его изобрел Порфирий, автор книги “Исагоге” (“Введение” — А.П.). На своем языке он звался Малх (то есть царь), позже его прозвание изменилось из-за пурпурной одежды на Порфирии. Эвнаний в “Жизнеописаниях философов” сообщает, что Порфирий был по национальности финикиец, родом из города Тир,

а вернее, Батанеус из колена Манассии, следовательно, иудей, как о том говорит блаж. Иероним в предисловии к объяснению “Послания к Галатам” Порфирий был философом и принадлежал по направлению к платоникам, хотя занимался и перипатетической философией. Это ясно из его предисловия к “Введению”, где он обещает объяснить то, что писали о природе общих понятий по преимуществу перипатетики. Порфирий слушал лекции Плотина и учился вместе с Оригеном. Порфирий сам являлся учителем Ямвлиха и Хрисаора, римского патриция. Хрисаор, будучи в Риме, натолкнулся на “Категории” Аристотеля и, не понимая их, попросил находящегося в Сицилии Порфирия написать разъяснение. Так, было написано “Введение” Расцвет деятельности Порфирия приходится на конец III века от Р.Х., начиная от правления Галлиена до правления Диоклетиана. Ознакомившись с таинством христианской веры, Порфирий назвался христианином, но позднее, в силу величайшего нечестия, отошел от веры и сделался лютым врагом истинной религии. (Ex Spondano —?) в год по Р.Х. 264.

73. Изучая схему, следует обратить внимание на три предмета. Во-первых, на корень (radix), во-вторых, на ствол, в-третьих, на ветви. Там, где мы видим корень, располагаются неделимые, как то: Петр, Павел, и т.д. Ибо неделимые служат основанием для предикабилей, и роды вместе с видами на них опираются (quibus infundantur). Там, где ствол, находятся роды и виды, как-то: сущность, тело и т.д. На первом месте располагается наивысший род, выше которого мы не находим другого рода, это — сущность (substantia). На втором месте — непосредственно следующий за ним род, на третьем месте — очередной непосредственно следующий род и так дальше. Среди родов тот род, выше которого нет никакого рода, называется наивысшим родом — (genus generalissimum), например “сущность” а тот, который имеет находящийся выше себя род, называется подчиненным родом (genus subalternum). Подчиненный род относительно вышенаходящегося рода называется подчиненным видом. Например, “живое” и “животное” относительно тела и т.д., хотя тело относительно сущности является только видом.

Наконец, то, что имеет выше себя какие-то роды, а ниже чего не находится никакого рода, а лишь только виды, как-то: “животное” относительно “человека”, “льва” и т.д., называется низшим родом — атомом. Точно так же и подчиненные виды будут те, ко-

торым подчинены другие виды, а видам — атомам будут соответствовать лишь неделимые.

Подобный порядок гарантируется тем, что если человеческий разум (*si velit*) пожелает познать предикаты сущего по порядку, то он должен спускаться от наиболее общих предикатов к предикатам меньшей степени общности, как от более известных к менее известным.

На месте ветвей располагаются отличия и они находятся с обеих сторон каждого рода, то разделяя род, то образуя вид. Действительно, назначение отличия двояко. С одной стороны, разделять род, с другой стороны, образовывать подчиненный вид. Отличие сущности делит сущность таким образом, что одновременно образует вид “тело” Отсюда оно также называется образующим для тела.

Отличия, выражаемые положительным словом, например — “телесное”, делят категории таким образом, что образуют подчиненные (роды). Здесь имеет силу следование от нижестоящих к вышестоящим. К примеру, “есть разумное, следовательно, есть чувствующее”

Те же, что выражаются отрицательным словом, как — “бестелесное”, лишь делят вид, подчиненный роду, и не образуют вид, подчиненный роду, но вернее противоречат этому виду. Ибо “бестелесный” не образует тела, и здесь следование от нижестоящего к вышестоящему недействительно. Неправильно заключать: “Есть неразумный, след есть неощущающий” Тем не менее, возможно следование от вышестоящего к нижестоящему, например: “Есть неощущающий, следовательно, есть неразумный” Отсюда становится ясным подразделение общего неопределенного термина на вышестоящий и нижестоящий, как то: “тело” и “живое”

74. В-одиннадцатых, термин делится на субстантивный и адъективный (*substantivum et adjectivum*). Субстантивный термин равно (*aequaliter*) прямо (*in recto*) говорит обо всем, им обозначаемом. Таким термином будет “человек”, который обозначает прямо как тело, так и животное. Адъективный термин из того, о чем говорит, одно обозначает прямо, а другое косвенно (*in obliquo*), словно как бы прилагательное. Таким термином будет “белый”, который прямо обозначает субъект белизны и косвенно белизну.

75. В-двенадцатых, термин делится на сравнимые (*pertinentes*) и на несравнимые. Сравнимые термины те, из которых один влечет за собой другой. Такие термины суть — “человек”, “способное

смеяться” и т.д. Ибо “человек” влечет за собой “способное смеяться” Таким образом, “Есть человек, следовательно, есть способный смеяться”

Несравнимые термины те, которые не влекут за собой друг друга и не взаимоисключают друг друга. Такие термины суть “музыкант” и “логик” Эти термины не влекут за собой друг друга, в противном случае всякий логик должен был бы быть музыкантом. Но они и не взаимоисключают друг друга, ибо некоторый музыкант может одновременно быть и логиком.

76. Сравнимые термины подразделяются на сравнимые сопутствующие и на сравнимые не по прямому противоречию (*pertinentes repugnantia*). Сравнимые сопутствующие термины суть те, из которых один влечет за собой другой утвердительно образом. Они отличаются между собой тройко. Они бывают или высшими (*superiores*), или низшими (*inferiores*), или обратимыми (*convertibiles*), или необратимыми. И они влекут за собой другой термин следующим образом: во-первых, когда безусловно (*absolute*) отрицается высший, то правильно отрицать и низший, как-то: “Не есть животное, следовательно, не есть человек, не есть Петр и т.д.” Когда же высший утверждается безусловно, то низший утверждается разделительно, как-то: “Есть животное, следовательно, есть или человек или бык”

Во-вторых, когда безусловно утверждается низший, то правильно также утверждать и высший, например, “Есть конь, следовательно, есть животное”, если же низший безусловно отрицается, то безусловно отрицать высший нельзя. Но можно отрицать только частным образом. “Не есть конь, следовательно, не есть некоторое животное”

Обратимые термины суть те, которые взаимно влекут за собой друг друга, как при утверждении, так и при отрицании. Как, например, “человек” и “разумное животное” Правильно ведь заключать “Есть человек” следовательно, “есть разумное животное” И наоборот. Эти термины называются связанными (*connexi*) взаимной связью.

Необратимые суть те, из которых один утвердительно влечет за собой другой, но не наоборот. Например: “Император” и “человек” Правильно, в самом деле, заключать: “Есть император, следовательно, есть человек”, но не наоборот. Эти термины суть связанные не взаимной связью.

Термины, сравнимые не прямо, противоречивые суть те, из которых один влечет за собой другой на основании противоположности

(ratione oppositionis), которая существует между ними. Как-то: “холодный”, “теплый” и т.д., которые влекут за собой друг друга путем отрицания, как то: “Есть теплый, следовательно, не есть холодный” Термины сравнимые не прямо, противоречивые подразделяются на несовместимые (disparati) и противоположные (oppositi). Несовместимые термины обозначают предметы, из которых один не может быть другим, хотя в другом основании они не исключают друг друга, как-то: “бык”, “человек”

Противоположные термины те, которые обозначают формы или словно бы формы, которые не могут существовать в одном и том же субъекте. Например, “тепло”, “холод” Или же это скорее суть наименования противоположных и несовместимых друг с другом форм, находящихся в одном и том же субъекте. Как-то: “тепло”, “холод”

Противоположные термины далее подразделяются на противные (contrarius), противоречащие (contradictorius), привативные (privativi) и относительные (relativi).

Противные обозначают акцидентальные формы, выталкивающие одна другую из одного и того же субъекта. Например, тепло, холод. Или же, скорее, обозначают соединение, где присутствуют эти формы, как теплое, холодное.

Противоречащие обозначают бытие или отсутствие бытия одного и того же предмета. Например, такими терминами будут “человек” и отрицание человека. Они называются физически противоречащими. Кроме того, существуют логически противоречащие термины, которые образуют противоречащие суждения, например: “Всякий человек бежит”, “Некоторый человек не бежит”

Термины привативные те, один из которых обозначает форму, а другой отсутствие этой формы у субъекта, способного иметь такую форму. Как-то: “зрячий”, “слепой” и т.д. Смотри под № 49.

Относительные термины говорят о взаимных соответствиях и отношениях, они противопоставляются друг другу на основании отношения.

77 Последнее, наиболее распространенное деление термина на субъект и предикат. Что оно собой представляет, ты поймешь, ознакомившись со сказанным под № 8. Заметь, что исходя из приведенных делений терминов, один и тот же термин может принадлежать к нескольким видам различных делений термина. Так, термин “человек” может являться понятием и одновременно обозначающим термином, простым, категорематическим, конкретным, абсолютным, положительным, термини-

ном первой интенции, общим, неопределенным, нетрансцендентным, соименным и относиться к категории “сущность” Точно таким же образом и другие термины.

Вопрос третий. Каковы свойства терминов?

Обычно перечисляют восемь свойств терминов: суппозицию (подстановку), восхождение, нисхождение, точку зрения, расширение, ограничение, перенос значения, наименование, о них пойдет речь в трех разделах третьего вопроса. Первый о суппозиции, второй о восхождении и нисхождении, третий об остальных свойствах терминов.

Раздел первый. Что такое суппозиция и скольких видов она бывает?

78. Суппозиция обычно понимается как “подкладывание под другое”, словно бы фундамент подкладывается под здание. Отсюда философы говорят: “Мы полагаем, среди прочего, что истина существует” Но здесь “полагать” берется в смысле “употреблять вместо другого”, то есть “на месте другого”

Следовательно, суппозиция термина есть замещение (substitutio) слова или вместо него самого, или вместо предмета, им обозначаемого; и одновременно вместо концепта, относящегося к слову или к предмету, обозначаемому словом.

Сказано: “замещения слова”, откуда ясно, что суппозиция является свойством не любого термина, но звукового.

Сказано: “замещение слова вместо него самого” Действительно, иногда, когда мы пользуемся словами, мы их употребляем не для обозначения какого-либо предмета, но для обозначения звуков слова, слогов, и букв. Например, когда я говорю: “Человек есть членораздельное слово”. Это слово здесь подразумевается в отношении самого себя. Иногда же звуковой термин замещает тот предмет, который он обозначает по установлению, так я говорю: “Человек есть разумное животное”

Сказано, в-третьих, “замещение слова вместо концепта”, ведь слова замешают не только предметы, но также и концепты. Отсюда следует, что если бы люди могли говорить друг с другом, единственно обмениваясь между собой концептами, то не было бы никакой необходимости в словах. Большинство считает, что так говорят друг с другом ангелы.

Сказано, наконец, относительно слова или предмета, обозначаемых концептом. В самом деле, как иногда слово замешает какой-нибудь предмет, который оно обозначает, или же употребляется, обозначая себя самое, точно так же то же самое слово иногда замешает концепт, относящийся к вещи, иногда же концепт, относящийся к самому слову.

Короче, суппозиция определяется следующим образом: “есть употребление (*usurpatio*) термина вместо обозначаемого этим термином. Есть подмена концепта словом, для выражения самого концепта”. Действительно, слово замешает или себя самое, или им обозначаемое, но преимущественно следует говорить, что под словом подразумевают концепт, так как слово выражает (*manifestat*) концепт обозначаемой вещи или концепт самого слова.

Отсюда ясно, что суппозиция отличается от обозначения (*significatio*), как учат Кассий и Овиедо. Потому что одно может замешать другое, но тем не менее обозначения уже не будет. Так, вместо плюща можно положить лавр, но он уже не будет обозначать, что здесь продается вино.

79. Во-вторых, одна суппозиция термина материальная, другая — формальная. Материальная суппозиция есть замещение термином самого слова. Формальная суппозиция есть замещение словом предмета, который оно обозначает. Примеры приведены в объяснении определения. Формальная суппозиция делится на собственную (*propria*) и несобственную. Собственная суппозиция есть замещение звуковым термином предмета, который он, собственно, обозначает, например: “человек” Несобственная суппозиция есть замещение термином предмета, который он обозначает не собственно, например, “луга смеются”

80. Далее, собственная формальная суппозиция подразделяется на простую и персональную. Составители кратких сводов логики расходятся в их определении. Обычно считают, что простая суппозиция есть употребление слова для обозначения предмета второй интенции, как он представлен (*pro ut substantem*) в наших концептах. Так, когда я говорю: “Животное есть род”,

то в самом деле “животное” здесь обозначает всех животных, как бы познанных смутно (*confuse*).

Персональная суппозиция, названная так не от лица (полатыни *persona* – *А.П.*), есть употребление слова вместо предмета, как он существует в реальности (*a parte rei*). Так, я говорю: “Животное бежит” “Животное” употребляется здесь как такое (*secundum se*), независимо от наших мыслей о нем.

Трудность заключается в следующем, может ли вот это: “Петр есть познанный” быть в простой или же в персональной суппозиции? Арриага отвечает: “Здесь суппозиция персональная: именно “Петр” обозначает форму бытия, которую Петр имеет в реальности, хотя предикат “познанный” относится к терминам интенции второй. Совсем другое дело, когда говорят: “Петр есть подчиняемое (*subicibile*) неделимое” Здесь уже не только предикат, но так же и “Петр”, кроме формы своего бытия, обозначает и познание (*cognitio* – акт познания), благодаря которому он мыслится как неделимое. Несколько яснее: “Петр познанный” таким-то и таким-то образом мыслится уже как неделимое.

Правильно заметил Гуртадо, опираясь на Сото, в персональной, общей (*universalis*) суппозиции осуществляется нисхождение, в частности, такое: “Человек есть животное, следовательно, Петр есть животное, Иван и т.д.” С другой стороны, в простой, общей суппозиции нисхождения не происходит. Действительно, не имеют силы утверждения “Человек есть вид, следовательно, Петр есть вид” Это можно объяснить тем, что суппозиция “Человек есть животное” общая и распределительная (*distributiva*), а вот эта: “Человек есть вид” – собирательная (*collectiva*).

Один и тот же термин в персональной суппозиции может иметь при себе как знаки всеобщности (*signa universalia*), так и частности (*particularia*), к примеру: “Всякий человек, некоторый человек” и т.д. Термин в простой суппозиции не принимает никаких знаков. В самом деле, неправильно говорят: “Всякий человек есть вид”

Ты скажешь, что в предложениях: “Род говорится о виде”, “вид подчинен роду”, “отличие говорится о неделимых” субъекты замещают обозначаемое, относящееся к сущностям второй интенции. Тем не менее здесь субъект находится в персональной суппозиции, так как он может употребляться со знаками персональной суппозиции, как “всякий” и т.д. Может здесь быть и

нисхождение, правильно ведь говорят: “Всякий род говорится о виде. Точно так же и этот вид, и тот, и вот тот подчиняются роду, следовательно, всякий вид является подчиненным” Значит, мы неверно определили простую суппозицию. Доказательство большей посылки: род, вид, отличие, являющиеся субъектами указанных суждений, суть термины второй интенции, при которой многое смешивается в одном (*confundentis plura in unum*). В этих суждениях вид отличается от рода, хотя на самом деле (*in re*) они все-таки неотличимы, но суть нечто единое. Следовательно, в указанных суждениях субъекты употреблены вместо обозначаемых ими предметов, как термины второй интенции.

Отвечаю, отрицая большую посылку, так как субъекты этих суждений употребляются вместо обозначаемых ими предметов как таковые (*secundum se*), в отношении первичного бытия, которым они реально обладают (*secundum suum primum esse quod habent a parte rei*). И кроме первичного бытия у них нет никакого другого бытия. Хотя это самое первичное бытие, которым они обладают реально, зависит от разума, тем не менее род говорится о виде независимо от мыслительной деятельности, отличной от первого акта, образующего сам род. Точно таким же образом вид подчинен роду.

Разъяснение доказательства: отрицаю то, что род, вид суть термины второй интенции сами по себе (*secundum se*) и в отношении себя самих (*respectu sui*). Соглашаюсь с тем, что они будут терминами второй интенции в отношении другого, когда они говорятся о терминах первой интенции. Например, когда говорят: “Животное есть род, человек есть вид” Относительно себя самого род не является родом, вид не является видом, отличие не является отличием, но все они суть виды относительно общего понятия как такового (*universale ut sic*).

Отвечаю на доказательство antecedenta. Хотя в этих суждениях вид отличается от рода, тем не менее из этого не следует, что субъекты подобных суждений употребляются вместо обозначаемого ими термина второй интенции (*pro suo significato, pro ut substante, secundae intentionis*). Потому что роду как таковому, употребляемому в первой интенции, присуще говориться о виде, и виду как таковому присуще подчиняться роду. Точно так же, как из того, что благодаря вот этому действию (разума): “Человек есть животное”, человек некоторым образом отличается от животного, тем не менее не следует, якобы “человек” употреблен вместо им обозначаемого как термин второй интенции, когда

различают многое, на деле являющееся единым. Отсюда, потому что быть животным человеку присуще в первой интенции и в указанных суждениях, хотя род и отличается от вида, тем не менее из этого не следует и т.д.

81. Далее, персональная суппозиция подразделяется на общую (*communis*) и единичную (*singularis*).

Единичная суппозиция бывает тогда, когда обозначается одна вещь, например “Петр”

Общая суппозиция опять подразделяется на собирательную (*collectiva*), распределительную (*distributiva*) и смешанную, или неограниченную (*confusa sive indeterminata*).

Собирательная суппозиция есть употребление (*acceptio*) термина по порядку для обозначения сразу и нераздельно многого. В такой суппозиции употребляются “четыре” и “двенадцать”, когда мы говорим: “Дважды два четыре”, “всех апостолов у Христа было двенадцать”

Распределительная суппозиция есть употребление термина для обозначения многого распределительно и раздельно, так что общий термин может говориться об отдельных предметах, которые он обозначает, то есть и об этом, и о том, и о другом неделимом.

Распределительная суппозиция делится на абсолютную и полную, когда общий термин может говориться о всех и о каждом отдельном предмете, который он обозначает. Притом не исключается ни одно из обозначаемых неделимых. Так, когда я говорю: “Всякое животное есть осязающее”, то “животное” стоит в дистрибутивной, абсолютной суппозиции.

Другая суппозиция соответствующая (*accomoda*) или же неполная (*incompleta*). Это бывает тогда, когда какой-нибудь общий (*universalis*) термин употребляется вместо всех родов и видов, им обозначаемых, но не вместо всех неделимых, входящих в виды. Так, в следующем суждении: “Всякое животное было в Ноевом ковчеге” — “животное” употреблено вместо всех видов, но не вместо всех неделимых. Или же тогда, когда общий термин употреблен вместо всех индивидов, но при этом все же некоторое или некоторые неделимые исключаются. Таким образом происходит употребление в следующем суждении: “Все согрешили в Адаме”, здесь термин употреблен вместо всех неделимых, за исключением Христа. То же самое можно сказать и о следующем суждении: “Всякий человек лжив”

Смешанная и неопределенная суппозиция есть та, когда термин употреблен вместо обозначающего неясно (*vage*) и нео-

предельно, например, “Некий человек бежит” Эта суппозиция подразделяется на неопределенную исходя из способа обозначения и на неопределенную исходя из обозначаемой вещи.

Неопределенная суппозиция исходя из способа обозначения бывает тогда, когда неопределенность заключается единственно в способе обозначения. В действительности термин соответствует определению только одному. Например, когда я говорю: “Некоторый человек пишет” при наличии пишущего человека, то неопределенность заключена единственно в обозначении. В действительности же предикат “пишет” относится только к одному, а именно тому, кто сейчас пишет, хотя благодаря этому обозначению не различается и не определяется, какой именно человек пишет.

Неопределенная суппозиция из объекта не обозначает ничего определенного не только благодаря способу обозначения, но и в силу действительного состояния (*a parte rei*). Так, в следующем предложении: “Некоторый конь необходим для верховой езды” в реальности обозначается или этот, или тот, или вот тот конь, необходимый для верховой езды, но тем не менее нельзя указать реально существующего коня, которому исключительно подходило бы данное суждение.

Заметь, во-первых, в тех суждениях, где или подлежащее или сказуемое употреблены в неопределенной суппозиции, смешанному термину соответствуют два объекта. Один объект определяющий (*determinativus*), объект обозначения, другой же удостоверяющий (*verificativus*). Определяющий объект тот, который в каком-либо основании подходит под смешанный термин. Удостоверяющий объект тот, который обеспечивает истинность суждения, на основании которого говорят, что предложение является верным. Допустим, в следующем предложении: “Некоторый человек бежит” смешанному термину соответствуют все люди, которые разделительно подходят под этот термин. А уже удостоверяющим объектом будет тот единственный человек, который бежит в действительности.

82. Заметь, во-вторых, в неопределенных предложениях, то есть в тех, где перед подлежащим, выраженным общим термином, не находится никакая синкатегорема, этот общий термин употребляется в распределительной суппозиции, если в содержании предложения присутствует необходимость, то есть если сказуемое выражает сущность подлежащего. Отсюда в следующем предложении: “Человек есть животное” так употребляется подлежащее

“человек” Это предложение равнозначно общему предложению: “Всякий человек есть животное”

Если же содержание предложения случайно, то есть такое, в котором сказуемое не выражает сущность подлежащего, то тогда находящийся на месте подлежащего общий термин употребляется в неопределенной (*indeterminata*) суппозиции, как то в предложении “человек бежит” подлежащее “человек” Это предложение равнозначно следующему: “Некоторый человек бежит”

Заметь, в-третьих, общий термин, стоящий на месте сказуемого, всегда употребляется в распределительной суппозиции, безразлично, или отрицание находится перед связкой, или же отрицательная синкатегорема определяет само подлежащее предложения. Различие заключается только в том, что отрицательная синкатегорема “никакой”, находящаяся перед подлежащим, распределяет как само подлежащее, так и сказуемое. Отрицание же, стоящее перед связкой, распределяет только эту связку. В другом месте мы разрешим вопрос, всегда ли общий термин, стоящий на месте сказуемого, в утвердительных предложениях, употребляется в смешанной суппозиции, если он говорится или об общем термине, или о единичном.

83. Ты задашь первый вопрос: когда же сказуемое утверждается о подлежащем, не находящемся в суппозиции (*non supponente*). Это некоторым образом противоречит правилам грамматики “*non supponente*”, но подобное употребление преобладает среди диалектиков.

Тогда, когда, утверждая какой-либо предикат о субъекте, мы ранее подразумеваем, что субъекту присущ некоторый другой предикат, который на самом деле ему не присущ. Так, в следующем предложении: “Антихрист бежит” – сказуемое говорится о подлежащем, не находящемся в суппозиции к “бежит” Ведь когда я утверждаю об Антихристе, что он бежит, я подразумеваю раньше, что Антихрист существует. В самом деле, никто несуществующий бежать не может. Точно так же, когда я говорю: “Ангел”, я предполагаю, что он есть белый. Выходит, что субъект только тогда суппонирует реально существующую вещь, когда что-либо говорится о субъекте, являясь относительно него случайным физическим признаком, как “бежит” и т.д. Отсюда ты сделаешь вывод, в каком случае следует отрицать подразумеваемое (*suppositum*), а именно в том, когда сказуемое говорится о не суппонирующем подлежащем.

Спросишь, во-вторых, правильно ли будет заключение силлогизмов, в посылках которых встречаются разные суппозиции? Отвечаю: некоторые находящиеся в суппозиции (supponentes) термины таковы, что не могут меняться в силлогизмах, не влияя на правильность вывода. К ним относятся: во-первых, термины в материальной и формальной суппозиции. Поэтому если в первой посылке силлогизма термин употреблен в материальной суппозиции, а во второй — в формальной суппозиции, то следование будет неправильное. Так, в следующем силлогизме:

“Человек есть двухсложное слово

9 Петр есть человек

Следовательно, Петр есть двухсложное слово”

Во-вторых, если в одной посылке силлогизма мы встречаем собственную формальную суппозицию, а в другой несобственную формальную суппозицию, то следование будет неверным. Так, в этом:

“Смеющийся есть человек

Луга смеются

Следовательно, Луга суть человек”

В-третьих, простая и персональная суппозиции:

“Животное есть род

Петр есть животное

Следовательно, Петр есть род” И также:

“Философы занимаются

Философы есть субъект этого предложения

Следовательно, Субъект этого предложения занимается”

Общее правило, согласно которому эти суппозиции в правильном силлогизме не могут меняться, таково: “В правильном силлогизме не должно быть больше трех терминов”, об этом мы скажем ниже. Но если изменится суппозиция у какого-нибудь из указанных терминов, то в таком силлогизме окажется больше, чем три термина. Действительно, из термина, стоящего в разных суппозициях, получится два термина. Следовательно, подобный силлогизм будет заключать неверно.

С другой стороны, некоторые суппозиции могут меняться без ущерба для вывода. Таковы распределительная и неограниченная суппозиции. Поэтому общий термин, находящийся в одной из посылок в распределительной суппозиции, может употребляться в другой посылке в смешанной суппозиции без ущерба для следования. Так, в следующем силлогизме:

“Человек есть животное

Петр есть человек

Следовательно, Петр есть животное”

“Животное” в большой посылке берется в распределительной суппозиции, ведь большая посылка соответствует следующему предложению: “Всякий человек есть животное” Но в меньшей из посылок тот же самый термин “человек” находится в неограниченной (неопределенной) суппозиции. А именно это предложение “Петр есть человек” соответствует следующему: “Петр есть некоторый человек” Однако сказанное будет истинным, если придерживаться точки зрения тех, кто учит, что общий термин, говорящийся об общем субъекте или же о сингулярном, является неограниченным (неопределенным). Но будет неверным, если следовать тем, кто считает, что если общий термин говорится о сингулярном субъекте, то он и сам будет сингулярным. Оно не равнозначно предложению: “Петр есть этот человек”, где “человек” стоит в сингулярной суппозиции. Я же считаю, что соответствует, так как эти суппозиции заменяемы без ущерба для вывода и не учетверяют терминов силлогизма.

Раздел второй. О восхождении и нисхождении

11

84. Восхождение бывает тогда, когда после достаточного перечисления отрицательным или утвердительным образом единичных терминов делают утвердительное или отрицательное заключение к общему термину (*universale*). Подобное случается, если я скажу: “Петр есть животное, и Павел есть животное, и так обо всех прочих людях, следовательно, всякий человек есть животное”

Нисхождение бывает тогда, когда из утверждения или отрицания общего термина делают утвердительное или отрицательное заключение к единичному. Подобное нисхождение происходит, если я скажу: “Всякий человек есть животное, следовательно, и Петр, и Павел суть животные” Отсюда ты видишь, что восхождение и нисхождение являются свойствами общего термина.

Восхождение и нисхождение делятся на те же самые виды, что и суппозиция общего термина, то есть на собирательное, распределительное, неограниченное, сообразно нашему способу обозначения, называемое некоторыми неограниченное совершенно (*indeterminatum perfecte*) и на неограниченное сообразно обозначен-

ной вещи, которое называется другими неограниченное просто и смешанно (*simpliciter et confuse*). Определения этих видов следуют из сказанного под № 81.

Здесь мы обратим внимание, во-первых, на следующее, при собирательном восхождении для заключения к общему понятию следует перечислить все части (*particula*), ни одной не исключая. В противном случае заключение будет неправильным. То же самое следует сказать и о собирательном нисхождении. Действительно, если ты перечислишь в antecedенте десять апостолов, то нельзя заключать, что всех апостолов было двенадцать.

Во-вторых, при разделительном (*in disiunctivo*) восхождении нет необходимости перечислять все единичные термины, так как, например, для заключения "Некто записывает лекцию" не надо перечислять всех тех, кто находится в классе, но только некоторых из них, как-то: "Василий или Сергей пишут, следовательно, некто пишет"

При разделительном нисхождении, однако, в консеквенте требуется перечислить все единичные термины. Именно, если в antecedенте стоит следующее предложение: "Некоторый из стариков пишет" то неправильным будет следование: "Следовательно, и этот пишет, и тот пишет второй, и т.д." Но необходимо перечислить всех шестерых стариков, потому что при четырех не пишущих, пятый и шестой могут писать. Тогда будет оправдана истинность предложения: "Некоторые из стариков пишут"

Что касается смешанного и неограниченного совершенно восхождения и нисхождения, то там необходимо перечислять все единичное, как-то: "некоторая пища необходима для поддержания жизни, следовательно, и хлеб, и мясо, и яйца", и так о прочих, что необходимо для поддержания жизни. Обратным образом в восхождении: "И хлеб, и мясо, и т.д. необходимы для поддержания жизни, следовательно, некоторая пища необходима для поддержания жизни"

Обрати внимание, в-третьих, при восхождении и нисхождении общий термин нельзя брать в простой суппозиции, но в персональной. Поэтому не будет правильным следующее восхождение: "Петр есть неделимое, Павел есть неделимое и т.д., следовательно, человек есть неделимое" Точно так же неправильно происходит нисхождение: "Человек есть вид, следовательно, и Петр есть вид, и Павел, и т.д." И это происходит потому, что в обоих "человек" находится в простой суппозиции.

Наконец, в-четвертых, даже и наречия можно разъяснять (*explicari*) через восхождение и нисхождение. Например: “Бог есть везде, следовательно, Бог есть и здесь, и там, и т.д.” И наоборот: “Здесь и там есть Бог, следовательно, Бог есть везде”

85. Ты спросишь, в какой суппозиции должен находиться общий термин, чтобы восхождение и нисхождение имели место? Отвечаю, согласно правилу (*ordinarie*) соразмерное предмету восхождение должно соответствовать общей (*universalis*) суппозиции. Я сказал “согласно правилу”, но иногда может происходить дистрибутивное нисхождение от собирательного термина и наоборот. Так, будет правильным следующее восхождение: “И этот воин есть вооруженный, и этот, и тот, и то же самое о прочих, находящихся во всем войске, следовательно, все войско есть вооруженное”

Далее, для того чтобы узнать, когда приемлемо восхождение дистрибутивное к собирательному термину или же нисхождение от собирательного термина к термину дистрибутивному, следует придерживаться общего правила – восхождение или нисхождение имеют место, если предикат заключения присущ любой из частей, взятой дистрибутивно абсолютно, но не как часть. Восхождение и нисхождение не имеют места, когда предикат заключения присущ любой из частей лишь как части.

Поэтому будет правильным следующее следование: “И этот воин сражается, и тот, и все другие, следовательно, все войско сражается.” Действительно, предикат “сражается” присущ воину абсолютно. Но уже следование будет неправильным: “И этот воин входит в войско, и тот, и другой, следовательно, все войско входит в войско.” Ведь этот предикат “входит в войско” присущ воину как часть. Ибо части (*de ratione partis est*) присуще составлять целое. А уже отсюда ясно, в каком смысле следует понимать и где именно имеет силу следующая аксиома: “Следование не имеет силы от смысла распределительного к смыслу собирательному”. Это правило относится к тому же самому, что и предыдущее. Тогда имеет силу заключение от распределительного смысла к собирательному и наоборот, когда предикат таким образом адекватно присущ отдельным частям собирательного целого, что последнее не уменьшается и не уничтожается, даже если большинство его частей связываются и одновременно употребляются (с этим предикатом – *А.П.*). Такими предикатами будут: “слепой”, “глупый”, “живой”, “телесный”, “мертвый” и т.д.

Раздел третий. О прочих свойствах терминов

86. Нам остается объяснить следующие свойства терминов: точка зрения, расширение, ограничение, перенос значения и наименование.

Точка зрения (*status*) есть такое употребление термина, когда он обозначает привносимое связкой время. Или же есть такое употребление термина, когда его значение не выходит за привносимое глаголом время. Например, "Петр пишет" Здесь "пишет" обладает свойством точки зрения, ведь оно сообозначает настоящее время, привносимое глаголом.

Точка зрения делится на три вида сообразно с трояким делением времени на настоящее, прошедшее и будущее.

Расширение (*amplificatio*) противоположно точке зрения, это такое употребление термина, когда последний распространяет свое значение на большее, чем привносимое связкой время, на другое время. Так, когда я говорю: "Петр есть животное", то распространяю смысл этого предложения на все временные различия. Такой же смысл будет и здесь: "До тех пор, пока существует человек, он будет разумным животным"

Разделение (*distractio*) есть употребление обозначающего термина в другом времени, отличном от времени, вносимого связкой. Так, говорят: "Слепые видят" В этом предложении "слепые" обозначают другое время, не то, которое привносится посредством "видят" В самом деле, смысл этого предложения следующий: "Те, кто раньше были слепыми, теперь видят"

Ограничение (*restrictio seu deminutio*) есть сокращение или сжимание термина от широкого значения к меньшему благодаря ограничивающей значению частице. Такое ограничение термина происходит в предложении "Петр есть ученый человек" Действительно, "человек" от его широкого значения, в силу которого он подходил всем людям, сократился к более узкому значению благодаря прилагательному "ученый", и теперь он подходит уже меньшему количеству людей.

Сходное случается и благодаря ограничительному наречию. Например, "диалектики старательно занимаются" Здесь ограничению подверглись "диалектики"

То же самое и из-за косвенного падежа, как-то: "Император России" где "император" ограничивается благодаря "России"

С этим свойством совпадает уменьшение (*deminutio*). Оно бывает тогда, когда термин, взятый сам по себе, обозначает что-либо безотносительно, но благодаря какому-нибудь добавлению значение его ограничивается до относительного. Так, когда я говорю: “Эфиоп белый относительно зубов” “белый” наделен свойством уменьшения. В самом деле, этот термин может безотносительно обозначать белого человека, но из-за добавления “относительно зубов” он как бы сжимается для обозначения относительно белого человека, то есть белого относительно своей части и не иначе.

Здесь заметь, что от ограниченного термина к неограниченному следование имеет силу. Так, когда я говорю: “Есть человек ученый, следовательно, есть человек. Есть разумное животное, следовательно, есть животное” Однако в обратном порядке следование не имеет силу. То есть от термина, подвергнутого уменьшению, к термину, уменьшению не подвергнутому. Так, следование не имеет силу: “Эфиоп есть белый относительно зубов, следовательно, он вообще (*simpliciter*) есть белый” Отсюда становится ясно, что существует некоторое отличие между ограничением и уменьшением.

Перенос значения (*Alienatio*) есть использование термина вместо того, что он обозначает только в переносном смысле (*improprie*). Так, когда я говорю: “На монете видно лицо государя”, “лицо государя” употребляется в переносном значении от собственного. А именно, оно не обозначает собственно то, что обозначает лицо, но “образ лица” Точно так же: “Св. Михаил висит на стене над кроватью”, “Я купил Св. Николая за полтинник” (*Poltina*), т.е. его изображение (Св. Николая — № 290).

87. Наименование (*Appellatio*) есть присоединение (*adjunctio*) одного термина к другому таким образом, что присоединенный термин придает первому новое наименование. Или же есть наименование (*denominatio*), с помощью которого одно слово (*dictio*) именуется другим. Или же тогда, когда получившее наименование от одного термина, получает от второго термина другое название (*titulum*). Как “Петр логик есть физик” Здесь “физик” есть тот термин, благодаря которому Петр получает новое наименование.

Наименование делится на материальное и формальное. Материальное наименование есть присоединение термина, которое дает новое наименование только лишь материи или же субъекту прежнего наименования, например, когда я говорю:

“Петр логик есть музыкант” Наименование “музыкант” относится к субъекту прежнего наименования, т.е. к бытийности Петра, но не к его форме, то есть “быть логиком” Формальное наименование происходит тогда, когда присоединенный термин придает новое наименование также и форме наименования прежнего. Так, когда я говорю: “Петр логик есть философ”, “Белая стена есть *disgregativus visu*”, тогда наименование “философ” уже относится не только к бытийности Петра, являвшейся субъектом прежнего наименования, а именно “логик”, но и к самой форме, благодаря которой Петр называется логиком. Точно так же *disgregativus visu* относится не только к бытийности стены, но и к самой форме, то есть к белизне. Точно так же: “Цицерон есть величайший оратор”, “Аристотель есть величайший философ”, то есть обладатель величайшего знания.

Заметь при этом, в любом наименовании присутствуют два компонента. Один словно бы материя, субъект, это и есть все, к чему направлено наименование. Другой же как форма, то есть то, что именуется, наделяет субъект наименованием. Так в следующем наименовании “Стена есть белая” “стена” существует как субъект, на который направлено наименование “белая” Formой же будет белизна, которая наделяет стену наименованием “белая”

ДИСПУТ ВТОРОЙ. ВТОРАЯ ОПЕРАЦИЯ РАЗУМА

Вторая операция разума, понимаемая наиболее формально, есть суждение (*propositio*), как и было нами показано под № 4. О нем необходимо выяснить, во-первых, что оно собой представляет, во-вторых, на какие виды подразделяется и, в-третьих, каковы его свойства.

Вопрос первый. Что собой представляет суждение

88. Этот вопрос можно рассматривать с двух точек зрения. Во-первых, каково определение суждения и каково его метафизи-

зическое понятие (*conceptus metaphysicus*). Что собой представляет суждение относительно своих частей, то есть из каких частей оно образуется. И так как в метафизическое определение суждения речь входит в качестве рода, сама же она образуется из глагола и имени, то Гуртадо считает, что основными частями суждения являются имя и глагол. Отсюда начинается

Раздел первый. что такое имя, глагол и речь

Имя определил Аристотель: “Есть обозначающее слово по установлению, безотносительно ко времени, ни одна из отдельных частей которого ничего не обозначает — это слово определенное и стоит в прямом падеже (*finita et recta*)”

Сказано “обозначающее слово” для того, чтобы исключить (из определения — *А.П.*) голоса животных и нечленораздельные звуки, издаваемые людьми, такие, как стон, смех, вздохи и т.д., которые обозначают естественным образом (*naturaliter*).

Сказано “безотносительно ко времени” для того, чтобы отличить имя от глагола, обозначающего вместе со временем. Тем не менее многие имена обозначают время, как-то: “час”, “месяц”, “год” и т.д. Некоторые же соозначают (*connotent*) время, как-то: “завтрак” “обед” и т.д. Но отсюда не следует, что они обозначают вместе со временем (*significant cum tempore*), т.е. привносят вместе со своим значением определенный период (*fluxus*) настоящего, прошедшего или будущего времени. В самом деле, когда я слышу “час”, я понимаю под этим некоторое определенное (*certa*) измерение времени, но все же не имею определенного знания о том, есть ли что-либо, было или будет. Ибо все это по отдельности можно с истинностью сказать о часе. Наоборот, когда я слышу: “Он учится, он учился или он будет учиться”, я понимаю и само действие, и течение времени.

Сказано, в-третьих, “ни одна из частей которого ничего не обозначает”, чтобы отличить имя от речи, части которой по отдельности имеют значение, как-то: “Петр, император России, победитель Швеции”

Сказано, в-четвертых, “определенное”, для того чтобы исключить термины неопределенные, которые с философской точки зрения именами не являются, а будут ими только с грамматической

точки зрения. Они ведь не обозначают ничего определенно, например: “Не-камень”

Сказано, в-пятых, “стоящее в прямом падеже”, для того чтобы исключить косвенные падежи. Их следует называть не именами, но скорее видоизменениями (*inflexiones*) имен. Когда они помещаются на месте предиката в предложении, то тогда следует подразумевать прямой падеж. Это было сказано под № 23.

89. Философское определение глагола также дал Аристотель: “Есть слово, обозначающее по установлению еще и время, определенное и стоящее в прямом падеже, оно всегда есть знак (*nota*) для сказанного об ином” Почему глагол назван обозначающим еще и время, ясно из предыдущего. Сюда следует добавить лишь то, что здесь подразумевается не реальное только действительное время, но также время воображаемое и возможное. Так, хотя в вечности (*ab aeterno*) не было реального времени, тем не менее всегда являлись верными предложения “Вечный Отец порождает Сына совечного”, “человек есть разумное животное” Ибо, во всяком случае, такие предложения указывают на возможное время.

Сказано, далее, “определенное”, так как глаголы не ограничиваться не могут. Стоящее перед глаголом отрицание не образует неопределенный термин и смысл, но смысл отрицательный.

Сказано: “стоящий в прямом падеже”, ибо, согласно Аристотелю, собственно глагол должен находиться в изъявительном наклонении настоящего времени. Точно так же, как для имен прямым падежом будет лишь именительный, так и для глаголов лишь индикатив настоящего времени. Основание этому – диалектик занимается предложениями, истинными вечно. Но для них подходит лишь глагол в настоящем времени. И это не потому, что они не распространяются на все времена, но из-за того, что их истина так соозначает любое время, как если бы она действительно в нем присутствовала.

Сказано, наконец, “есть знак для сказанного об ином. Ибо глагол или связка обозначает (*denotat*) присушность или же неприсушность предиката субъекту. По этой причине отвергают определения, предложенные Гуртало: “Имя есть часть речи, которая склоняется, глагол есть часть речи, которая спрягается” А именно эти определения грамматические, но не философские.

90. Речь есть обозначающее слово, некоторая отдельная часть которого что-то обозначает, но не как утверждение или отрицание.

Сказано “слово” (в смысле “смысловое звукосочетание” — А.П.), так как хотя в речи содержится много слов, тем не менее смысл у них будет один. Поэтому говорят “слово” Как-то: “Август Второй, король Польши” Если же речь будет состоять из множества слов, не имеющих один смысл, то тогда это уже не речь, а разьединенные пучки, например, “Мельница, лев, чаша, диалектик и т.д.”

Сказано “некоторая отдельная часть которого что-то обозначает”, для того, чтобы благодаря этому отличать речь от слова, ни одна из отдельных частей которого не является обозначающей.

Заключи против Гуртадо и Арриаги, считавших, что речь отличается от составного термина точно так же, как животное от человека, ибо речь является родом по отношению к термину составному, предложению и силлогизму. Другие понимают речь не только как (произнесенное) или же написанное слово, состоящее из многих частей, имеющих значение, если их брать по отдельности. Они понимают речь как концепт разума, представляющий множество объектов, которые могли бы быть представлены по отдельности. Или же как единый концепт, равнозначный множеству концептов, представляющих по отдельности различные объекты.

Речь разделяется на несовершенную, которая не рождает совершенный смысл (*perfectum sensum*). Так, “человек справедливый”, где все же существует логическая речь, хотя и нет глагола, и на совершенную, где смысл содержится полностью. Это случается или желательным образом: “О если бы я был угоден Богу”, или вопросительным: “Это есть человек?”, или просительным: “Сжался надо мной, Господи”, или повелительным: “Люби Бога”, или, наконец, в виде высказывания: “Петр есть человек”

Раздел второй. что такое суждение как метафизически, так и физически

91. Что касается первого, то в книгах Аристотеля мы находим множество определений суждения. Во-первых, “есть речь, содержащая истину или ложь” Во-вторых, “есть речь, утверждающая или отрицающая что-либо” Оба определения правиль-

ные в том отношении, что годны всегда для всякого суждения и только лишь для суждения. Тем не менее многие замечают, что это скорее разделяет суждение, чем его определяет. Оно также не годится для отдельных видов суждения.

Далее, относительно первого определения замечают, что это скорее свойство суждения, потому что истина и ложь являются свойствами. Многие определяют суждение так: “Есть речь, высказывающая об объекте” Но это определение не удовлетворяет, во-первых: потому что суждение не определено через ближайший род, ведь речь будет более отдаленным родом. Более близкий род для него совершенная речь. Во-вторых, так как подобным образом определяется лишь утверждение, но не отрицание. Так, как согласно Аристотелю, “Утверждение есть высказывание о присущности чего-либо чему-нибудь (*alicuius de aliquo*)” “Отрицание же есть высказывание о неприсущности чего-либо чему-нибудь” Поэтому кажется, что лучшее определение дал Квирос: “Есть совершенная, изъявительная речь, определяющая (отношение чего-либо к чему-нибудь)” “Совершенная речь” будет здесь ближайшим родом, благодаря которому суждение сходится с речами, выражающими желание и т.д. Но от них оно отличается благодаря “изъявительная” Хотя что касается вопросительной речи, то оно может быть и в изъявительном наклонении, но не определительным образом (*determinante*). Так, когда спрашиваешь: “Кто стучит?” – тот, кто стучит, остается неопределенным. Это определение распространяется и на отрицательное суждение, так как и оно указывает на упорядоченное отношение чего-либо к чему-либо определительным образом. Итак если отношение есть, то суждение будет утвердительным, а если его нет, то отрицательным.

Доказательство правильности определения: оно годится для всякого суждения, только лишь для суждения и всегда и состоит из ближайшего рода и отличия.

92. Что касается второго пункта, то легко понять из сказанного, что физическими составляющими частями суждения будут предикат, субъект и связка. Предикат и субъект называются материальными частями (*partes ut quod*), связка формальной частью (*ut quo*). Материальные части те, о которых можно сказать в прямом падеже, что они образуют целое, и они дают ответ на вопрос: “Что образует целое?” Например, когда я отвечаю на вопрос: “Что образует физическое соединение “человек”?” – “Тело и душа” На вопрос же: “Что есть суждение?”, я отвечаю: “предикат и субъект”.

Формальные же части те, о которых говорится только в косвенном падеже, что они образуют соединение. Так, на вопрос: “По какой причине получается целое?”, я отвечаю: “Человек как целое получается благодаря физическому сочетанию, суждение получается благодаря связке” Формальные части суть формальные основания (*rationes formales*), благодаря которым целое определяется к своему бытию как целого (*ad esse totius*). Таким образом, благодаря сочетанию, соединение “человек” определяется к бытию целого, а благодаря связке суждение определяется в своем бытии как бытию логического целого.

Вопрос второй. На какие виды делится суждение

У суждения, как и у термина, деления разнообразные, тем не менее их можно разбить по определенным группам. К первой группе относятся виды, выделенные на основании материи, ко второй — на основании формы, к третьей на основании качества.

Раздел первый. На какие виды делится суждение на основании материи и формы

93. Скот понимал под материей суждения субъект, под формой же предикат. Другие, вместе с Овиедо и Арриагой, считают, что субъект и предикат суть материя, а связка есть форма. И то, и другое мнение приемлемо не полностью, но лишь с определенными оговорками. Здесь мы придерживаемся мнения отца Линцея (*Lynceus*), считавшего, что в данном случае мы сталкиваемся с употреблением слов “материя” и “форма” лишь по аналогии и в переносном смысле, исходя из соотношения материи и формы физических, в природных вещах. В самом деле, то и другое мнение в чем-то будет истинным, как в естественном соединении душа есть форма, тело есть материя, сочетание же не является ни материей, ни формой, но соединением (*nexus*) их обоих, так и в предложении связка не будет ни материей, ни формой, но соединением субъекта и предиката словно бы материи

и формы. Если же разумное соединение понимать удвоительно (формально — *A.P.*), то материей его будут душа и тело, сочетание же, напротив, получит значение формы. В таком же соотношении и в переносном смысле можно удвоительно понимать и суждение как некое соединение. Тогда и тот, и другой крайний член окажутся материей, связка же формой. Если же искать (*eviscerari*) материю и форму с максимальной строгостью, то я принял бы за материю суждения входящие в него термины, а уже за форму их расположение, как учит ученейший Эммануэль *de conjunctione Trinitarius*.

94. На основании материи суждение делится на необходимое, невозможное и случайное (*necessaria, impossibilis, contingens*).

Необходимое суждение то, где предикат присущ или же не присущ субъекту с необходимостью, то есть предикат связан или не связан с субъектом. Такие суждения суть: “Человек есть животное. Человек не есть бык” Необходимое суждение подразделяется на необходимое с физической необходимостью и на необходимое с этической необходимостью.

Необходимое суждение с метафизической необходимостью (у него есть другое название — определенностное — *quidditativa*) есть то, когда предикат присущ или же не присущ субъекту с такой необходимостью, что даже неограниченная сила Бога не может сделать так чтобы он соответствовал или не соответствовал тому же субъекту. Это ясно на основании приведенных примеров.

Необходимое суждение с физической необходимостью есть то, когда предикат присущ или же не присущ субъекту с такой необходимостью, что естественным образом, в силу деятельности естественных причин, предикат не может быть присущим или не присущим субъекту, хотя чудесным образом может не быть присущим или быть присущим тому же самому субъекту. Таким суждением будет: “Солнце движется” Действительно, солнце движется естественным образом с необходимостью, в соответствии с требованиями природных причин. Тем не менее чудесным образом может случиться так что солнце двигаться не будет. Необходимое суждение с этической необходимостью есть то, когда предикат так присущ субъекту, что может быть ему неприсущим по воле Бога и даже естественным образом. Хотя обычно такой предикат неотделим от субъекта. Например, следующее суждение: “Тот, кто дурно жил, умрет дурной смертью” Или же: “Все люди не умрут в один миг”

Необходимое суждение, далее, можно разделить на непосредственное (*immediata*), в котором связь (*connexio*) предиката и субъекта видна сама по себе из терминов, то есть для подтверждения не требуется других средств. Например: “Всякое целое больше своей части” и другие начала, очевидные в силу естественного света (разума — *A. П.*). И на опосредованное, нуждающееся в дополнительных средствах для своего подтверждения. Например: “Человек есть способный смеяться” которое следует доказывать следующим: “человек есть способный удивляться”

Невозможное суждение есть то, когда предикат никоим образом не может быть присущим субъекту и тем не менее о нем говорится. Или же предикат присущ субъекту необходимым образом, однако о субъекте отрицается. К примеру: “Человек есть камень, человек не есть животное”. Невозможное суждение подразделяется на невозможное метафизически, физически и этически. Эту невозможность легко себе уяснить из сказанного о метафизической, физической и этической необходимости и из противоположного.

Случайное суждение есть то, где предикат присущ субъекту таким образом, что может и не быть ему присущим. Например, когда я говорю: “Петр есть ученый” Или когда предикат не присущ субъекту таким образом, что может быть ему присущим, когда я говорю: “Петр не есть ученый” Или на такое, в котором предикат присущ субъекту с необходимостью, не являющейся ни одной из нами указанных. Или где предикат не присущ субъекту с невозможностью, не являющейся ни одной из нами указанных.

95. На основании формы суждение делится на утвердительное и отрицательное. Утвердительное суждение то, в котором отрицание не действует на основную связку (*non afficit copulam principialem*). Как-то: “Петр есть человек” Отрицательное то, где отрицание действует на основную связку, например: “Петр не есть плохой”

Я добавил “в котором отрицание действует на связку”, потому что если отрицание будет действовать на субъект или предикат, то суждение станет частично утвердительным, как то было нами показано под № 52. Кроме этого, я добавил “основная связка”. Хотя отрицание и может действовать на какую-нибудь связку, если оно не будет действовать на основную связку, то это уже не будет отрицательное суждение. Так, следующее суждение: “Петр талантливый логик, если он не будет отвлекаться, то может стать хорошим физиком” есть суж-

дение утвердительное. Отсюда ясно, что если в суждении имеется несколько связок, то следует обращать внимание на то, действует ли отрицание на основную связку. Основной же связкой будет та, которая связывает субъект и предикат суждения. Например: “Всякий человек, который не есть белый, есть черный” является утвердительным суждением. И наоборот, отрицательным суждением будет: “Всякий человек, который есть мудрый не, боится смерти”

96. Ты спросишь, может ли связка в отрицательном суждении называться связью или сочетанием, поскольку она не связывает предикат с субъектом, а скорее разделяет их и разъединяет.

Отвечаю: она может быть названа отрицательным сочетанием. Если же кто скажет, что отрицательное сочетание есть не что иное, как отрицание сочетания, то я с этим не соглашусь. Ибо точно так же, как отрицательное суждение не будет отрицанием суждения или не-суждения, но истинным, хотя и негативным суждением, так и сочетание в нем не будет отрицанием сочетания. Тем не менее кажется, что отрицательное сочетание должно что-то соединять (*unire*). Поэтому я отвечаю, и это будет мой второй ответ, для связки не требуется утверждения связи или тождественности (*identitas*) предиката и субъекта в онтологическом смысле. Достаточно если говорится о связи предиката и субъекта в логическом смысле, как частей суждения, в той мере, в которой связь эта устанавливает единое логическое целое, а именно суждение. Отсюда ясно следующее: хотя в отрицательном суждении связей некоторым образом отъединяет предикат от субъекта в онтологическом смысле (т.е. говорит о том, что обозначаемая субъектом вещь не есть то же, что вещь, обозначаемая предикатом), но тем не менее она соединяет предикат с субъектом в смысле частей суждения, так что, естественно, отрицаемый предикат является вместе с субъектом частью суждения.

97. Обрати внимание на следующее обстоятельство: связка является формой для суждения (взятая как таковая или при отрицании) лишь тогда, когда мы рассматриваем суждение как род (*praecise*). Когда же мы рассматриваем определенные виды суждения, то формой для них является то, что определяет (*constituit*) их бытие как вида. И так формой каузального или гипотетического суждения станет частица *si* (“если”), соединительного частица *et* (“и”) вместе с *non* (“и не”), разделительного или распределительного *vel* (“или”), каузального *quia* (“так как”), общего синкатегорема всеобщности *omnis/nullus* (всякий/никакой), исключаящего — исключаящая

частица, выделяющего — выделяющая частица, удвоительного — удвоительная, модального — модус и т.д.

98. Суждение разделяется, во-вторых, на основании формы, на категорическое и гипотетическое.

Категорическое или абсолютное суждение есть то, в котором предикат утверждается или отрицается о субъекте абсолютно, вне зависимости от какого-то ни было условия. Так, когда я говорю: “Петр есть ученый”, “небо есть дождливое”

Гипотетическое или условное суждение есть то, когда предикат утверждается или отрицается о субъекте в зависимости от какого-либо условия. Таким суждением будет: “Если есть солнце, то есть и день” Пять частиц: *si, et, vel, quia, quis* или *qui* — гипотетические.

Гипотетическое суждение подразделяется на 1) утвердительное и отрицательное, когда предикат говорится о субъекте так что условие влечет за собой консеквент с необходимостью. Необходимость эта может быть метафизической, физической и этической. Далее 2) на гипотетическое суждение, когда предикат утверждается или отрицается о субъекте так что из условия невозможно вывести консеквент. И эта невозможность бывает тройкой: метафизическая, физическая и этическая. 3) и на гипотетическое суждение, когда предикат утверждается или отрицается о субъекте так, что условие может быть связано с обусловленным только случайным образом. 4) и на гипотетическое суждение, когда условие несовместимо (*disparata*) и никак не может быть сравниваемо с обусловленным. Например, когда я говорю: “Если посох будет стоять в углу, то пойдет дождь” Пример невозможного гипотетического суждения, когда из невозможного самого по себе условия выводится обусловленное: “Если муха окажется невозможной, то и Бог будет невозможным” и “если бы Святой Дух исходил бы от Сына, то Сын не отличался бы от Отца” Гипотетическое суждение может быть также причинным (*causalis*), реальным и чисто условным.

Причинное гипотетическое суждение то, где как условие ставится причина, например: “Если есть солнце, то есть и день”

Реальное гипотетическое суждение то, где как условие ставится результат. Например: “Если есть день, то есть и солнце” Чисто условное гипотетическое суждение то, где как условие ставится чистое условие, при наличии которого должно наличествовать и следствие (результат). Так, бывает, когда я говорю: “Если огонь приблизить к дереву, то он будет его жечь”

99. Суждение делится, в-третьих, по форме на простое (simplex) и составное (complexa).

Простое суждение то, которое не содержит в себе множества суждений и не равнозначно им. Например: “Человек есть животное”

Составное суждение есть то, которое или очевидно состоит из множества соединенных между собой простых суждений, или же равнозначно множеству суждений и раскладывается на них (in illasque est exornabilis). Например: “Или Петр учится, или Павел учится”

Простое суждение подразделяется на простое суждение присущности (de inesse) и на простое модальное.

Простое суждение присущности есть то, в котором определено утверждается, что предикат присущ или не присущ субъекту, причем способ (modus) присущности предиката субъекту не затрагивается ни в утвердительном, ни в отрицательном смысле. Таким суждением будет: “Петр есть человек”

Модальное простое суждение есть то, где предикат утверждается или же отрицается о субъекте каким-то определенным способом. Таким суждением будет: “Петр есть человек необходимым образом”. (Определение модального суждения отсутствует в рукописи № 289, которая в прочих отношениях является наилучшей — А.П.).

100. Относительно модальных суждений заметить, во-первых: модальное суждение состоит из двух (элементов). В самом деле, оно составляется, во-первых, из суждения присущности субъекту, которое называется философами “сказанное” (dictum). Кроме этого, модальное суждение состоит из модуса, выражающего то, каким способом предикат присущ субъекту.

Заметь, во-вторых, модус модального суждения может выражаться и через наречие, когда я говорю: “Петр есть человек необходимым образом”, и через имя, когда я говорю: “Необходимо, что Петр есть человек”

Заметь, в-третьих, насчитывают четыре наиболее известных модуса в суждениях. Первый — необходимо или необходимым образом, второй — невозможно, третий — возможно или случайно, четвертый — возможно нет или случайно нет. Первый называется универсально утвердительный, второй универсально отрицательный, третий частно утвердительный, четвертый частно отрицательный. Это количество модусов выражается следующим мудрым двустишием:

«“Всякий” имеет силу необходимости, “никакой” невозможности
“Некий” возможности, “некий не” “возможности не”
Omnis necesse valet, impossibile nullus
Possibile quidam, quidam non possibile non»

Относительно этих четырех модусов рассматривай следующие суждения: “Человек есть животное есть необходимо, человек есть камень есть невозможно, человек бежит есть возможно, человек есть белый есть случайно” Все эти четыре модуса воздействуют на связку суждения, ибо они выражают связь, ее качество между субъектом и предикатом суждения.

Модусы могут присутствовать явно, как в приведенных нами суждениях. Но они могут присутствовать и скрытно (*implicite*), как в этом: “Человек есть необходимо животное” оно равнозначно следующему: “Человек есть животное есть необходимо” Для истинности этих суждений недостаточно, чтобы предикат был присущ субъекту, но требуется еще и то, чтобы он был присущ точно так же, как утверждается в суждении. Поэтому это суждение будет ложным: “Человек есть случайно животное”

101. Простое суждение подразделяется, во-вторых, на прямое и не прямое (*directa et indirecta*).

Прямое простое суждение есть то, где вышестоящий термин говорится о термине нижестоящем, когда я говорю: “Петр есть человек” Или же когда равный термин говорится о равном, когда я говорю: “Человек есть разумное животное” Прямое простое суждение делится на тождественное, когда одно и то же говорится о себе самом при том же способе обозначения. Например, когда я говорю: “Петр есть Петр” И на нетождественное, когда предикат обозначен иным способом, нежели субъект. Например, когда я говорю: “Человек есть разумное животное”

Непрямое суждение есть то, когда нижестоящий термин высказывается о вышестоящем, когда я говорю: “Животное есть Петр”. Сюда относится сказанное под № 8.

102. Составное суждение делится на составное суждение, явно выраженное (*expresse talem*) и на составное суждение, требующее дополнительного истолкования (*complexa exponibilis*).

Явно выраженное составное суждение состоит из явно выраженных нескольких суждений, некоторым образом соединенных друг с другом. Оно подразделяется на четыре вида.

Соединительное, в котором суждения соединены посредством соединительных частиц *et, nec* “и”, “и не” Разделительные, в которых суждения соединяются посредством разделительных частиц *aut* “или” Каузальные суждения, где суждения соединяются посредством причинных частиц *ex eo quod, si quidem* “потому что, так как” Заключающие суждения, где суждения соединяются посредством частиц, указывающих на вывод, *igitur, ergo* “следовательно, итак” и т.д.

Составное суждение, подлежащее истолкованию, есть то, которое кажется единым, но из-за некоторых частиц, все-таки нуждающихся в истолковании, равнозначно нескольким суждениям, с помощью которых оно объясняется и истолковывается. Подобное составное суждение обычно подразделяется на три вида. Из них один – суждение выделяющее, другой – исключяющее, третье – удваивающее.

103. Выделяющее суждение есть то, в котором находится какая-нибудь из выделяющих частиц, которые суть: *num, solum, dumtaxat, ponisi*. Оно подразделяется дальше на выделяющее с выделенным субъектом и на выделяющее с выделенным предикатом. Выделяющее суждение с выделенным субъектом то, когда выделение падает на субъект, а с выделенным предикатом, когда выделение падает на предикат.

Заметь, во-первых, выделяющие частицы указывают на выделение субъекта, материи. Отсюда, когда говорят: “Только Петр есть в классе”, то из находящегося в классе выделяются только ученики, а не мухи, скамейки или иконы (*imagines*).

Заметь, во-вторых, если мы имеем дело с утвердительным суждением с выделенным субъектом, то мы должны истолковывать его посредством двух суждений. Одно из них утверждает предикат о субъекте выделяющего суждения, а другое отрицает тот же самый предикат о других всевозможных субъектах. И так суждение: “Только Бог есть всемогущий” мы должны истолковывать следующим образом: “Бог есть всемогущий” и “Ничто другое не есть всемогущее”

Если же мы имеем дело с отрицательным выделяющим суждением, то истолковывать мы его должны посредством двух суждений. Одно из них просто отрицает предикат о субъекте выделяющего суждения, другое же, напротив, утверждает тот же самый предикат о других субъектах. Итак следующее суждение: “Лишь духовная субстанция не имеет количества” мы истолко-

ываем подобным образом: “Духовная субстанция не имеет количества”, “все другие субстанции имеют количество”

Если мы имеем дело с выделяющим суждением с выделенным предикатом, то мы должны разложить его на две части, я имею в виду утвердительное суждение. Одно будет утверждать предикат выделяющего предложения о субъекте, а другое отрицать все другие предикаты о том же самом субъекте. Таково следующее суждение: “Петр философ есть только логик”. Его следует истолковывать так: “Петр философ есть логик” и одновременно “не есть физик, ни метафизик” Если мы имеем дело с выделяющим суждением с выделенным предикатом, я веду речь уже об отрицательном суждении, то истолковываем мы его посредством двух суждений. Одно из них отрицает предикат о субъекте выделяющего суждения, а другое утверждает прочие предикаты об этом же субъекте. Поэтому мы истолковываем суждение: “Петр философ есть лишь не метафизик” следующим образом: “Петр философ не есть метафизик” и одновременно “он есть физик и логик”

Одни выделяющие суждения относятся к сказанному как единичному, когда выделение затрагивает единичный субъект. Другие к сказанному как общему. Например: “Только всякий человек не есть музыкант” Здесь предикат выделяется из всего того, что не заключается в субъекте, выражением общим термином. Для истолкования упомянутого предложения тебе не надо говорить: “Всякий человек есть музыкант и все то, что не суть всякий человек, не есть музыкант”, ибо так ты будешь истолковывать выделяющие предложения, где говорится о единичном. В противном случае получится: “Никакой человек не есть музыкант”, так как никто не есть “всякий человек” Напротив, должен истолковывать следующим образом: “Всякий человек есть музыкант и все то, что не суть человек, не есть музыкант”

Для того чтобы не путаться в подобных случаях, держись следующих правил. Первое: суждениям, в которых утверждается выделяющая частица и глагол или связка, например: “Только конь есть способный к ржанию” следует давать следующее истолкование: в одном суждении утверждать то же самое о субъекте, во втором отрицать то же самое о чем-либо другом. Например: “Конь есть способный к ржанию. Ничто другое к ржанию не способно”

Правило второе: в суждениях, где выделяющая частица и глагольная связка отрицаются, истолкование следует производить с

помощью разделительного суждения, состоящего из тех же самых крайних членов. Первая его часть будет общей и утвердительной, вторая же — частной и отрицательной. Пример: “Не только конь не есть способный к ржанию” раскладывается таким образом — “всякий конь есть способный к ржанию” или “ничто прочее, кроме коня, не способно к ржанию”

Правило третье: там, где частица *afficit* воздействует на субъект, а отрицание на связку, истолкование осуществляется посредством сочинительного суждения, состоящего из тех же самых крайних членов. Первая часть этого суждения будет отрицательной и частной, вторая же общей и утвердительной. Например: “Только конь не есть способный к ржанию” истолковывается следующим образом: “не есть способный к ржанию конь и все прочее, отличное от коня, есть способное к ржанию”

Правило четвертое: там, где отрицается выделенное слово и утверждается связка, истолкование производится с помощью разделительного суждения. Первая часть этого предложения будет отрицательная, а вторая отрицательная и частная. Например: “Не только конь есть способный к ржанию” истолковывается следующим образом “или никакой конь есть способный к ржанию, или нечто от него отличное не есть способное к ржанию”

104. Исключающее суждение есть то, где некто исключается из общего термина, бывши в нем заключенным необходимым образом. Например: “Все апостолы, кроме Иуды, суть святые” Но неправильно определять исключающее суждение как состоящее из исключающих частиц: *praeter* “кроме”, *praeterquam* “кроме того”, *excepto* “за исключением” А именно, не будет исключающим следующее суждение: “Кто-то, кроме магистра, говорит”, хотя в ней находится частица *praeter*.

Исключающее суждение подразделяется на исключающее суждение с исключенным субъектом, каково есть: “Все люди, кроме Христа и Богородицы, согрешили в Адаме”, и на исключающее суждение с исключенным предикатом, каково есть: “Петр есть некоторое сущее, кроме льва”

Одно исключающее суждение таково, что исключающая частица берется в нем в расширительном смысле и должно истолковываться посредством двух утвердительных суждений. Таково вот это: “Петр, кроме предиката животное, обладает множеством других предикатов” Оно истолковывается следующим образом: “Петр имеет предикат “животное” и “Петр имеет множество других предикатов”

Исключающие суждения, где исключаящая частица употребляется в выделяющем смысле, должны истолковываться следующим способом. Однако же я сказал, что следует истолковывать выделяющие суждения (таков текст рукописей — *A. П.*).

Заметь, во-первых, выделяющее суждение, где частица употребляется в выделяющем смысле, тем отличается от исключаящего, что в исключаящем суждении исключаемый термин должен находиться в общем термине с тем, с которым связано исключение. Это было ясно на примерах.

Заметь, во-вторых, для избежания двусмысленности некоторые исключаящие частицы употребляются то в расширенном и утверждающем смысле, то в выделяющем и отрицательном. Итак, в этом суждении: “Петр кроме логики владеет другими искусствами” можно допустить расширительное понимание: “Петр знает логику и все прочие искусства” и отрицательное понимание: “Петр знает логику, но уже прочие искусства не знает” Поэтому в подобных предложениях необходимо подчеркивать это различие. Заметь, в-третьих, неопределенные суждения, в которых какой-нибудь термин неопределяющий, можно свести к исключаящим суждениям и таким способом следует истолковывать подобные суждения.

105. Удваивающее (*reduplicata*) суждение есть то, в котором находится одна из удваивающих частиц. Такими частицами будут: *in quantum*, *quatenus*, *prout*, *quatalis*.

Оно подразделяется, во-первых, на удваивающее о субъекте, когда удвоение действует на субъект, и на удваивающее о предикате, когда удвоение воздействует на предикат.

Подразделяется оно, во-вторых, на сущностное, когда удвоение затрагивает сущность предмета. Такое суждение получится, если я скажу: “Человек, поскольку он разумен, есть основа рассуждений (*principium rationationum*)” Здесь частица указывает на то, что последний член суждения является как бы корнем, откуда распространяются рассуждения. На каузальное, когда удвоение относится к причине, например, “Огонь, поскольку он горяч, жжет” На условное, когда удвоение относится к условию, как-то: “Огонь, поскольку находится близко, жжет” Первое суждение следует истолковывать следующим образом: “Человек есть основание рассуждений и рассудительность (*rationalitas*) есть сущность, основа деятельности рассудка (*rationandi*)” Второе суждение следует истолковывать так: “Огонь

жет, и приближение его к претерпевающему есть искомое условие для горения”

Помимо указанных видов составных суждений, требующих истолкования, сюда же можно отнести суждения, противоположные выделяющим, исключаяющим и удвоительным. Сюда, к составным суждениям, могут быть отнесены и суждения с синкатегоремой всеобщности или разделительные суждения, потому что их можно разложить на несколько суждений, например: “Каждый человек есть животное” раскладывается на “и Петр есть животное, и Павел есть животное”

Ты задаешь вопрос, будут ли простыми или же составными следующие суждения: “Петр, который бежит, движется. Каков Петр, таков и Павел. Пока Петр сидит, Павел гуляет. Там, где нахожусь я, будет и мой слуга” Отвечаю, они являются составными, так как раскладываются на простые сочинительные: “Петр и бежит, и движется. И Петр есть такой, и Павел есть такой. И Петр сидит, и Павел гуляет. И я есмь, и слуга мой будет”

Раздел второй. Сколько видов насчитывает суждение на основании количества

Под количеством подразумевается его протяженность (*extensio*) или ограниченность (*limitatio*), так что оно обозначает больше или меньше (предметов). Далее, суждение протягивается или ограничивается благодаря протяженности или ограниченности главного субъекта, но не из-за протяженности или ограниченности предиката или какого-либо иного члена суждения.

107 На основании количества суждение делится на общее, частное, единичное и неопределенное. Общее суждение то, главному субъекту которого придана синкатегорема всеобщности “всякий”, “никакой” Частное суждение то, главному субъекту которого придана частная синкатегорема “некоторый”, “некий” Единичное то, главному субъекту которого придана синкатегорема “этот” и т.д.

Я добавил в определении общего суждения “в той степени, в какой синкатегорема придана субъекту” со следующей целью. В самом деле, для того чтобы какое-нибудь суждение было бы общим, частным или единичным, недостаточно примыкания

синкатегоремы к предикату. Поэтому не будут общими следующие суждения “Петр не есть какой-нибудь человек. Некоторый человек не есть какой-либо бык” Аналогично следующее суждение, “Петр есть некоторый человек. Каждый человек есть некоторое животное” не является частным.

Я добавил также “главному субъекту” Так, следующее суждение: “Ни один раб какого-либо господина (не) бежит” является общим, потому что синкатегорема придана главному субъекту.

Неопределенное суждение то, когда, обычно, субъект не имеет никакого знака. Например, “человек бежит” которое равнозначно как общему, так и частному суждению, как было сказано под № 82.

Заметь, во-первых, некоторые придерживаются такого мнения, что частицы “всегда” и “никогда” не образуют общее или частное суждение, но частица “никогда” согласно мнению тех же лиц образует общее отрицательное суждение и равняется синкатегореме “никакой” Но я не вижу, почему бы по причине равенства основания частица “всегда” не равнялась знаку “всякий”, частица “иногда” — знаку “некоторый”

Заметь, во-вторых, это деление суждения на основании количества, по преимуществу, на общее и частное распространяется не только на простые предложения существования и абсолютные, но и на модальные, гипотетические, составные и т.д.

108 — Количество модальных суждений определяется не высказыванием (a dicto), но модусом. Отсюда модальное суждение будет общим, если будет иметь общий модус и частным, если будет иметь частный модус. Поэтому если в каком-нибудь суждений высказывание будет частным, но модус общим, то это суждение следует назвать общим без всякого ограничения. И так следующее суждение: “Необходимо есть, чтобы некоторый человек теперь бежал” является безо всякого ограничения общим, хотя высказывание здесь частное. Или же подобные суждения следует называть частными по высказыванию, общими по модусу. Ибо, наоборот, “необходимо” равносильно “всегда” “невозможно” — “никогда” “возможно” — “иногда”, “возможно не” — “иногда не” это рассматривалось под № 100.

Количество гипотетических суждений зависит от количества условий и количества обусловленного, так что при общих условия и обусловленном суждение называется общим, при частных — частным. Если же количество условия разнится от количества обус-

ловленного, то разнится также и количество суждения. Например, если мы имеем дело с суждением, где условие общее, а обусловленное – частное, то назовем его общим со стороны условия и частным со стороны обусловленного.

Соединительные суждения всегда обладают общим количеством. Таким образом, следующее суждение “И Петр учится, и Павел учится” является общим и равносильно такому суждению “И тот, и другой учится”

Напротив, разделительные суждения всегда частные. Таким образом, следующее суждение: “Или Петр учится или Павел учится” будет частным и равносильно следующему частному предложению: “И тот, и другой (в отдельности – alteruter) учатся”

Прочие суждения, подлежащие истолкованию, обладают тем количеством, которое мы наблюдаем в суждениях, полученных после истолкования. Таким образом, суждения, истолковываемые посредством сочинительных суждений, окажутся частными. Отсюда утвердительные по знаку (*de signo*) будут общими, потому что истолковываются посредством сочинительных суждений, а отрицательные по знаку будут частными, потому что истолковываются посредством разделительных суждений.

Раздел третий. На сколько видов делится суждение на основании качества

Качество суждения есть утверждение и отрицание, то есть истинность или ложность (*veritas et falsitas*).

109. На основании качества, во-первых, суждение делится на утвердительное и отрицательное, на те же виды, что и по делению на основании формы, но здесь деление производится на основании качества.

На основании качества, во-вторых, суждение делится на истинное и ложное. Истинное суждение то, которое соответствует (*conformis*) своему объекту. Ложное суждение то, которое не соответствует (*diformis*) своему объекту. К ложным суждениям как вид относятся те суждения, которые сами себя делают ложными. Такими суждениями будут те, где посредством одного термина нечто определенно (*explicite*) и ясно (*expresse*) утверждается, посредством же другого – то же самое ясно (*expresse*) или скрытно (*implicite*)

отрицается. Или наоборот. Таковы следующие суждения: “Я есмь немой, который говорит; клянусь в том, что я никогда не прибегаю к клятве” и т.д. Ты должен внимательно учитывать деление суждения на утвердительное и отрицательное, истинное и ложное, потому что это настолько всеобщее деление, что нельзя подыскать ни суждения, ни вида суждения, которые бы не были утвердительными или отрицательными, истинными или ложными.

110. То, что относится к первому делению: из простых суждений присущности утвердительными являются те, где отрицательная синкатегорема не придана ни связке, ни субъекту. Напротив, там, где отрицательная синкатегорема придана субъекту или связке, мы имеем дело с отрицательным суждением. Среди модальных суждений утвердительными будут те, которые обладают утвердительным модусом, а отрицательными те, которые обладают отрицательным модусом. Однако не те, в которых утверждается или отрицается модус. (А именно в следующих предложениях: “Петр бежит есть невозможно” модус утверждается, тем не менее суждение будет отрицательным, “Петр бежит есть вероятно” модус утверждается, тем не менее суждение отрицательное.) Вследствие этого некоторые добавляют, что для модальных суждений отрицательными будут те, где модус отрицает или все время выраженное связкой или некоторую его часть, напротив, утвердительным суждением является то, где модус утверждает или все время выраженное связкой или некоторое время. Это ясно истолковывающему следующие суждения: “Петр бежит есть невозможно”, то есть “Петр никогда не бежит”

Из модальных суждений некоторые суть утвердительные в отношении модуса, отрицательные в отношении сказанного (пропозициональное отрицание — *А.П.*), другие отрицательные в отношении модуса, но утвердительные в отношении сказанного, третьи, наконец, утвердительные или отрицательные как в отношении модуса, так и в отношении сказанного.

Из гипотетических суждений утвердительными будут те, где утверждается связь условия с обусловленным. Утвердительные суждения отличаются от отрицательных тем, что в них отрицание не придано условию, как это случается в отрицательных суждениях. Эти суждения также могут называться отрицательными от обусловленного, когда на месте обусловленного находится отрицательное суждение. Таково суждение “Если позвать Петра, то он не согласится” Отрицательные суждения, как от условия, так и от обусловленного суть те, где отрицание прида-

но как условию, так и юбусловленному и где обусловленное отрицательное. Например: “Если Бог в момент А не сохранит Петра, то Петр в момент А жить не будет.” Другие, наоборот, суть утвердительные как от условия, так и от обусловленного. Так, когда я говорю: “Если позвать Петра, то он согласится. (Если не будет дождя, будет ясная погода)” (В рукописи № 289 последнее отсутствует).

Другие отрицательные от условия, утвердительные от обусловленного, как когда я говорю: “Если не будет дождя, то будет ясная погода.”

Из составных суждений отрицательными будут соединительные суждения, где находится отрицательная частица *pes* “и не”, утвердительными же, где находится утвердительная частица *et* “и”

Из разделительных суждений утвердительными будут те, в которых разделительные частицы соединяют утвердительные суждения, а отрицательными те, в которых разделительные частицы соединяют отрицательные суждения.

Исключающие, выделяющие и удваивающие суждения называются отрицательными в том случае, если в них есть отрицания знак (то есть в них отрицается исключаящая, выделяющая или удваивающая частица). Утвердительными они будут, если в них есть знак утверждения. Но в действительности определять качество исключаящего, выделяющего и удваивающего суждения следует из простых суждений, с помощью которых их необходимо истолковывать. Отсюда ясно, что если некоторые суждения истолковываются посредством двух утвердительных суждений, то это просто утвердительные суждения, посредством отрицательных — просто отрицательные, те же, которые раскладываются на утвердительное и отрицательное суждение, в отношении одного будут отрицательными, в отношении другого утвердительными.

III. То, что относится к истинности и ложности суждений: во-первых, суждения с необходимым содержанием (*in materia necessaria*) утвердительные и отрицательные (*simpliciter*) суть истинные, например: “Петр есть животное. Петр не есть бык” Напротив, суждения с невозможным содержанием, как утвердительные, так и отрицательные всегда ложные, как следующее: “Петр есть бык. Человек не есть животное” суть ложные. Относительно суждений со случайным содержанием (*in materia contingenti*) невозможно ничего решать твердо и определенно. Некоторые ведь из них суть истинные, соответствующие объекту,

другие же ложные, которые не соответствуют объекту. Истинные суждения такого рода называются вероятно истинными, а ложные вероятно ложными. Обрати внимание на следующие суждения, из которых одно утверждает предикат о субъекте с ним связанный, другое же отрицает. Здесь одно будет иметь необходимое содержание, другое же — невозможное. Например: “Человек есть животное. Человек не есть животное” Аналогично то суждение, где утверждается предикат, противоречащий (*repugnans*) объекту, будет иметь невозможное содержание, а то, где этот предикат отрицается, будет иметь необходимое содержание. Например: “Человек есть бык. Человек не есть бык”

Второе: простые абсолютные суждения присущности обладают истинностью или ложностью исходя из содержания, когда содержание их необходимо, невозможно или вероятно, они обладают истинностью и ложностью в зависимости от изменения содержания.

Третье: истинность или ложность модальных суждений не зависит от истинности или ложности высказывания, но от того, соответствует модус высказыванию или нет. Например, следующее суждение “Может быть (*contingens est*), каждый логик пишет” есть истинное, хотя сказанное в этом суждении будет ложным, если какой-нибудь логик писать не будет. Это суждение истинное потому, что стоящий в суждении модус вероятен (*contingens*) для сказанного. В самом деле, вероятно, что все логики в действительности могут писать.

Заметь, что следующие модусы “возможно есть”, “случайно есть” не всегда можно употреблять одинаковым образом в отношении одного и того же высказывания. Чтобы модальное суждение было истинным, “возможно” действует на высказывание, где предикат говорится о сущности (*de essentia*) субъекта, и тогда “случается” не может действовать на то же самое высказывание. Но то высказывание, где предикат присущ субъекту случайным образом, там может употребляться как “возможно”, так и “случается” Поэтому оба этих предложения будут истинными: “возможно есть, что человек бежит. Может быть (*contingens*), человек бежит” Там, где ставится “случается” может стоять и “возможно”, но не наоборот.

Заметь, во-вторых, если модальные суждения истинные, то они истинные по сущности, а если ложные, то ложные по сущности. Основание в том, что истинность или ложность модальных суждений основывается на соответствии (*convenientia*) моду-

са высказыванию, но не на истинности или ложности высказывания (*dictum*). Модальное суждение должно быть истинным или ложным по сущности (модальное предложение — *A. II.*), если какой-либо модус соответствует сказанному с необходимостью или не с необходимостью. Поэтому следующее суждение “Может быть, человек есть белый” является истинным по сущности, потому что человек не может быть белым, кроме как случайным образом.

Четвертое: истинность гипотетических суждений не основывается на истинности условия и обусловленного, рассматриваемых отдельно друг от друга, но на связи условия и обусловленного. Поэтому будет истинным следующее суждение: “Если Бог в момент *A* создает Антихриста, то Антихрист будет существовать”, хотя здесь и условие, и обусловленное, рассматриваемые в отдельности, являются ложными. Отсюда следует, что гипотетическое суждение может быть истинным, если мы подразумеваем под условием нечто невозможное (*si suppositio sit impossibilis*), лишь бы связь обуславливаемого с таким подразумеваемым не была невозможной.

Пятое: для истинности соединительного суждения необходимо, чтобы все его отдельные части были истинными. Отсюда следующее суждение: “И Петр бежит, и Иван бежит” всегда будет ложным, если Иван сидит. И это произойдет на том основании, потому что соединительное суждение не только утверждает присущность предиката субъекту, но и утверждает соединение истинности одного простого суждения с истинностью другого суждения. В самом деле, он говорит, по крайней мере не явно (*et exercite*), что и то, и другое простое суждение истинное. Следовательно, если второе простое суждение не существует как истинное, то соединительное суждение будет просто ложным, в противном случае оно будет высказывать об объекте то, что объекту не принадлежит.

Для того чтобы разделительное суждение было истинным, если разделительная частица в нем употребляется в выделительном смысле, необходимо иметь одно простое суждение истинным, а другое ложным. Подобным образом следующее суждение: “Антихрист или существует или не существует”, где частица (*aut*) “или” употребляется как выделительная, есть истинное, так как из простых суждений образующих это разделительное суждение одно — истинное, а другое — ложное. Если же точно употреблять разделительную частицу (*vel*) “или”, в ее минималь-

ном значении, то тогда оба простых суждения, входящие в разделительное суждение, будут истинными. Но все-таки истинность одного суждения будет акцидентальная, и для ее подтверждения требуется относящаяся к сущности истинность иного суждения. Это ясно на примере следующего суждения: “Или Петр есть животное, или Павел есть животное”, оно истинное, потому что истинно равносильное ему частное суждение: “Некоторый человек есть животное” Тем не менее все простые суждения, входящие в разделительное суждение, суть истинные. Отсюда ясно, что ошибаются считающие то, что разделительное суждение имеет всегда выделительный смысл, так что если одно суждение истинное, то второе истинным быть не может. Например, когда Христос говорит: “Если двое или трое соберутся во имя Мое, то и Я буду находиться среди них” Заметь, Он сказал, что если и двое, и трое соберутся вместе во имя Его, то Он будет среди них. Далее, Бог пригрозил в кн. “Левити”, 20: “Кто оскорбит отца или мать, да погибнет” Кто посмеет сказать, что Бог не имел в виду, угрожая, и тех, кто оскорбит и мать и отца. Далее, церковь предписывает нам исповедовать грехи в один из 40 дней, в этот или в тот. Если же понимать это в выделительном смысле, то получится, что нам предписывают исповедоваться только один раз. Отсюда, кто исповедуется два раза, тот якобы согрешит против этого правила церкви. И так как это суждение: “Некоторый человек бежит” равносильно следующему: “Этот или тот человек бежит”, но ты тем не менее правильно скажешь: “Некоторый человек бежит”, если даже будут бежать все люди. И так как два противоречащих предложения якобы могут быть оба ложными. Например: “Петр и Павел бегут” является ложным, если не бежит один из них, но и “или Петр, или Павел не бежит” также будет ложным, так как по твоему мнению оба предложения истинные.

113. Каузальное суждение будет истинным, когда каузальное суждение указывает на такое причинное следствие, которое вытекает из действия данной причины. А уже заключающие суждения будут истинными тогда, когда правильно соединяется то, из чего заключается, и то, к чему заключают.

Седьмое: наконец, суждения, подлежащие истолкованию, являются истинными и ложными, если суждения, на которые их следует раскладывать, являются истинными и ложными. Предикат удваивающих и выделяющих суждений должен быть истинен для субъекта абсолютно, то есть должно быть истинным

абсолютное суждение, возникшее после отбрасывания знака. Это суждение называют еще подлежащим (*praejacens*). Итак суждение: “Музыкант, насколько он является музыкантом, поет” является истинным, значит, суждение: “Музыкант поет” должно быть истинным. Так, как суждение: “Только Петр есть логик” истинное, то и суждение: “Петр есть логик” также должно быть истинным.

В исключающих суждениях подобного не происходит. Так, как для истинности суждения: “Все апостолы, кроме Иуды, суть святые”, не требуется быть истинным суждению “Все апостолы суть святые” Иначе для подтверждения истинности исключающего суждения тебе придется доказывать истинность двух противоречащих суждений, как явствует из увиденного. Поэтому подобные суждения следует истолковывать следующим образом: на первом месте та часть, которая выражается общим термином и подвергается исключению. Эта часть и будет подлежащим, например: “Всякий, кроме Петра, учится” истолковывается следующим образом: “Петр не учится” и “все прочие учатся” Точно так же обстоит дело и с отрицательными суждениями подобных видов.

Ты скажешь, что суждение: “Эфиоп есть белый” ложное и тем не менее вот это суждение: “Эфиоп есть белый, поскольку он имеет зубы” является истинным. Следовательно, для истинности удваивающего суждения не требуется истинности подлежащего суждения.

Отвечаю, отрицая антецедент, и говорю, что оба суждения ложные. Дело в том, что смысл второго суждения такой: “Эфиоп есть белый и он белый, потому что у него есть зубы” Но иметь зубы того или иного цвета это еще не значит, что весь эфиоп называется окрашенным в тот или иной цвет. Поэтому суждение: “Эфиоп есть белый относительно зубов” утверждает то, относительно чего эфиоп является белым. А суждение: “Эфиоп, поскольку у него есть зубы, есть белый” просто называет эфиопа белым. Но нельзя заключать от белого относительно чего-либо к белому как таковому.

Ты будешь настаивать, для истинности удваивающего суждения достаточно того, чтобы удваивающий знак обозначал ту часть субъекта, которая формально принимает часть предиката. Ибо следующее суждение: “Человек, насколько он обладает телом, есть окрашенный” является истинным. И все же удваивающий знак в этом суждении обозначает лишь ту часть субъекта,

которая принимает на себя предикат “окрашенный” Но в этом суждении: “Эфиоп, поскольку...” удваивающий знак обозначает часть субъекта и т.д., так как “имеющий зубы” указывает на зубы, а они и есть та часть, которая принимает предикат “белый” для эфиопа.

Мой ответ: я согласен с тем, что было сказано в большей посылке, если удваивающий знак абсолютно указывает на часть субъекта, именуемого безо всяких ограничений. Но я не согласен с тем, если субъект именуется не безусловно. Говори: человек как целое именуется окрашенным безусловно и безо всяких ограничений; эфиоп же, напротив, является белым в некотором отношении, по этой причине первое суждение истинное, а второе ложное. Основание нашей точки зрения следующее: удваивающее суждение уже предварительно подразумевает, что предикат присущ субъекту и добавляет сверх того некоторое основание, благодаря которому предикат присущ субъекту. Поэтому априори не является истинным суждение, утверждающее основание, благодаря которому делается вывод о таком состоянии субъекта, которое не существует в действительности. Отсюда если в удваивающем суждении подлежащие суждения суть ложные, то мы вправе отвечать: “Отвергаю подразумеваемое” Например, если кто-нибудь станет утверждать: “Человек, поскольку он имеет крылья, способен летать”, мы можем ответить: “Отвергаю подразумеваемое” Дело в том, что подобное удваивающее суждение предварительно подразумевает то, что человек способен летать, и приводит основание, благодаря которому человек способен летать. Но глупо приводить основание, из-за которого что-либо якобы есть то, чем оно на деле не является.

114. Ты спросишь: почему в перечисленных нами суждениях качество заимствуется не из связки, а от другого? Именно потому, что иначе два противоположных суждения одновременно окажутся истинными и ложными. Но этого быть не может, что явствует из следующих примеров. Так, если этому модальному суждению утвердительному: “Может быть, Петр бежит” будет соответствовать отрицательное: “Может быть, Петр не бежит”, то оба противоречащих суждения окажутся истинными. Точно так же если этому утвердительному каузальному суждению: “Петр рассуждает, потому что он телесный” будет соответствовать: “Петр не рассуждает, потому что он телесный” то оба этих противоречащих суждения одновременно окажутся ложными. То же самое следует говорить и о прочих суждениях. Для

избежания подобной бессмыслицы суждению: “Петр рассуждает, потому что он есть телесный” следует противопоставить противоречащее суждение: “Петр рассуждает не потому, что он есть телесный”. А тому суждению: “Может быть, Петр бежит” – “Не может быть (не случайным образом) Петр бежит”

Вопрос третий. Свойства суждения

Обычно перечисляют пять свойств суждения: количество, качество, противоположность, обращение и равносильность.

Раздел первый. Что такое противоположность, на сколько видов она делится. Каким суждениям противоположность присуща

115. Что касается первого пункта: противоположность есть несовместимость (*gerugnantia*) двух суждений, имеющих один и тот же субъект и предикат, относительно количества или качества, или их обоих. Из этого определения ясно, во-первых, что для противоположности необходимо иметь один и тот же субъект и предикат. Поэтому не может быть противоположности между такими суждениями: “Петр сидит” и “Петр не читает”, хотя одно из них утвердительное, другое отрицательное и у них один и тот же субъект. Дело в том, что предикат у них разный. И нет противоположности между суждениями: “Петр читает”, “Павел не читает”

Ясно, во-вторых, что связка того и другого суждения должна обозначать одно и то же место и время. Если этого не случается, то не будет и противоположности. К примеру: “Петр сидит”, “Петр не будет сидеть” и здесь: “Христос находится в причастии, принимая форму (*sup speciebus*) вина и хлеба” и “Христос в форме вина и хлеба не находится на небе”

В-третьих, в том и другом суждении наречные обозначения должны быть одинаковы. Поэтому не будет противоположности тут: “Петр пишет” и “Петр пишет хорошо”

Необходимо, в-четвертых, чтобы термин и в том и в другом суждении находился в одной и той же суппозиции. То есть чтобы

субъект являлся одним и тем же не только относительно звукового выражения (*secundum vocem*), но и относительно обозначаемого предмета. Так, из-за отсутствия этого условия не противопоставляются следующие суждения: “Всех Христовых апостолов суть двенадцать” и “Все Христовы апостолы не суть двенадцать” так как в первом суждении “всех” употребляется коллективно (*copulative*), а во втором суждении распределительно. Точно так же: “Собака лает” и “собака не лает”, в первом суждении имеется в виду собака – животное, а во втором – созвездие Собаки (Пса). Изменение суппозиции распределительной на неограниченную не меняет смысл суждения, как было нами сказано под № 83.

Под количеством понимается частичность или всеобщность, под качеством – утверждение или отрицание.

116. Относительно второго пункта: противоположность бывает четырёх видов – противная, подпротивная, подчиненная и противоречащая. Первая представляет собой несовместимость двух суждений относительно качества. То есть когда одно суждение общее и утвердительное, а второе общее и отрицательное. Или когда одно суждение общее, а другое единичное или смешанное. Например: “Каждый человек бежит” и “Петр не бежит” Вторая есть несовместимость двух частных суждений относительно качества, например: “некоторый человек бежит” и “некоторый человек не бежит” Этот вид не дает противоположности никакого значения, ибо субъект суждений не один и тот же. В самом деле, “некоторый” в том и другом суждении может подразумеваться по-разному, в противном случае это будут противоречащие суждения. Легко может случиться, что бежать будет кто-нибудь один, например Петр, а не бежать кто-нибудь другой, например Иван. Это подтверждает то, что эти суждения могут быть одновременно истинными, но при этом истинность одного из них не исключает истинности другого. Второй случай: противопоставление происходит лишь между терминами, но не в действительности. Так, я говорю: “Мать любит сына. Мать не любит сына” В первом случае подразумевается один сын; во втором – другой.

Третий случай: несовместимость двух суждений относительно количества. Например, одно суждение общее утвердительное или отрицательное, а другое частное, утвердительное или отрицательное. К примеру: “Каждый человек бежит” и “Некоторый человек бежит” Здесь нет противоположности, но скорее одно суждение включает в себя другое, так что истинность одного

суждения зависит от истинности другого. И суждение “Каждый человек бежит” не может быть истинным, если не будет истинным суждение “Некоторый человек бежит”. Из истинности подчиняющего суждения следует истинность подчиненного суждения, но из ложности подчиняющего суждения ложность подчиненного суждения не следует. Поэтому употребление здесь слова “противоположность” неправильное.

Четвертый вид противоположности это несовместимость двух суждений, как в отношении количества, так и в отношении качества. Или же, разделяя мнение Арриаги, чтобы определение подходило и для единичных суждений, которые по истине суть противоречащие, противоречащая противоположность есть или двух единичных суждений (только относительно качества), или двух суждений, из которых одно частное, а другое общее, несовместимость как в отношении качества, так и в отношении количества. Например: “Петр бежит. Петр не бежит. Каждый человек бежит. Некоторый человек не бежит”. Ты скажешь, что противоположными будут лишь эти суждения: “Каждый человек бежит. Каждый человек не бежит”. Потому что только у них знаки одни и те же. Но якобы не будут противоположными суждения “Каждый человек бежит. Некоторый человек не бежит”, так как не является одним и тем же субъект “каждый” и “некоторый”. Отвечаю, отрицая антецедент. В этих суждениях все равно доходят до одного и того же субъекта, который определенно утверждается в одном суждении и отрицается в другом. Действительно, тот, кто говорит: “Каждый человек бежит”, уже тем самым говорит и о субъекте отрицания: “Некоторый человек не бежит”.

117 Отвечаю на третье: во-первых, простые суждения, субъект которых выражается общим термином, способны принимать четыре вида противоположностей, если перед субъектами находится синкатегорема всеобщности или частичности, и из утвердительных суждений получаются отрицательные и наоборот. На предлагаемой схеме станет яснее, как это происходит в суждениях с разной модальностью. Здесь общие утвердительные суждения обозначаются буквой А, общие отрицательные суждения буквой В, частные утвердительные буквой Е, частные отрицательные буквой Д. Кроме того, под первым номером идут суждения с модусом необходимости, под вторым с модусом случайности, под третьим с модусом невозможности.

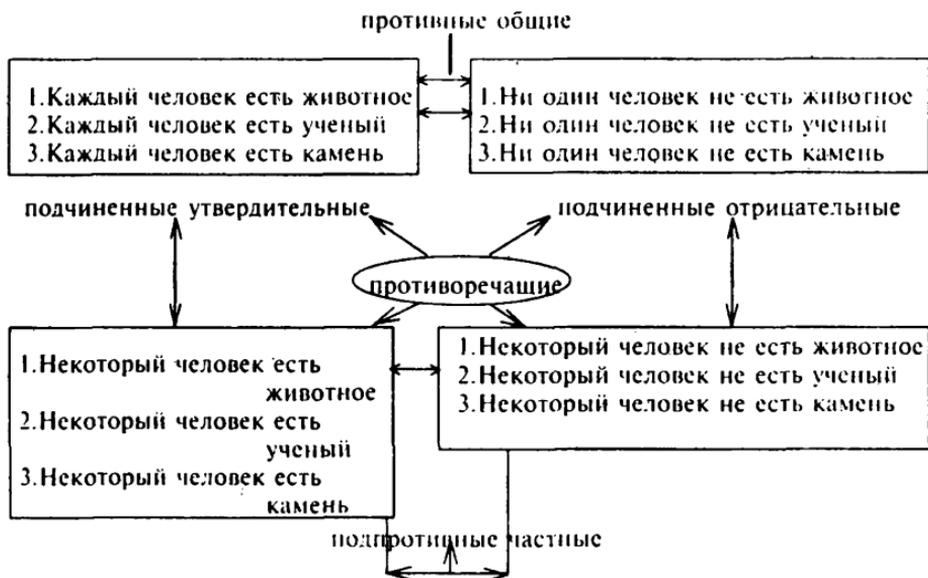

Схема вторая

118. Модальные суждения также могут подпадать под четыре вида противоположностей, если в них будут меняться модусы, которые и определяют количество модального суждения, вместе с которым меняется и качество. В самом деле, противоположность модальных суждений есть несовместимость двух модальных суждений относительно количества, качества и того и другого.

Противоречащая противоположность встречается, во-первых, у суждений с одинаковым модусом, утвердительных или отрицательных, высказывающихся совершенно об одном и том же. Например: "Петр есть животное есть необходимо, Петр есть животное не есть необходимо". Противоречие бывает, во-вторых, между суждением с общеотрицательным модусом "невозможно" и частным суждением с модусом возможности или случайности, высказывающихся об одном и том же субъекте, например: "Петр есть животное есть невозможно. Петр есть животное есть возможно". В-третьих, противоположность существует между утвердительным суждением с утвердительным модусом необходимости и отрицательным суждением с отрица-

тельным модусом возможности. К примеру: “Петр есть животное есть необходимо. Петр не есть животное есть возможно”

Противная противоположность существует между теми модальными суждениями, из которых в одном присутствует модус необходимости, а в другом модус невозможности при высказывании об одном и том же. Например: “Петр есть животное есть необходимо. Петр есть животное есть невозможно”

Подпротивные не могут противоположаться при сохранении того же способа утверждения и отрицания в высказывании, потому что иначе мы получаем противоречащую противоположность. Они противоположаются по отношению друг к другу с прибавлением отрицания к высказыванию. Например: “Петр есть животное есть возможно. Петр не есть животное есть возможно”

Подчиненные модальные суждения суть те, где при том же высказывании утверждается модус необходимости и невозможности. Например: “Петр есть животное есть необходимо. Петр есть животное есть возможно” Или же суть те, когда одно из суждений утвердительное и там утверждается модус невозможности, а другое отрицательное и там утверждается модус возможности или случайности. Это положение не относится, однако, к тем модальным суждениям, где главное суждение (то есть помещаемое на схеме на первом месте) с утвердительным высказыванием утверждает универсальный модус посредством “есть”: “Петр есть животное есть необходимо” И если в главном отрицательном суждении утверждается модус необходимости, например: “Петр не есть камень есть необходимо” Здесь следует образовывать противоположности другого рода. Например: “Петр не есть камень есть необходимо. Петр не есть камень есть невозможно”, которые суть противные. Первому будет подчиненное следующее: “Петр не есть камень есть возможно”, второе — “Петр есть камень есть возможно” Основание здесь следующее, когда главное суждение является утвердительным и относительно высказывания и относительно модуса, тогда модусы равноценны (aequalent) временным знакам или модусам — “всякий, никакой, некоторый не”, как сказано под № 100. Но когда в главном суждении высказывание отрицательное, а модус положительный, тогда “необходимо” равносильно наречию “никогда”, когда сверх того придается отрицание, “невозможно” равносильно наречию “всегда”, “возможно” равносильно наречию “иногда”, “возможно” без добавления отрицания “не” равносильно наречию “иногда не” в соответствии со сказанным под № 108.

Таким образом раскладывается первое суждение: “Петр никогда есть камень”, второе: “Петр есть всегда камень”, третье: “Петр иногда не есть камень”, четвертое: “Петр иногда есть камень” Если ты не пожелаешь разъяснять первое предложение “Петр не есть камень есть необходимо” следующим образом: “Петр всегда не есть камень”, второе: “Петр никогда не есть камень” третье: “Петр иногда не есть камень”, четвертое: “Петр иногда есть камень” Смотри все на прилагаемой таблице.

Человек есть животное	есть необходимо	Человек есть животное	есть невозможно
Человек есть ученый	есть необходимо	Человек есть ученый	есть невозможно
Человек есть камень	есть необходимо	Человек есть камень	есть невозможно
Человек есть животное	есть возможно	Человек не есть животное	есть возможно
Человек есть ученый	есть возможно		или случайно
Человек есть камень	есть возможно	Человек не есть ученый	есть возможно
			или случайно
		Человек не есть камень	есть возможно
			или случайно

Схема третья

119. Третье: явно выраженные составные суждения имеют те же самые противоположности. Соединительные суждения обладают качеством общих, а разделительные — частных. Это ясно на схеме:

И Петр есть животное	и Павел есть животное	Ни Петр не есть животное,	ни Павел не есть животное
И Петр учит	и Павел учит	Ни Петр не учится,	ни Павел не учится
И Петр не есть камень	и Павел не есть камень	Ни Петр не есть камень	или Павел не есть камень
Или Петр есть животное	или Павел есть животное	Или Петр не есть животное	не есть животное
Или Петр учит	или Павел учится	Или Петр не учится	или Павел не учится
Или Петр есть камень	или Павел не есть камень	Или Петр не есть камень	или Павел не есть камень

Схема четвертая

Четвертое: суждения, требующие дополнительного истолкования, если их следует истолковывать посредством соединительных и разделительных суждений и для них образуются суждения противоположные, могут иметь указанные четыре вида противоположностей. Тогда на месте противных суждений должны быть суждения с утвердительным знаком, но в одной связка будет положительной, а в другой – отрицательной. Эти суждения являются общими согласно сказанному под № 108. На месте подпротивных находятся суждения с отрицательным знаком, из которых одно с положительной связкой, а другое с отрицательной. Это можно увидеть на схемах составных суждений, требующих дополнительного истолкования, выделяющих, исключаящих, удваивающих там, где будет говориться о равносильности.

Пятое: диалектика не дает точного знания о противоположности условных суждений, так как по своей сущности эти суждения не имеют количества. Тем не менее можно указать на четыре вида противоположностей подобных суждений, но эта противоположность будет как бы незаконная (*exlex*). Это случается тогда, когда некоторые суждения хотя и не противоречат друг другу по количеству, но тем не менее не совсем сходны. На них распространяются правила противоположностей для простых суждений.

Если Петр учится, от будет ученым
 Если Петр не учится, он не будет
 ученым

Если Петр учится, он не будет ученым
 Если Петр не учится, от будет ученым

Схема пятая

Шестое: единичные суждения с единичным субъектом не обладают четырьмя видами противоположностей в строгом смысле, так как они не могут противопоставляться по количеству. Но они могут законным образом противопоставляться по противоречию, ибо так не совпадают в отношении качества, что не могут сразу оба оказаться истинными или ложными. Таковы суть: “Петр есть ученый. Петр не есть ученый” То же самое говори и о прочих суждениях, лишенных количества.

Преимущественно насчитывают два свойства противоположностей. Первое из них соответствие или несоответствие по истине и ложности. Относительно этого обрати внимание на следующие правила. Первое: для противоречащей противоположности – одно из противоречащих суждений должно утверждать или отрицать настолько, насколько достаточно для выявления ложности другого противоречащего суждения. Отсюда для установления ложности следующего суждения: “Ни один человек не бежит” достаточно того, чтобы бежал один какой-нибудь человек. И это суждение не обязательно будет единичным, так как для опровержения “Каждый человек бежит” не ищут, чтобы не бежал единственно Петр, ведь может быть достаточным, чтобы не бежал Иван. Например: “Каждый человек бежит. Некоторый человек не бежит. Ни один человек не бежит. Некоторый человек бежит”

Второе: противоречащие суждения не могут одновременно быть истинными и ложными, потому что один и тот же субъект не может иметь и не иметь один и тот же предикат, ибо вещь не может одновременно быть и не быть. Если же противоречащие суждения будут одновременно истинными и ложными, нечто будет одновременно иметь и не иметь один и тот же предикат. Оно будет иметь этот предикат в силу того, что утверждающее суждение истинно его утверждает и не будет его иметь, потому что истинное противоречащее суждение будет его отрицать и по этой причине и т.д. Данное свойство проясняется из самого определения противоположности, мы же сказали, что противоположность должна относиться только к одному субъекту.

121. Третье: противные суждения не могут быть одновременно истинными, но могут оказаться одновременно ложными. Основание первого: противные суждения не могут быть одновременно истинными, потому что тогда и противоречащие суждения окажутся одновременно истинными, так как подпротивные противопологаются противным по противоречию и окажутся истинными в силу истинности подчиняющих суждений. Соответственно и противоречащие суждения окажутся истинными, как ясно смотрящему на схему. И потому что в этих противных суждениях, например: “Каждый человек бежит. Ни один человек не бежит”, бег и отсутствие бега утверждается о людях и

невозможно, чтобы это было и не было присуще всем людям. Основание этому следующее: противная противоположность включает в себе противоречащую, общую и частную. В самом деле, тот кто говорит: “Каждый человек бежит” и “ни один человек не бежит” вместе с тем говорит и: “Некоторый человек не бежит” что находится в противоречащей противоположности.

Основание второго: ибо между противными (суждениями) существует среднее. И это потому, что они в максимальной степени отстоят друг от друга, больше, чем противоречащие суждения. Так, получится большая противоположность, если на утверждение “Все люди бегут” отрицать бег относительно всех людей, а не некоторых. Это сходно с происходящим в физическом мире, когда между ближайшими предметами не существует ничего среднего. Поэтому необходимо, чтобы одно из суждений было истинным. А между предметами, находящимися на большом расстоянии, существует среднее, например между отстоящими друг от друга на 20 лье или на 30 лье. Хотя отстоящие друг от друга на 20 лье не могут быть одновременно ближайшими, нет никакой необходимости именно в этом расстоянии. Так, как предметы могут и не быть ближайшими на расстоянии не 20 лье, а 12 или 8 или 6 шагов. Подобно этому в противных суждениях, наиболее отстоящих друг от друга, существует среднее. Например, между следующими суждениями: “Каждый человек бежит”, “Петр не бежит” существует среднее: “Иван не бежит” Между следующими: “Каждый человек бежит. Некоторые люди не бегут” средним будет некто, не бегущий в единственном числе. Заметь здесь следующее: в противных суждениях необходимости утвердительное всегда истинное, а отрицательное всегда ложное, в суждениях невозможности утвердительное всегда ложное, а отрицательное всегда истинное, в суждениях случайности и то и другое всегда ложные. Например, эти оба суждения: “Ни один человек не есть ученый. каждый человек есть ученый” суть ложные.

122. Четвертое: и то и другое из подпротивных суждений может быть истинным. Кроме того, одно из них может быть истинным, а другое ложным. Оба подпротивных суждения одновременно не могут быть ложными. Основание первого: так как противные суждения могут одновременно быть ложными, следовательно, и подпротивные суждения могут одновременно быть истинными. Доказательство следования: каждое из подпротивных суждений противопоставляется по противоречию

противному суждению. Следовательно, если противные суждения окажутся ложными, то оба подпротивных суждения окажутся истинными.

Основание второго: если подпротивные суждения окажутся одновременно ложными, то из этого необходимо следует, что оба противных суждения должны быть одновременно истинными, исходя из только что приведенного основания. Но противные суждения не могут одновременно являться истинными, как было сказано под предыдущим номером. Следовательно, и т.д. Ибо в противном случае последует, что два противоречащих суждения одновременно окажутся истинными, даже единичные. Ведь если эти подпротивные суждения: “Некоторый человек бежит. Некоторый человек не бежит” одновременно окажутся ложными, то тогда будут одновременно истинными следующие противные: “Каждый человек бежит. Ни один человек не бежит” как им противоречащие. И единичные противоречащие, заключенные в общих противных, “Петр бежит. Петр не бежит” будут одновременно истинными. Заметь, что подпротивные суждения случайности оба являются истинными, а подпротивные необходимости и невозможности – одно истинное, а другое ложное, на том же основании, что и противные суждения.

123. Подчиненная противоположность характеризуется следующими законами – первое: если оба подчиненных суждения утвердительные и необходимые, то то и другое с необходимостью истинные, а противоположные им отрицательные суждения одновременно оказываются ложными. Наоборот, в суждениях невозможности, где оба утвердительных суждения окажутся ложными, а отрицательные истинными. В случайных суждениях общее суждение, как утвердительное, так и отрицательное всегда будет ложным. Оба частных суждения будут истинными. Отсюда следует, что противоречащая противоположность есть несовместимость как в отношении истинности, так и в отношении ложности, противная в отношении истинности, подпротивная ложности.

124. Следующее свойство противоположности – это выводимость одной противоположности из другой. Здесь пользуйся такими законами: первое – каждая противная противоположность влечет за собой противоположность, противоречащую ее противной. Так: “Каждый человек бежит”, влечет это: “Следовательно, некоторый человек бежит” из противоречащей: “Ни один человек не бежит”

Второе: каждое подчиняющее влечет за собой свое подчиненное. Этот закон соответствует первому. Отсюда заключи, во-первых, если подчиненное суждение любое есть ложное, то и подчиняющее суждение будет ложным. Но если любое подчиненное суждение есть истинное, то из этого не следует, что и подчиняющее будет истинным. Основание первого: если предикат не является истинным для чего-либо одного, тем паче он не может быть истинным для всех. Отсюда если это суждение: "Некоторый человек бежит" есть ложное, то тем более будет ложным общее суждение: "Каждый человек бежит"

Основание второго: из того, что нечто высказываемое об одном является истинным, еще не следует, что то же самое истинно высказывается о многом. Так, из того, что некоторый человек ученый, не следует, что каждый человек есть ученый. Заключи, во-вторых: всегда если подчиняющее истинно, то и подчиненное истинно, потому что второе заключается в первом. Но когда подчиняющее ложно, то из этого еще не следует, что и подчиненное тоже ложное. Так, из ложности следующего суждения: "Ни один человек не ученый" неправильно заключает к ложности подчиненного: "Некоторый человек не есть ученый"

Ответы на некоторые возражения

125. Возражение касательно свойства противоречащего суждения под № 120 (второе свойство). Следующие суждения являются противоречащими: "Лишь (Solus) человек бежит. Не лишь человек бежит" Дело в том, что "не", относясь ко всему суждению, делает из него противоречащее утвердительному. Но эти суждения могут быть одновременно ложными. Потому что если никто не будет бежать, то суждение: "Лишь человек бежит" окажется ложным. Ибо не будут бежать ни лишь человек, ни человек в компании с кем-либо. Далее, ложным окажется и второе суждение, где утверждается, что бежит только человек, так как я сказал, что ни только человек, ни человек в компании с кем-либо не бегут. Следовательно, и т.д.

Некоторые отвечают на это так: эти суждения суть противоречащие и они не могут одновременно быть ложными. Ибо если Петр не будет бежать, а другие бежать будут, то мы с полным правом можем сказать: "Только Петр не бежит" Поисти-

не, подобные ученые сами же соглашаются с истинностью и таких суждений, от которых кровь стынет в жилах, например: “Не только Бога следует хулить. Не только Святейшая Дева была порочна” из-за того, что противоречащие суждения им будут ложными: “Следует хулить лишь Бога. Только Святейшая Дева была порочна” Отсюда следует истинность первых суждений: “Не только Бога следует хулить” Они придают этим суждениям такой смысл: “Или не следует хулить Бога или следует хулить любого другого” и при подобном понимании эти ученые правы. Тем не менее такое понимание не принято в обычном обиходе. Потому что любой человек, независимо от того, будет ли он ученый или невежественный в науках, на вопрос о том, что понимается в суждении “Не только Петр бежит”, ответит: “Петр бежит и еще другой, кроме него, бежит”. Точно так же о понимании другого суждения: “Не только Бога следует хулить” — “Следует хулить Бога и еще других следует хулить” То, что это суждение ложное, ясно любому. Итак мы не имеем права изменять смысл подобных суждений, защищая выдуманное суммулистами правило, которое к тому же и ложное, — то, что “не” находясь перед суждением якобы делает его противоречащим суждению без отрицания.

Подтверждение сказанному: тот, кто произнес еретическое суждение: “Только я рожден во грехе”, должен опровергнуть это суждение с помощью следующего противоречащего: “Не только я рожден во грехе” Но если последнее истолковать посредством разделительного суждения: “или не я рожден во грехе, или кто-либо другой рожден во грехе”, то первое еретическое суждение не опровергается, но скорее повторяется одно и то же суждение. Итак это суждение следует истолковывать посредством соединительного суждения. Добавь к этому то, что мы сказали о предлежащем под № 113.

Арриага учит о том, что у указанных нами суждений именно такой смысл, и они не являются противоречащими. Основание. Суждение “Только человек бежит” равносильно двум суждениям: “Человек бежит” и “никто кроме человека не бежит” Далее, второе суждение “Не только человек бежит” равносильно следующему: “Человек бежит” и “Другой, отличный от человека, бежит” Но эти суждения находятся не в противоречащей, а в противной противоположности. Ибо для доказательства ложности соединительного суждения “Человек бежит и никто дру-

гой не бежит” нет необходимости в частно отрицательном суждении: “кто-либо отличный от человека бежит”

Достаточно того, если или “человек бежит” или “другой, отличный от человека, бежит” Как мы сказали выше, не будут противоречащими: “Каждый человек бежит” и “Петр не бежит” Некоторые ученые, правомерно утверждающие, что указанные выше суждения не являются противоречащими, приводят для суждения: “Только Петр бежит” такое противоречащее: “Не Петр бежит, и ничто кроме него не бежит” Но здесь термины подразумеваются по-разному. Если под “кроме него” понимать Петра, то получается такой смысл: “Не Петр бежит, и ничего кроме него, не-Петра, не бежит”, то противоречия не будет. В самом деле, оба этих суждения могут оказаться ложными, если Петр и Иван будут бежать. Тогда будет ложным суждение, где говорится, что бежит только Петр, и ложное суждение, где говорится, что не-Петр бежит и ничто другое кроме не-Петра не бежит, так как сам Петр бежит.

126. Припоминая сказанное под № 110, что для формально или же потенциально соединительного суждения противоречащим будет разделительное суждение, мы говорим, что для соединительного суждения “Петр бежит и никто другой не бежит” равносильного суждение “Только Петр бежит”, противоречащим является разделительное суждение “Или Петр не бежит, или нечто от него отличное бежит”. Далее, “только каждый человек бежит, или не каждый человек бежит, или нечто другое бежит”. Для нахождения им противоречащих бери простые противоречащие суждения и соедини их с помощью частиц. Если же ты заметишь слово “некие”, то так говорить во множественном числе нельзя. Дело в том, что между “ничего” и “некие” находится “некоторое” в единственном числе. В этом случае при истолковании суждений следует соглашаться с суммулистами, хотя наши возражения против них в пользу здравого смысла сохраняют силу.

Мы вынуждены это делать при истолковании суждения “Не только Бога следует хулить” для того, чтобы не допустить два ложных противоречащих суждения. Точно так же в суждениях “Петр отстоит от меня. Петр не отстоит от меня”, которые поначалу кажутся противоречащими. Но они могут быть одновременно ложными. Действительно, химера не отстоит от меня и не неотстоит. Ибо “отстоять” означает находиться далеко, а “не отстоять” находиться близко. Химера же не находится далеко от

меня, и она не находится близко от меня. Напротив, противоречащие суждения должны соблюдаться и для воображаемых предметов, а эти не суть противоречащие суждения, так как оба обозначают нечто положительное. Первое — близкое местоположение (*ubicatio*), второе — отдаленное. Первое суждение имеет следующий смысл: “Петр обладает местоположением, однако это местоположение от меня далеко”, поэтому, опираясь на только что приведенное правило, мы находим для него следующее противоречащее: “или Петр не обладает местоположением или он им обладает рядом со мной”, так как для них противоречащие такие: “не имеет местоположение в другом месте и имеет местоположение здесь”

127. Эти суждения: “Человек всегда есть белый. Человек не всегда есть белый” могут одновременно оказаться истинными. Так, если Петр всегда будет белым, то Павел будет таким не всегда. Но эти суждения не являются противоречащими, но скорее подпротивными согласно сказанному под № 82. Если они будут суждениями необходимости, то тогда это противные суждения. Аналогично являются противными следующие суждения, где предикат стоит во множественном числе: “Все люди суть рожденные. Некоторые люди не суть рожденные. Два быка ташат телегу. Два быка не ташат телеги. Никакие девушки не суть матери. Некоторые девушки суть матери” Это вытекает из сказанного под № 121.

Против Овиедо: точно так же “все кони какого-либо человека суть белые. Некоторый конь какого-либо человека не есть белый” могут одновременно оказаться ложными. Так, если у Павла вообще не будет коня, а Григорий будет иметь всех коней белых. Но эти суждения противные, потому что в первом два общих термина “какого-либо” и “все”, отсюда противоречащее суждение должно иметь два частных. Например: “Некоторый конь некоторого человека есть белый” Иначе второе суждение будет отрицать больше, чем необходимо для опровержения первого суждения. Точно так же: “Никакого господина конь не бежит. Некоторого господина конь бежит”, здесь “никакого” — одноименный термин. Или первое предложение в самом деле утвердительно говорит о беге никому не принадлежащего коня. Тогда и то, и другое суждение окажется утвердительным, соответственно непротиворечащим. Или же отрицается, что все принадлежащие господину кони бегут. Тогда они суть противоречащие, из которых одно истинное, а другое ложное.

128. Когда в суждении употребляется оборот винительный падеж с инфинитивом, стоящий при глаголах “верю, понимаю, вспоминаю” и т.д., то противоречащие суждения должны отрицать этот глагол, а не инфинитив. Например: “Ты считаешь, что царь пришел” и противоречащее: “Ты не считаешь, что царь пришел” Если же в подобных суждениях глагол употреблять утвердительно, то тогда существует среднее между “считать, что пришел” и “не считать, что пришел” Например, вообще ничего не считать, как это бывает у спящих и даже бодрствующих, которые ни о чем не думают.

Если в утвердительном суждении присутствует наречие, то в противоречащем суждении отрицание должно находиться перед наречием.

Когда суждения относятся к субъекту, не обладающему суппозицией, например, если сказать о неуче: “Этот философ есть ученый. Этот философ не есть ученый”, то они суть противоречащие, хотя и подразумеваемое ложно.

Если предположить, что всякое суждение является ложным, то эти противоречащие суждения “Всякое суждение есть ложное. Некоторое суждение не есть ложное” окажутся оба ложными. Здесь нет никакой нелепости, если исходить из воображаемой суппозиции, но нелепость очевидна, если исходить из естественного состояния вещей.

Раздел второй. Об обращении суждений

129. Согласно Аристотелю, обращение есть превращение одного суждения в другое. Весь субъект первого суждения становится предикатом второго суждения и весь субъект второго суждения становится предикатом первого. Говоря более кратко, это необходимое следование, возникающее из-за перестановки терминов, то есть предиката на место субъекта и субъекта на место предиката. Первое суждение, подлежащее обращению, называется обращенное, второе суждение, которое следует из первого, называется обращающим. Например: “Ни одно животное не есть растение, следовательно, ни одно растение не есть животное”

130. Что касается обращения, то оно делится на три вида. Первое простое обращение, когда сохраняется количество и качество

суждения, а субъект меняется местом с предикатом, как мы только что показали. Второе обращение с ограничением (*per accidens*), когда сохраняется то же самое качество, но не количество при перестановке крайних членов. Например: “Каждый человек есть животное, следовательно, некоторое животное есть человек” Несмотря на это не имеет силы следующее обращение: “Каждый мертвый был живым, следовательно, некоторый живой был мертвым” Ибо в этом случае налицо разделение (свойство термина). Но следующее обращение имеет силу: “Каждый мертвый был живым, следовательно, некоторый бывший живым, теперь мертвый” Третий вид обращения бывает по противопоставлению (*per contrapositionem*). Это случается тогда, когда при сохранении качества и количества, перестановленные крайние члены становятся неограниченными. Например: “Каждый человек есть животное, следовательно, каждое не-животное есть не-человек”

Толет утверждает, что в общеупотребительных суждениях при противоположении неограниченным должен быть лишь субъект, а связка должна одновременно отрицаться. Таким образом: “Каждая добродетель есть благо, следовательно, каждое не-благо не есть добродетель” Арриага учит, что не следует полагать субъект и предикат неограниченными при не подвергающейся изменению связке. Но следует лишь субъект полагать неограниченным, а перед связкой ставить отрицание, если второе суждение окажется утвердительным, и убирать отрицание, если второе суждение окажется отрицательным. Он приводит такое основание: поистине, если я скажу: “Каждый человек есть сущее” то следует лишь: “то, что не есть сущее, не есть человек” И никак нельзя допустить следование: “следовательно, что не есть сущее есть нечто другое, но не-человек” Поэтому он отвергает это обращение. Гуртадо, раздел 4, отдел 17: “Антихрист не есть благой, следовательно, некое не-благо есть не-Антихрист”, потому что отрицательное суждение не равносильно утвердительному. Арриага делает такое обращение: “следовательно, некое не-благо не есть Антихрист”

131. Законы обращения для каждого суждения заключены в двуступишии

*Simpliciter fEcl convertitur EvA per Acci
AstO per contra si fit conversio tota*

В этих стихах следует обратить внимание на четыре гласные буквы А, Е, I, O, в трех словах заключающиеся. Они обозначают

целые суждения, их количество и качество. А обозначает общеутвердительное суждение, Е – общеотрицательное, I – частноутвердительное, O – частноотрицательное согласно вот этому:

*Asserit A, negat E, sed universaliter ambae
Asserit I, negat O, sed particulariter ambae*

Почему говорится просто, во-первых, fEcl. Здесь такой смысл – общеотрицательное суждение и частноутвердительное суждения, обозначаемые гласными E и I в слове feci, должны подвергаться простому обращению. Почему говорится, во-вторых, EvA per Acci. Смысл такой – общеотрицательное и общеутвердительное обращаются с ограничением. Почему говорится, в-третьих, AstO per contra. Смысл такой – общеутвердительное и частноотрицательное обращаются по противоположению.

132. Так, как предыдущее стихотворение не показывает, в каких именно суждениях должно происходить обращение, то мы приводим для этой цели следующий стихок:

Ecce tibi simpliciter, Armigeros Acci, Armabonost (cont)

Здесь связанные между собой пары гласных обозначают обращенное и обращающее суждения. Когда говорится *Ecce tibi simpliciter*, то смысл такой – общеотрицательные и частноутвердительные суждения следует обращать без ограничения. *Armigeros Acci* – общеутвердительное обращается с ограничением в частноутвердительное, а общеотрицательное в частноотрицательное. *Armabonost* – то есть общеутвердительное обращается в общеутвердительное и частноутвердительное по противоположению. Там, где ты заметишь общеутвердительное суждение, ты можешь его обращать двумя способами, то есть через ограничение и по противоположению. Общеотрицательное также двумя способами – просто и с ограничением. Основание того, почему общеутвердительное не обращается просто: в общеутвердительном суждении предикат не распределен, так как частица “каждый” распределяет лишь субъект. Напротив, предикат в обращающем суждении, становящийся на место субъекта, распределяется посредством “каждый” Таким образом, получается переход от нераспределенного термина к распределенному. Отсюда такое обращение: “Каждый человек есть способный смеяться, следовательно, все способное смеяться есть человек” правильно относительно материи, но неверно в отношении формы. Ибо это

не потому все способное смеяться есть человек, что каждый человек способен смеяться (тогда из того, что каждый человек животное следовало бы, что каждое животное есть человек). Но потому, что обращаемый термин “способный смеяться” обладает тем же объемом (*non latius patet*), что и термин “человек”

133. Далее, при любом обращении следует обращать преимущественное внимание на два обстоятельства. Первое: при обращении содержание предиката (*id omne quod se tenet ex parte predicati*) должно переходить в содержание субъекта и наоборот. Поэтому неправильным будет обращение “Петр пишет в школе, следовательно, школа пишет в Петре” Так, как здесь данное условие не выполняется. Обращать же следует иначе: “Следовательно, некоторый пишущий находится в школе, он и есть Петр” Второе: при обращении суппозиции терминов и прочие свойства не подвергаются изменению. Когда это условие не выполняется, обращение неправильное: “Старик был мальчиком, следовательно, мальчик был стариком. Слепые видят, следовательно, видящие суть слепые” В самом деле, в первом случае не соблюдено разделение, а во втором расширение. Если же их соблюдать, то мы получаем следующее обращение: “Кто был мальчиком, теперь есть старик. Некоторые теперь видящие суть те, кто ранее были слепыми”

134. Заметь, во-первых, неопределенные суждения обращаются разнообразно в зависимости от содержания. Единичные суждения с единичным субъектом и предикатом должны подвергаться простому обращению. К примеру: “Петр есть этот философ” обращается так: “следовательно, этот философ есть Петр” Если же суждение отрицательное, то мы можем обращаться просто и с ограничением. Например: “Петр не есть философ” обращается так: “следовательно, никакой философ не есть Петр” И “следовательно, некоторый философ не есть Петр”

Что касается общих или частных суждений, как утвердительных, так и отрицательных с единичным предикатом, то их следует подвергать простому обращению. Например: “Некоторый человек есть Петр, следовательно, Петр есть некоторый человек” И аналогично: “Ни один человек не есть Петр, следовательно, Петр не есть человек”

135. Заметь, во-вторых, также и модальные суждения могут обращаться в другие суждения в соответствии с правилами, приведенными нами ранее. Все же об этом надо знать следующее: во-первых, для модусов “необходимо”, “возможно”, “случайно”, употребляемых в том же смысле, что и “возможно”, проис-

ходит обращение единственно высказывания без изменения модуса, если мы имеем дело с суждениями с необходимым содержанием. Например: “Необходимо есть человек не есть бык, следовательно, необходимо есть никакой бык не есть человек” Суждения с теми же модусами обращаются с изменением последнего, если содержание их случайно или в обращающем или в обращаемом. Например: “Необходимо есть вор есть человек” нельзя обращать так: “следовательно, необходимо есть некоторый человек есть вор”, но следующим образом: “следовательно, возможно или случайно есть некоторый человек есть вор”

Модальные суждения с модусом случайности или возможности, где возможность понимается как случайность и, кроме того, высказывание находится в форме будущего времени, обращаются с изменением модуса, если по содержанию это суть суждения необходимости. Например: “Случается некоторый человек есть вор” Отсюда неправильно обращать: “Случается некоторый вор есть человек” Кроме того, общеутвердительные и общеотрицательные модальные суждения с модусом “случается” в собственном его употреблении могут обращаться просто, если само высказывание выходит за пределы модального суждения. Иначе следует обращаться с ограничением, например: “Случается ни один человек не бежит. Следовательно, нечто бегущее не есть человек”

136. Заметь, в-третьих, условные суждения следует обращать так же, как независимые. Тем не менее в этом случае обращается только обусловленное. Так, это суждение “Если Петр существует, он есть разумное животное” обращается: “Если Петр существует, некоторое разумное животное будет Петром” Заметь, в-четвертых, составные суждения обращаются как простые суждения, из которых они составлены. Отсюда следующее составное суждение: “И человек есть животное, и камень не есть животное” обращаются так: “Следовательно, некоторое животное есть человек и ни одно животное не есть камень” Это обращение иногда возможно для всех простых суждений, а иногда только для одного.

Раздел третий. Что есть равносильность и при каких обстоятельствах она возможна?

138. Равносильность есть равенство или одинаковая сила, то есть то же самое значение двух суждений с одинаковыми субъектом и предикатом в силу прибавления или устранения отрицания. К примеру: “Каждый человек есть животное, следовательно, никакой человек не есть животное” Я сказал в силу прибавления отрицания, потому что природа отрицания злонамеренна (*malignans*), ведь оно изменяет все то, к чему прибавляется. Так, из общего суждения оно делает частное, из утвердительного отрицательное. Здесь обращай внимание на следующую аксиому: “Если количество отрицаний четное, то это всегда утвердительное суждение, если же нечетное, то — отрицательное” То есть два или четыре отрицания, а это число четное, образуют утвердительное суждение. Одно же или три отрицания образуют отрицательное суждение.

139. Следующий стих суммулистов указывает на способ образования равносильных суждений:

Prae contra dic, post contra, praepostque subalter

Prae contra dic: то есть противоречащее суждение равносильно другому противоречащему суждению, если перед вторым помещается частица *non*. Например, для “Некоторый человек есть святой” из противоречащего “Ни один человек не есть святой” делаешь равносильное следующим образом: “Не ни один человек не есть святой” Отсюда происходит поговорка, употребляемая суммулистами: “Самый лучший способ противоречить — поставить отрицание перед всем суждением”. *Post contra* — то есть для равносильности двух противных суждений частицу *non* следует помещать после субъекта суждения. И, таким образом, для суждения “Каждый человек есть животное” из этого противного “Ни один человек не есть животное” ты так сделаешь равносильное: “Ни один человек не не есть животное” То же самое и в подпротивных суждениях: “Некоторый человек есть белый” и “Некоторый человек не есть белый” В первом ставь *non* после “некоторый человек” и получишь второе, во втором ставь *non* и получишь: “Некоторый человек не не есть белый”, равносильное первому. *Praepostque subalter* обозначает то, что в подчинен-

ных суждениях, если добавить два отрицания, одно сначала и другое в конце за субъектом, то получится два равносильных суждения. И так для подчиняющего суждения “Каждый человек есть животное” из этого подчиненного “Некоторый человек есть животное” получаем равносильное: “Не некоторый человек не есть животное” или если добавить к первому суждению “Каждый человек не есть животное” получаем равносильное второму: “некоторый человек есть животное” Вся премудрость заключена в четырех стихах:

☞ *Non omnis quidam non, omnis non quasi nullus*
Non ullus quidam, sed nullus non valet omnis
☞ *Non aliquis nullus, non quidam non valet omnis*
Non alter neuter, neuter non praestat uterque

“Не для всех верно, значит для некоторых неверно, для всех неверно, значит ни для кого. // Не для всех неверно, значит для некоторых верно, не для никого, значит для всех. // Не для некоторого — не для кого. Не для некоторого неверно — для всех верно. // Не для одного из двух — не для того и другого. Не для ни того, ни для другого неверно — верно для того и другого.”

140. Заметь, что из противоположных модальных суждений могут получаться равносильные согласно изложенным выше правилам. При этом, однако, следует знать то, что отрицание, стоящее до или после субъекта в простых суждениях, стоит до или после модуса в модальных суждениях. То же самое делай в составных суждениях, где отрицание или стоит до, или после союза. Ради любопытства запомни все же правила, заключенные в следующих стихах. Они касаются модальных суждений:

Oppositae aequalens ut significatio fiat
Contradicta modum negat, at contraria dictum,
Atque subalternae dictumque modumque negabunt

То есть противоречащие модальные суждения становятся равносильными, если в одном из них отрицание ставится перед связкой, соединяющей модус с высказыванием. Например: “Петр есть животное **есть** необходимо” из противоречащего: “Петр не есть животное **есть** возможно” ты делаешь равносильное: “Петр не есть животное **не есть** возможно” Для равносильности двух противных суждений в одном из них отрицание ставится перед

связкой высказывания. И так для этого суждения “Петр есть животное есть необходимо” из противного “Петр есть животное есть невозможно” ты делаешь равносильное: “Петр не есть животное есть невозможно” Наконец, для равносильности подчиненных суждений отрицание должно ставиться как перед отрицанием высказывания, так и перед отрицанием модуса. И так для этого подчиняющего суждения “Петр есть животное необходимо” из подчиненного “Петр есть животное есть возможно” ты делаешь следующее равносильное суждение: “Петр не есть животное не есть возможно” Иногда в отрицательном подчиненном равносильном суждении для того, чтобы избежать многих отрицаний, затемняющих смысл, отрицание перед высказыванием обыкновенно устраняется и ставится перед модусом. Это видно на схеме.

Петр есть животное есть необходимо
 равносильны
 противные—
 Петр не есть ж. есть невозможно
 противореч.—
 Петр не есть ж. не есть случайно
 подчиненные
 —Петр не есть ж. не есть возможно

Петр есть животное есть возможно
 равносильны
 подпротивные—
 Петр не есть ж. есть случайно
 противореч.—
 Петр есть ж. не есть невозможно
 подчиненные—
 Петр не есть ж. не есть необходимо

Петр есть ж. есть невозможно
 равносильны
 Петр не есть ж. есть необходимо
 Петр есть ж. есть возможно
 Петр не есть ж. не есть случайно

Петр есть ж. есть случайно
 равносильны
 Петр не есть ж. есть возможно
 Петр не есть ж. не есть необходимо
 Петр есть ж. не есть невозможно

Схема шестая

Суммулисты придумали четыре слова для того, чтобы лучше запомнить эти равносильности: AmAbImUs, EdEntUll. IIIAcE, pUrpUrEA. Здесь A обозначает утвердительное модальное суждение как диктумное, так и модальное. E — диктумное отрицание. I — модальное отрицание, U — как модальное, так и пропозициональное отрицание. Все это отображено в следующем стихе:

E dictum negat, I que modum, nihil A, sed U. totum

Кроме того, нам надо знать, что первая гласная любого из слов обозначает суждение с модусом возможности, вторая – случайности, третья – невозможности, четвертая – необходимости. И если ты захочешь образовать три суждения, равносильных какому-нибудь модальному суждению, то прежде всего посмотри, какой модус в этом модальном суждении. Например: “Петр бежит есть возможно” Тут ты обнаружил модус возможности, и сразу сообразил, что надо смотреть на букву в первом слоге. Дальше ты смотришь, является ли это суждение утвердительным или отрицательным. И так как наше суждение утвердительное, как для высказывания, так и для модуса, ты ищешь слово, где в первом слоге стоит буква А. Ты нашел такое слово *Atabimus*. После этого ты без труда образовываешь равносильные суждения. Для модуса случайности – утвердительное, для невозможности отрицательное, для необходимости – отрицательное, как видно на схеме:

pU	Человек не есть животное не есть возможно	I	Человек есть животное не есть возможность
grU	Человек не есть животное не есть случайно	II	Человек есть животное не есть случайно
rE	Человек не есть животное есть невозможно	A	Человек есть животное есть невозможно
A	Человек есть животное есть необходимо	cE	Человек не есть животное есть необходимо
A	Человек есть животное есть возможно	E	Человек не есть животное есть возможно
mA	Человек есть животное есть случайно	dEn	Человек не есть животное не есть случайно
bI	Человек есть животное не есть невозможно	tU	Человек не есть животное не есть невозможно
nUs	Человек не есть животное не есть необходимо	li	Человек есть животное не есть необходимо

Схема седьмая

142. Для исключаящих суждений придуманы следующие слова: *Date prompti penam pigro*. Для выделяющих следующие: *Iste proram filo movit*. Их значение объяснено там, где мы говорим о модальных суждениях. Две гласные в отдельных словах обозначают суждения.

посредством которых следует истолковывать суждение, подлежащее истолкованию. Схема сделает сказанное более ясным. (Указанные схемы в тексте рукописей отсутствуют — А.И.).

Но послушаем Арриагу и не будем заниматься подобными вещами слишком долго: “Некоторые приводят разнообразные стихи для распознавания различных обращений, но намного труднее удержать в памяти и понять сами стихи, чем обращение” По этой причине я их опускаю, да и вообще они излишни. В самом деле, разве для утверждения “Человек есть животное” необходимо обязательно исходить из суждения “Не каждое животное есть не человек”, которое и понять-то никто сразу не может. Да и разные слова “Eduntuli, purpurea”, выдуманные суммулистами для большей ясности, скорее затемняют смысл, чем приносят ясность. Такие слова оказываются значительно более сложными, нежели суждения, для усвоения которых они придуманы. Поистине подобные измышления распространяются теми, кто растратил здоровье и годы в пустых суммулистических забавах, не принеся большой, не скажу никакой, пользы. Таково мнение светоча Богемии.

ДИСПУТ ТРЕТИЙ. О ТРЕХ СПОСОБАХ ПОЛУЧЕНИЯ ЗНАНИИ В ОСОБЕННОСТИ О ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕ ИЛИ ТРЕТЬЕЙ ОПЕРАЦИИ РАЗУМА

143. Способ получения знания (*modus sciendi*) как таковой есть речь, выявляющая неизвестное по своей природе. Хотя кто-нибудь и получает более ясное знание, услышав слово “человек” а не “разумное животное”, тем не менее последнее понятие (*conceptus*) яснее, как если бы человеческая природа открывала те элементы, которые в свернутом виде скрыты в слове “человек” Поэтому не требуется, чтобы способ получения знания в действительности делал предмет очевидным, но достаточно того, чтобы он был в состоянии делать предмет очевидным (*manifestare*). Так хотя мы и произносим определение, но для невежественного человека оно ничего не проясняет. Здесь речь понимается в отвлечении от деления на внешнюю и внутреннюю и также как подходящая для составного термина.

Что касается способов получения знания, то их три – определение, деление и доказательство. Первые два хотя и не относятся к третьей операции разума, но тем не менее сходны с третьей операцией в том, что являются способами получения знания. Поэтому мы посвящаем им первый вопрос. Далее мы рассмотрим доказательство как род, а в третьем вопросе поговорим о видах доказательства или о силлогизме. Четвертый вопрос о нахождении среднего термина, пятый о терминах при различении.

Вопрос первый. Об определении и делении

Раздел первый: что такое определение и скольких оно бывает видов? Каковы правила определения?

111А'

144. Согласно Аристотелю, а именно первой книге “Топики”, определение есть речь, объясняющая суть бытия (*quodquid erat esse rei*), то есть сущность вещи (*essentia*). Ты скажешь, что для определения нельзя подобрать определение, в противном случае само определение будет нуждаться для своего объяснения в новом определении и так до бесконечности. Итак мы определили напрасно?

Отвечаю, отрицая антецедент и доказательство. Ибо определение, определяющее определение как таковое, имплицитно определяет самое себя. Дело в том, что оно само входит в число всех определяемых определений. Так, Петр, дающий определение для человека как такового, дает определение и для самого себя. Далее, познание всего есть также и познание самого себя. Действительно, нечто может смотреть на самое себя в отражении, хотя и не непосредственно. Так определяемое определяется через определяемое, но различным способом.

145. Одно определение слова (*definitio vocalis*), а другое вещи. Первое объясняет слово, например “человек”; так говорится от слова “земля” (*humus*), второе объясняет сущность вещи, например: “человек есть разумное животное”

Далее, одно определение сущностное, другое акцидентальное или описательное. Сущностное определение есть речь, говорящая о сущности вещи посредством сущностных или физи-

ческих предикатов. Например, “Человек есть соединение из тела и разумной души” Здесь материя является как бы родом, который присущ многим предметам, форма же является видообразующим отличием. Но если бы существовало какое-нибудь соединение из материи, определенной к одной-единственной форме, то тогда бы физическое определение не включало бы в себя род и отличие. Предикаты могут быть и метафизическими через род и видовое отличие. Например: “Человек есть разумное животное” Это определение называют сущностным (*quidditativa*) и оно относится к философам.

Напротив, акцидентальное или описательное определение есть речь, определяющая предмет посредством случайных признаков или собственных признаков. Например: “Человек есть животное, способное смеяться” Или общих признаков: “Человек есть животное без перьев, двуногое, идущее с поднятым лицом и членораздельно говорящее и т.д.” Или через перечисление составных частей, образующих целостность и совершенство. Иное определение каузальное (генетическое — *A. П.*), представляющее собой объяснение вещи посредством причин. Подобным образом человек из земли определяется через все виды причин: “... есть созданное Богом животное для вечного блаженства, по образу и подобию Божию”

146. Обрати внимание на то, что определить можно также и случайные признаки вместе с модусами, потому что у них у всех есть сущность (*essentia*). Хотя кажется, что Аристотель, (смотри Гуртадо диспут 10 “Логики”, раздел второй), учил об отсутствии сущности у количеств и т.д. и о том, что случайные признаки не поддаются определению. Но скорее всего Аристотель учил не то, что случайные признаки нельзя определить, а то, что они не суть нечто безотносительно (*simpliciter*).

Некоторые считают, что определение полагает предел для вещи, и говорят о невозможности дать определение для Бога. Против подобного мнения выступает Гуртадо — определение полагает предел для вещи только в смысле сущностного концепта (понятия), последнее характеризует святых, обитающих в раю, в повседневной же жизни мы достигаем такого понятия только путем абстракции.

Арриага добавляет — в повседневной жизни мы не можем определить ни сущности (*substantia*) человека, ни Бога. В самом деле, как таковые они нам не видны. Но благодаря операциям абстракции мы способны к этому и таким образом определяем Бога: “... есть сущее благодаря себе” (*Ens per se*). Что же касается

того, имеет ли Бог над собой метафизический род, то это не особенно важно, ведь определение не нуждается в роде как таковом. Для него достаточен по-соименности или по-сходству вышестоящий предикат. Поэтому не определяется сущее, выше которого нет предиката, если только ему не общий по одноименности. Также и химера, отсюда говорят: “есть то, что способно существовать”, так как далее определить не могут. Мы должны наконец прийти до концепта ясного самого по себе и не допускающего дальнейшего объяснения. Об определении рода смотри в “Логике” Что касается неделимых, то, строго говоря, их определять можно посредством отличающихся концептов. Хотя лишь они способны принимать определения, так как только они существуют реально (a parte rei), тем не менее они не способны принимать научное определение.

Правила истинного определения

Первое: определение должно состоять из ближайшего рода и последнего отличия, то есть того общего предиката, благодаря которому предмет схож с другими, и предиката, благодаря которому возникает первое отличие от других предметов. Должно состоять из ближайшего рода потому, что если употребить какой-нибудь более отдаленный род в определении, то в большинстве случаев подобное определение не подойдет для определяемого. Например, ты определил человека как рациональную субстанцию, но то же самое подходит и для ангела. Аналогично рассуждай о более отдаленном отличии. Конечно, если привлечь все роды, то мы получим самое ясное знание о вещи, например: “Человек есть субстанциональное сущее, живое соединение духовного и животного, чувствующее, разумное” Но речь тогда получается слишком длинной.

Правило второе: определение должно быть яснее определяемого, то есть определяющее понятие должно объяснять вещь яснее, нежели понятие определяемое. Здесь имеется в виду не то, что формально определение должно познаваться более ясно, чем определяемое. Так как определение не должно познаваться ни яснее, ни менее ясно, в противном случае может оказаться, что его понятие труднее, чем определяемое. Но присутствующее в определении понятие яснее потому, что представляет вещь упорядочено, разделяя ее на части более нам известные.

Правило третье: определение (понимай предметное *objectiva*) и определяемое должны быть обращаемы. Например: “Есть человек, следовательно, есть животное разумное” и наоборот. Ибо объект определения тот же самый, куда направлено познание определяемого. Различие только в том, что в одном случае это явно, а в другом скрыто (*explicite et implicite*). Я сказал объективное и формальное, а именно понятие, развернуто (*explicite*) представляющее природу вещи, другими словами, первичное, находящееся в уме. Слова же, скрыто обозначающие природу вещи, не обращаются с объективным определением, то есть с тем, что представляется в понятиях или выражается словами. Действительно, предмет не может быть яснее самого себя и быть объяснением, так как эти свойства относятся к познанию.

Правило четвертое: определяемое не должно входить в определение, потому что делает первое таким же непонятым.

Правило пятое: определение не должно содержать ничего лишнего. Основание: объяснение, выходящее за пределы объясняемого, уже не объяснение, ибо оно должно быть адекватным объясняемому, будучи тем же самым, что и последнее. Поэтому неправильно определять: “Человек есть двуногое и бородатое животное”, так как “двуногое” и “бородатое” излишни. Плохо также: “Человек есть изобретательное животное” потому что изобретательности у всех людей может и не быть или же она бывает развита не достаточно.

Правило шестое: определение должно объяснять сущность вещи (*essentia*). Поэтому невозможно надлежащим образом определить отрицания и вещи, не могущие существовать. Ведь у них нет сущности и их только описывают с помощью противоположностей сущего.

Правило седьмое: определение должно быть присущим всегда каждому определяемому и только лишь определяемому.

Правило восьмое: в определении не должно быть разделительных частиц, ибо последние скорее разделяют целое, чем объясняют.

Правило девятое: определение не должно быть через отрицательное понятие, ибо сущность вещи положительна и мы объясняем ее через положительное понятие.

Обрати внимание на то, что все перечисленные правила относятся к сущностному определению посредством метафизических частей, но не к прочим видам определения. Для прочих достаточно того, чтобы они были яснее своего определяемого, были бы присущи всегда каждому определяемому и только лишь определяемому.

148. Относительно того, что определение должно быть всегда присущим каждому определяемому и только лишь определяемому. Ты скажешь, что определение является первой операцией разума. (Как бы то ни было, может быть, оно и суждение? Основание: определение представляет собой составной термин, образованный из двух и более слов, из которых одно обозначает род, а другое отличие). Но так как определяемое является первой операцией, то, следовательно, и определение.

Ты скажешь, что способ получения знания не относится к первой операции, ибо первая не будет способом получения знания, но только вторая. Первая операция не дает знания, потому что мы обладаем знанием благодаря согласию. Если, например, кто-либо воспринимает (*apprehendit*) одинаковые или не одинаковые звезды и не соглашается, то о нем не говорят, что он обладает знанием о равенстве звезд. Однако определение является способом получения знания, так может быть оно не есть первая операция?

Отвечаю, отрицая большую посылку вместе с первым и вторым ее доказательством. Поворачиваю третье доказательство. Мы знаем благодаря согласию, но доказательство не есть согласие, следовательно, из доказательства мы не получаем знания. Отрицаю сказанное вообще в отношении формы и разъясняю: я согласен с тем, что при каком-нибудь способе восприятия мы еще не говорим о знании, и следствие тогда сохраняет силу, но я против того, что мы якобы не получаем знания благодаря определению. Из-за того, что у нас есть ясное (*clara*) понятие о предмете, мы обладаем знанием о нем.

Ты будешь настаивать, речь не будет первой операцией, но способом получения знания. Аналогично определение есть речь, следовательно, оно не есть первая операция. Ответ: речь в аристотелевском понимании не является первой операцией – тут я отрицаю большую посылку. Применимость данного определения ясна из ответов на вопросы относительно речи в последней части.

Что касается слов Аристотеля во “Второй Аналитике”, глава вторая, об определении как начале доказательства или даже как о самом доказательстве (то есть или посылки или заключение), то здесь Аристотель понимал предложение, состоящее из определения. Это ясно из сказанного в сочинении “Об истолковании”, глава первая: “ сама сущность (*ratio*) человека, то есть определение не есть высказывание, если не добавлено, было или будет добавлено что-нибудь другое”.

149. Ты возразишь, во-вторых: не будут правильными те определения, где подобное определяется через подобное. Например, меч и острый меч. Или неизвестное через равно неизвестное, например сон и образ смерти. Или применяя метафору, как: “Человек есть перевернутое дерево.” Или через противоположности: “Зло есть то, что не есть добро”

Что касается определения подобного через подобное, то это так объясняется Арриагой: “Определение не будет яснее определяемого, когда тот же самый объект объясняется посредством одинаково ясных понятий. Но этого не случается, когда определение и определяемое обозначают один и тот же объект. Так как если определение не будет объяснять тот же самый объект, что и определяемое, то в силу этого мы имеем дело уже с определением, относящимся к другому определяемому”

Раздел второй. Что такое деление? Скольких видов оно бывает и при каких условиях оно возникает

150. Деление есть речь, распределяющая целое на части или на члены. Одно деление относится к имени, а другое к вещи. Деление имени происходит тогда, когда одноименное или соответствующее (*analogum*) имя делится на несколько десигнантов (*significata*), например слово “собака” Одно имя здесь обозначает находящееся на небе созвездие, другое же-лающее животное.

Деление вещи есть то, которое распределяет вещь на составные части. Подобное деление бывает следующих видов – потестативное, возможностное, сущностное, целостное (*integralis*) и акцидентальное. Эти виды деления соответствуют видам делимого целого. Действительно, одно из делимых целых потестативное, оно представляет собой вышестоящий предикат. Поэтому говорят, что свои части, то есть виды нижестоящие оно не содержит в действительности, но только в возможности, в той степени, в какой оно может быть сведено к низшим видам благодаря предикации. Например, потестативным целым является “животное”, а его части суть “бык” “человек” “отдельные люди” Другое деление сущностное, другое целостное и т.д.

Сущностное деление то, когда сущностное или действительное целое делится на свои части. Таким целым является вид, в действительности состоящий из рода и отличия. Деление сущностного целого относится или к физическому целому, на сущност-

ные физические части, то есть материю и форму, или к метафизическому целому, на сущностные метафизические части, то есть на род и отличие.

Целостное деление есть то, когда целостное единство или материальная бытийность делится на две составляющие части, причем эти части могут и не относиться к сущности вещи. В силу такого деления целостное единство может делиться на однородные части, то есть на подобные. Например, вода делится на многие капли. Или же на гетерогенные части, то есть на различные, например, человек на голову, ноги, руки и т.д.

Акцидентальное деление есть деление целого на акцидентальные части. Или субъекта на случайные признаки, например, человек – студент или музыкант. Или случайных признаков на субъекты: как сладкое одно бывает мед, другое же сахар (молоко – № 290). Здесь сладость делится на многие субъекты. Или случайных признаков на случайные признаки. Так одно окрашенное – белое, а другое зеленое.

151. Правила деления. Первое – объем делимого должен быть больше, чем у частей, взятых по отдельности. Ибо целое больше своей части. По этой причине не подходит следующее деление: “Одно животное способно чувствовать, а другое – живое” Так, как “способное чувствовать” имеет такой же объем как и “животное”, но у “живого” объем больше по сравнению с первыми.

Ты скажешь, что “человек” правильно разделяется на “животное” и “разумное”, и все же “животное” имеет больший объем, нежели “человек” Следовательно, и т.д.

Отвечаю: разъясняю вторую часть случайного признака. “Животное” как потестативное целое больше по объему, чем “человек” – согласен. Но не принимаю это, если его понимать как действительно существующую часть. Человек делится на “животное” как действительная часть, но не как целое.

Правило второе: все члены деления, взятые в совокупности, не должны содержать ни больше, ни меньше, чем само делимое. Ибо целое представляет из себя не что иное, как все его части, взятые одновременно. Следовательно, оно не может быть больше или меньше их, в противном случае целое окажется больше или меньше самого себя. Поэтому неправильно делить животное на двуногое и четвероногое, ведь существуют и другие животные без ног.

Правило третье: члены деления должны отличаться друг от друга, так что одно не содержалось бы в другом. Поэтому не-

правильным будет деление: “Из животных одни четвероногие, а другие рогатые и другие черные” Дело в том, что четвероногое животное может быть черным и рогатым.

Правило четвертое: деление должно происходить на наименее возможное количество членов, в противном случае случается смешение. Отсюда если делению подлежит универсальный объект, то его делят сначала на наиболее общие члены, а эти уже на другие. Например, “животное” на “разумное” и “неразумное”, на “имеющее ноги” и на “не имеющее ноги” “Имеющее ноги” на “двуногое” и “четвероногое” Но неправильным будет деление на льва, коня, оленя и т.д.

Правило пятое: деление происходит на члены, которые находятся в целом. Отсюда ясно, что деление рода на виды, субъекта на случайные признаки, отличается от определения. И такое деление: “Животное одно есть лошадь, другое человек, человек один есть белый, другой черный” никоим образом не будет определением. В самом деле, сказать: “Одна часть человека есть животное, другая — разумное” то же самое, что “Человек составлен из тела и души. Одна часть человека есть тело, а другая душа” Отсюда такое определение отличается от деления только иным способом обозначения одного и того же предмета. При определении способ обозначения составляющий, а при делении разделяющий целое на части. Обрати внимание на то, что сказанное здесь не относится к делению посредством частицы “поп” или к отделению предиката и субъекта в суждении. Так как все это относится ко второй операции. Сказанное относится к делению, благодаря которому мы познаем части, содержащиеся в целом, а это лежит за пределами утверждения или отрицания.

Вопрос второй. О доказательстве как таковом или о третьей операции нашего разума

Здесь мы будем исследовать три предмета. Первое: что такое доказательство. Второе: скольких оно бывает видов. Третье: каковы его свойства.

Раздел первый. Что представляет собой доказательство как таковое с метафизической и физической точки зрения

152. Доказательство и довод различаются между собой. Довод есть то, благодаря чему одно выводится из другого, или основание, благодаря которому мы обретаем уверенность в предметах сомнительных. По другому довод называют средним термином или средним. Это из-за того, что он помещен между крайними членами подлежащего доказательству заключения. Он соединяет эти члены в силу тождества и разъединяет их в силу отрицания. Доказательство же есть само заключение (*illatio*) из одного более известного и другого менее известного. Или же есть речь, в которой из-за соединения среднего термина с крайними, сами крайние члены оказываются соединенными. Например: “Высшее благо необходимо любить, Бог есть высшее благо, следовательно, Бога необходимо любить.” При этом доказательстве один из крайних терминов “необходимо любить” соединяется в большей посылке со средним термином “наивысшее благо”, другой крайний термин “Бог” соединяется с тем же самым средним термином в меньшей посылке. Наконец, сами крайние термины соединяются между собой в заключении.

Философская сущность (*essentia*) доказательства состоит из трех элементов. Первое — в antecedенте или посылках, второе — в консеквенте, третье — в следовании, то есть в самом заключении или выводе одного из другого благодаря частице *ergo*. Первое и второе соответствуют материи, третье — форме. Что касается материи, то она двояка. Одна материя “относительно которой”, то есть сам предмет, относительно которого идет доказательство. Другая материя “из которой”, последняя разделяется на отдаленную и ближайшую. Отдаленная материя — термины, ближайшая — суждения (два или по крайней мере одно). Лишь материя “из которой” собственно составляет доказательство. Материя “относительно которой” есть объект, лежащий за пределами доказательства.

154. Вывод (*conclusio*), или выводимое суждение, содержит в себе два компонента, различимых по крайней мере умозрительно. Первое — последнее суждение в доказательстве, взятое как таковое, рассматриваемое безо всякой связи с посылками. Оно называется консеквентом (*consequens*), или заключением в материальном аспекте (*materialiter sumpta*).

Другое, находящееся в заключении, представляет собой формальное заключение из посылок или antecedента, то есть

связь истинности, высказываемой в посылках, с истинностью суждения. Это следование называется консеквенцией, то есть заключение в формальном аспекте. Консеквент употребляется без указывающей на следование частицы “ergo”, а консеквенция (следование) с этой частицей.

155. Отсюда ясно, во-первых, что могут быть истинными антецедент и консеквент, когда последний единообразен (conformis) своему объекту, но при этом следование будет ложным. Так, бывает тогда, когда консеквент не связан с антецедентом. В самом деле, бывает же так что одно и то же суждение, если его рассматривать как таковое, может быть истинным, но если его рассматривать с точки зрения следования из посылок, то оно окажется ложным. Например, в следующем доказательстве: “Всякое тело есть субстанция, ангел есть тело, следовательно, ангел есть субстанция” консеквент истинен, однако следование ложное. Неправильно ведь заключать о том, что ангел будет субстанцией из того, что он якобы является телом. И наоборот, при ложном антецеденте и консеквенте мы можем иметь дело с истинным следованием. К примеру: “Петр есть камень, следовательно, он не чувствующий, так как быть камнем связано с отсутствием чувств”

Ясно, во-вторых, что при отрицании следования не всегда отрицается истинность последнего суждения, рассматриваемого как таковое. Дело в том, что оно может быть и истинным, ведь мы отрицаем только то, что из истинности подобного антецедента не следует истинность заключения. Добавь, в большинстве случаев, ибо когда отрицается следование, то тогда также отрицается и консеквент, даже если последний сам по себе является ложным.

Очевидно, в-третьих, почему в доказательстве философы никогда не различают следование, но лишь только консеквент. Дело в том, что последнее суждение доказательства, рассматриваемое относительно себя самого, независимо от заключения, может иметь самый различный смысл или же быть двусмысленным. Оно может иметь связь с посылками и не иметь ту же самую связь в другом смысле. Поэтому различение консеквента имеет следующее значение – “если консеквент воспринимается в этом смысле, то я соглашаюсь со следованием”, то есть я соглашаюсь с тем, что заключение правильное и существует связь между антецедентом и консеквентом. Если же консеквент воспринимается в другом смысле, то я отрицаю следование, то есть я отрицаю, что заключение правильное и т.д.

156. Следование разделяется на материальное и формальное, материальное следование бывает тогда, когда последнее суждение правильно следует из antecedента только из-за материи “относительно которой”, то есть из-за соединения объекта заключения с объектом посылок и оно является бесполезным. Формальное следование бывает тогда, когда последнее суждение правильно следует из antecedента из-за самой формы доказательства, то есть из-за правильного следования, и в этом следовании формально и заключается действие третьей операции, так как вторая операция формально заключается в соединении предиката с субъектом.

Раздел второй. Скольких видов бывает доказательство

Относительно видов доказательства обычно рассуждают в риторике, где насчитывают 5 видов – силлогизм, энтимему, пример, индукцию, дилемму и сорит.

157 Энтимема есть такое доказательство (о силлогизме речь пойдет в следующем вопросе), когда из только одного суждения, называемого antecedент, выводится заключение. Некоторые считают, что энтимема отличается от силлогизма именно тем, что она представляет из себя несовершенный силлогизм. Для совершенства здесь не достает одной посылки, которая подразумевается. Например, в следующей энтимеме: “Петр есть человек, следовательно, Петр есть разумный” будет подразумеваемой посылкой “Каждый человек есть разумный”

Напротив, не является общепринятым мнение, исходя из которого считают, что если отрицать следование в энтимеме, то последняя якобы должна сводиться к совершенному силлогизму, когда мы приводим ранее подразумеваемому посылку. Но существуют такие эгимемы, в которых мы не подразумеваем третью посылку. Такова: “Каждый человек есть разумный, следовательно, некоторый человек есть животное” и ей подобные. Таковой также будет и энтимема, когда из меньшей посылки силлогизма выводится консенвент, обусловленный (subconditione) большей посылкой. К примеру: “Петр есть человек. Следовательно, если каждый человек разумен, то и Петр разумен. “Или же, когда из большей посылки силлогизма следует консенвент, обусловленный меньшей посылкой если Петр есть человек, то он разумный”

Подобная энтимема получается, в-третьих, когда из составного соединительного предложения следует простое, например: “И Петр, и Павел бежит, следовательно, Петр бежит”

Энтимема, в которой не подразумевается третье суждение, называется не доказательной (*non argumentativa*), напротив, там, где явно употреблены два суждения, а третье подразумевается, мы имеем дело с доказательной энтимемой.

Пример есть доказательство, когда в силу сходства одного и другого между собой доказывают от одного к другому. С помощью такого доказательства воодушевлялся св. Августин: “Смогли и те, и эти, следовательно, и ты сможешь, Августин”.

Индукция, понимаемая строго формально (*formalissime*), представляет собой восхождение, о котором мы говорили под № 84. Это доказательство от перечисленных в достаточном количестве единичных (предметов) к высшему и общему термину. Например: “И Петр есть животное, и Павел есть животное, следовательно, каждый человек есть животное” Индукции противопоставляется нисхождение.

Дилемма есть доказательство, заключающее в себе две части. Одну из этих частей противнику необходимо принять, но как только он согласится с одной из них, то он терпит поражение. Например: “Ты хочешь или не хочешь быть ученым? Если не хочешь, то почему ходишь в школу? Если же хочешь, то почему ты старательно не учишься?” Точно так же, если кто-нибудь станет обвинять прислугу: “Понял ты, или не понял, что я приказал? Если понял, то почему не сделал? Если не понял, то почему не переспросил?” Поэтому такое доказательство называют еще рогатым доводом или двурогим, ибо оно наносит удар с обеих сторон.

Сорит, градация или силлогизм кучи есть такое доказательство, когда утверждается множество суждений таким образом, что последующее всегда нечто утверждает о предикате предыдущего до тех пор, пока последний предикат не будет отнесен к субъекту первого суждения. Поэтому подобное доказательство называют еще доказательством от первого к последнему. Например: “Петр есть животное, каждое животное есть живущее, каждое живущее есть тело, каждое тело есть субстанция, следовательно, Петр есть субстанция”

Некоторые добавляют сюда еще и удивительное доказательство Ферезиана (*Pheresiana* № 289, *Peresiana* № 291, *Percsiana* №290), но его можно свести к уже указанным нами видам доказательства.

Раздел третий. Каковы свойства доказательства

158. Существует несколько правил, которым подчиняется следование. Первое: из истинного следует только истинное, что касается ложного, то из него может следовать как истинное, так и ложное. Понимай, всегда при правильном заключении. Основание первому: если из истинного будет следовать ложное, то тогда или истинное окажется связанным с противоположным себе, или же истинное будет исключать то, что является для него основным.

Например, если из следующего антецедента: “Петр есть человек” истинно последует: “следовательно, он есть осел”, то “человек” окажется связанным с “быть ослом”, что исключает “быть человеком”, так как крайние члены не могут быть связанными со средним членом, не будучи связанными между собой. Отсюда берет начало следующее положение: “Никого нельзя принудить к согласию с ложностью исходя из согласия с истинностью”

Основание второму: так как в ложном антецеденте может находиться такой термин, например предикат, который хотя и соответствует своему субъекту ложно, но тем не менее соединяется с предикатом консеквента. Например: “Петр есть способный ржать, следовательно, он есть конь” Точно так же: “Каждый камень есть животное, каждый человек есть камень, следовательно, каждый человек есть животное” И хотя тождество (*identitas*) человека и животного с камнем ложное, тем не менее, допущенное одновременно, оно с необходимостью влечет тождество человека и животного.

Правило второе: из случайного может следовать или случайное или необходимое. Основание: ибо предикат, случайно присущий субъекту антецедента, может быть связанным с похожим предикатами, из которых один случайно присущ субъекту консеквента, а другой присущ с необходимостью. Например, из случайного антецедента: “Петр бежит” может следовать или этот случайный консеквент: “следовательно, он движет ногами” или необходимый консеквент: “следовательно, Петр есть животное”

Правило третье: из необходимого следует только необходимо истинное. Основание то же, что и для первого свойства. Действительно, если из необходимого последует невозможное, то тем самым последует ложное. Далее, если последует случайное,

значит, последует то, что может быть истинным, так и ложным, но и то и другое противоречит первому правилу.

Правило четвертое: из невозможного может следовать или невозможное, или случайное, или необходимое. Например, из этого антецедента: “Ягненок есть камень” может, во-первых, последовать невозможный консеквент: “Следовательно, ягненок есть неодушевленный”, во-вторых, случайный “следовательно, ягненок стремится вверх”, в-третьих, необходимый: “следовательно, ягненок является субстанцией”

Правило пятое: то, что следует из консеквента, то следует и из антецедента. Например, когда я говорю: “Петр есть человек”, то правильно следует, что он является сущим.

Правило шестое: то, что противоречит консеквенту, то противоречит также и антецеденту, но не наоборот. Например: “Петр есть человек, следовательно, есть животное” То, что противоречит “животному”, находящемуся на месте консеквента, например “быть камнем, деревом” также противоречит и “человеку”, находящемуся на месте антецедента. Но не наоборот, то, что противоречит “человеку”, то противоречит и “животному”, так человеку противоречит быть конем и т.д., но это не противоречит животному.

Правило седьмое: правильным будет доказательство от противоположного консеквенту к противоположному для антецедента. Например: “Человек есть, следовательно, есть животное” и “не есть животное, следовательно, не есть человек” Но плохим будет доказательство от противоположного для антецедента к противоположному для консеквента. Например: “Не есть человек, следовательно, не есть животное”

Правило восьмое: от действительного к возможному имеет силу утвердительное доказательство, но не отрицательное. Как то: “Бог создал этот мир, следовательно, он мог его создать” Но не следующее: “Бог не создал другого мира, следовательно, он не мог его создать”

Правило девятое: от возможности к действительности не имеет силы утвердительное следование, но имеет силу следование отрицательное. Так, не имеет силы это следование: “Петр может согрешить, следовательно, он грешит в действительности.” Но имеет силу следующее: “Христос не мог согрешить, следовательно, он в действительности не согрешил”

Правило десятое: от возможности в распределительном смысле не всегда имеет силу следование к возможности в рас-

пределительном, или, скорее, в соединительном смысле. Например: “Петр может нести груз А, груз Б и т.д., следовательно, он может нести все грузы одновременно”

Правило одиннадцатое: от отрицания или утверждения одной противоположности имеет силу следование к утверждению или отрицанию другой противоположности. Например: “Если ложно то, что никакой человек не является философом, то должно быть истинным то, что какой-либо человек является философом” Об этом в общих чертах говорят законы противоположения под № 120.

Правило двенадцатое: от отрицания каждой причины имеет силу следование к отрицанию каждого следствия. Тем не менее этого не будет при необходимой причине. Например: “Этого не видим, следовательно, это не человек” От утверждения следствия имеет силу доказательство к утверждению неопределенной причины. Например: “Есть тепло, следовательно, есть какая-то причина тепла”, тем не менее она неопределенная как, скажем, огонь. Тепло может происходить и от солнца.

Правило тринадцатое: не имеет силу следование от смысла разделительного к смыслу собирательному и наоборот. Например: “Слепые могут видеть, то есть в то самое время, когда они перестают быть слепыми. Следовательно, Петр слепой, в то время когда он слеп, может видеть” Далее: “Петр в момент А может двигаться по направлению к востоку, в момент В по направлению к западу, следовательно, он может одновременно двигаться как по направлению к востоку, так и по направлению к западу и наоборот.”

О следовании от собирательного смысла и распределительному смотри сказанное под № 84, 85. Прочие правила мы приведем, когда речь пойдет о нахождении среднего термина, и о правилах силлогизма.

Вопрос третий. О доказательстве в своем виде или о силлогизме и об относящемся к силлогизму

159. Силлогизм с метафизической точки зрения, согласно Аристотелю, “Топика”, кн. I, гл. I: “Есть речь, в которой при предположении чего-нибудь необходимо получается нечто от-

личное от положенного, в силу того, что положенное есть” Яснее — есть доказательство, в котором из двух суждений, расположенных определенным образом, следует заключение в силу связи между крайними членами заключения и средним термином в посылках.

Сказано: “речь”, но не “речи”, ибо посылки силлогизма обладают единством только из-за среднего термина.

Сказано: “при предположении чего-нибудь”, то есть правильно расположенные суждения должны предшествовать заключению, отсюда их называют посылками (*praemissae*). Первую называют большей, она содержит в себе больший крайний член заключения, другую — меньшей, так как она содержит меньший крайний член заключения.

Сказано: “нечто отличное от утвержденного”, то есть после посылок должно следовать третье суждение, называемое заключением, так как в нем содержание как бы заключается, но не тем способом, как если бы оно не содержалось в посылках, но по способу познания. Сказано: “с необходимостью вытекает... в силу того, что это есть”, то есть мы с необходимостью должны согласиться с этим третьим суждением, потому что согласились с посылками. Это не означает абсолютной истинности заключения, так как мы уже сказали, что заключение может быть истинным при ложных посылках. Но означает необходимость заключения и следования в силу такого-то расположения терминов. И это: в силлогизме не должно быть более трех терминов. Основание: так как силлогизм представляет собой речь, где заключают к тождеству двух крайних членов из их тождества с третьим. Поэтому сначала следует судить о тождестве одного крайнего термина со средним, таким образом мы получаем первую посылку. Далее, следует судить о тождестве другого крайнего термина с тем же самым средним, таким образом мы получаем вторую посылку. Наконец, в силу соединения среднего термина с крайними в обоих суждениях, следует судить о взаимном тождестве самих крайних терминов, таким образом получается третья посылка.

Если ты захотел построить силлогизм с целью обосновать свое суждение, то, во-первых, в случае утвердительном ищи то основание, с которым был бы связан как субъект, так и предикат твоего суждения. Например, если тебе предлагают решить вопрос: “Следует или нет любить Бога?”, то ты ответишь утвердительно: “Бога необходимо любить” Для такого ответа ты находишь следующее

основание: “Так как Бог является высшим благом.” Это основание имеет связь с предикатом ответа “необходимо любить”, ибо о высшем благе можно истинно сказать, что его необходимо любить. Имеет оно связь и с субъектом “Бог”, ибо о “Боге” можно сказать “высшее благо” Итак ты имеешь три различных термина. Первый – “Бог”, второй – “следует любить”, третий – “высшее благо” Первые два термина являются субъектом и предикатом ответа и его следует поместить на месте заключения. Добавляя “ergo”, мы соединяем третий термин с теми двумя терминами в посылках. Например: “Высшее благо необходимо любить. Бог есть высшее благо. Следовательно, Бога необходимо любить”

Если же следует доказать отрицательное суждение, то мы ищем такое основание, с которым связан один из крайних терминов доказываемого суждения, например субъект или предикат, а другой термин с этим основанием не должен быть связан. Так, на вопрос “Является ли Бог справедливым?” ты ответишь: “Бог не есть несправедливый”. И ты найдешь основание для этого ответа: “Так, как Он наиболее совершенен”. С подобным основанием связан субъект твоего ответа, то есть “Бог”, в самом деле он наиболее совершенен. Но предикат “несправедливый” с этим основанием не связан.

Получившиеся три термина следует расположить таким образом, чтобы в одном суждении средний термин соединялся с одним из крайних, а в другом они не должны быть соединенными. Например: “Наиболее совершенный не есть несправедливый, Бог есть наиболее совершенный, следовательно, Бог не есть несправедливый”

160. С физической точки зрения силлогизм состоит из материи и формы. Понимай “из которой” Отдаленная материя – это термины, ближайшая – суждения, о которых мы говорили в предыдущем параграфе. Форма есть определенное соотношение (*certa coordinatit*) терминов и посылок. Такая форма состоит из двух моментов, то есть из фигуры и модуса. Фигура есть определенное упорядоченное расположение (*certa dispositit*) среднего термина относительно субъекта предиката для выведения заключения. Модус есть определенное, упорядоченное расположение посылок относительно качества и количества для выведения заключения. Поэтому форма силлогизма есть не что иное, как то, что он находится в определенной фигуре и модусе, способных к выведению заключения.

Раздел второй. О трех фигурах силлогизма

161. Точно так же как при постройке домов, если ставить стены разными способами и в разной последовательности, мы получаем самые разнообразные фигуры, так и расположенные в разном порядке термины силлогизма образуют разные фигуры силлогизма. Далее, в зависимости от троякого расположения среднего термина насчитывается только три фигуры.

Первая фигура та, когда средний термин выступает в качестве субъекта большей посылки и предиката меньшей посылки. Например: “Каждый человек есть животное, Петр есть человек, следовательно, Петр есть животное” Здесь средний член “человек” является субъектом в большей посылке и предикатом в меньшей. Вторая фигура та, когда средний термин оказывается предикатом в большей и меньшей посылках одновременно, например: “Ни один камень не живет, каждый человек живет, следовательно, ни один человек не является камнем” Здесь “живет” является предикатом и в той, и в другой посылке. Третья фигура та, когда средний термин в обеих посылках является субъектом. Например: “Ни один бык не способен смеяться, каждый бык есть животное, следовательно, некоторое животное не способно смеяться.” Здесь “бык” являет собой субъект и в той и в другой посылке. Все учение содержится в двух стихах:

Prima prius subjicit post praedicat ipsum

Praedicat altera bis tertia bis subjicit

*“Первая сначала является субъектом, потом
предицирует средний термин*

Вторая два раза предицирует, третьядважды субъект”

Или же этот один стих:

Sub prae prima, bis prae secunda, tertia bis sub

Кроме этих трех фигур Гален посчитал, что изобрел четвертую. Мнение Галена активно поддерживают врачи. Это та фигура, когда в большей посылке средний термин является предикатом, а в меньшей субъектом. Например: “Петр есть человек, каждый человек есть животное, следовательно, Петр есть животное” На деле эта галенова фигура не отличается от первой фигуры Аристотеля. Различие здесь чисто материальное, в простой перестановке посы-

лок, так как меньшая посылка ставится на место большей, а большая на место меньшей посылки аристотелевской фигуры. Это ясно на примере, который я умышленно предложил для первой аристотелевской фигуры. Кроме того, (галенова фигура) не естественная, ибо она ставит большую посылку на место меньшей, хотя большая должна находиться на первом месте.

Правила, общие для всех трех фигур

163. Первое: в каждом силлогизме должно быть только три термина, не больше и не меньше, даже в скрытом виде. Ибо говорят, что предикат присущ субъекту не по какой иной причине, но потому, что оба присущи в посылках третьему.

О тех случаях, когда наличествует большее количество терминов, было сказано под № 83. Речь об этом также пойдет там, где будут разбираться софизмы.

Правило второе: из одних отрицательных посылок ничего не следует на основании формы. Например: “Ни один человек не есть скотина, ни один бык не есть человек, следовательно, ни один бык не есть скотина” Основание: из одних отрицательных посылок должно следовать или отрицательное, или положительное заключение, но ни то, ни другое не следует. Доказательство меньшей посылки: во-первых, не может следовать утвердительное заключение, ведь для утвердительного заключения необходимо, чтобы оба крайних термина заключения в посылках отождествлялись со средним термином. Но в силлогизме, состоящем из отрицательных посылок, средний термин не может быть отождествлен с крайним термином, так как из-за частицы “не” он скорее отличается. Следовательно, из отрицательных посылок не может следовать утвердительное заключение.

Но не может следовать и отрицательное заключение. Ибо для отрицательного заключения необходимо, чтобы в посылках один их крайних терминов отождествлялся со средним, а второй бы от него отличался. Так, как из того, что мрамор, например, и камень отличаются от человека, не правильно заключать к тому, что мрамор и камень различаются между собой. Точно так же, из того, что животное и человек отличаются от камня, не правильно заключать, что человек не есть животное. Но все-таки в силлогизме, состоящем только из отрицательных посы-

лок, этого не происходит, так как с необходимостью тот и другой крайний термин отличается от среднего термина благодаря отрицанию. Следовательно, только из отрицательных посылок не может следовать даже отрицательное заключение.

Я сказал: “ничего не следует на основании формы”, так как на основании материи может следовать нечто истинное. Например: “ни один человек не есть камень, ни один бык не есть человек, следовательно, ни один бык не есть камень” Но что бы то ни было, здесь следствие происходит единственно на основании материи, о следовании на основании формы я сказал там, где речь шла о материальном и формальном следовании.

Все же следует обращать внимание на те суждения, которые кажутся отрицательными, но на деле являются утвердительными. Например, в следующем силлогизме: “Звезды, которые не мерцают, находятся близко от нас. Планеты не мерцают. Следовательно, планеты находятся близко от нас” Меньшая посылка здесь утвердительная, потому что она значит следующее: “планеты суть звезды, которые не мерцают” Аналогично в следующем силлогизме: “То, что не есть человек, не способно смеяться, лев не есть человек, следовательно, лев не способен смеяться” Смысл здесь такой: “Лев есть то, что не есть человек” Обратитесь к сказанному под № 95 и 52.

164. Правило третье: только лишь из частных посылок ничего не следует на основании формы. Например: “Некоторый человек есть философ, Петр есть человек. Следовательно, Петр есть философ” “Некоторая субстанция есть человек, камень не есть человек, следовательно, камень не есть субстанция” Основание: в первом силлогизме средний член “человек” не распределен, что касается второго силлогизма, то там от нераспределенного термина заключают к распределенному. Так, “субстанция” в заключении распределенная, а в меньшей посылке нераспределенная. Тем не менее следовать может заключение на основании материи, например: “Некоторый человек способен смеяться, Петр есть человек, следовательно, он способен смеяться”

Правило четвертое: заключение следует за более слабой частью, то есть если какая-либо из посылок является отрицательной или частной, или неочевидной, хотя вторая и будет утвердительной, общей или очевидной, все равно заключение окажется отрицательным, частным или неясным. Поэтому не заключает следующий силлогизм: “Все бегущее движется. Не-

который человек бежит, следовательно, каждый человек движется” Тем не менее из ложных посылок, которые слабее истинных, может иногда следовать истина, но не сама по себе и формально, а случайным образом и материально. Это случается тогда, когда допускают истинность ложных посылок. Например: “Каждый камень есть человек, Петр есть камень, следовательно, Петр есть человек” В этом же силлогизме “То, что бежит, есть животное, некоторый конь бежит, следовательно, некоторый конь есть животное”, хотя посылки неясные и неопределенные, заключение ясное и определенное. Но это произошло не из-за посылок, а по другой причине. В то же самое время мы встречаем здесь необходимое заключение при случайной меньшей посылке. Поэтому правило, что заключение следует за более слабой частью, следует понимать только относительно количества и качества, но не относительно ясности и очевидности, и не относительно случайности и ложности, так как из ложных и случайных посылок может следовать верное и необходимое заключение, как и было столько раз показано.

Правило пятое: Средний термин не входит в заключение, по крайней мере как субъект и предикат. В противном случае заключение не будет отличаться от посылок. Поэтому не заключает следующий силлогизм: “Эта коза есть мать, эта коза есть твоя, следовательно, эта коза есть твоя мать”

165. Правило шестое: средний термин (который должен быть одним и тем же, не изменяться в обоих посылках, и при том находиться в том же самом модусе и суппозиции) должен быть распределен по крайней мере в одной из посылок (исключая силлогизм с единичным термином). То есть быть употребленным универсально, во всем своем объеме (*latitudo*), вместо всех нижестоящих обозначаемых. Например: “животное” распределено тогда, когда его употребляют и (для обозначения) человека, и льва, и всех прочих животных безо всякого исключения. Но оно не будет распределенным, когда употребляется только для некоторых или одного животного.

Знаки, указывающие на распределение, суть следующие: “Никакой”, “каждый”, “некоторый”, “некоторый не” “Никакой” распределяет как субъект, так и предикат. Например: “Никакой человек не есть скотина”, смысл такой: и не Петр, и не Павел, и никакой другой человек не есть или лев, или бык, и т.д. “Каждый” распределяет единственно субъект, например: “Каждый человек есть животное”, смысл такой: “и Петр, и Па-

вел, и т.д. есть животное, но не какое угодно, но некоторое определенное, например разумное”

Утвердительный частный знак “некоторый” не распределяет ни субъект, ни предикат. Отрицательный частный “некоторый не” распределяет только предикат (иногда, в неопределенных, частных и единичных предложениях, употребляется единственно частица “non”).

Понимай, если предикат представляет собой общий термин, способный к распределению. Например: “Некоторый человек не есть музыкант” То есть “не есть флейтист, не есть органист и т.д.” Но если он не способен к распределению, то он и не распределяется, ведь он единственен. Как в этом предложении “Петр не есть Бог”, ибо “Бог” не распределяется, ведь он единственен. Впрочем, в языческом понимании “бог” распределяется так: “Петр не есть Юпитер, не есть Сатурн, Нептун” То же учение содержит такие стихи:

*Distribuit FA sub sub cum prae distribuit RE
MI nec sub prae. SOL vero distribuit prae*

Правило седьмое: наконец, ни один термин (то есть ни один крайний термин) не должен распределяться в заключении, если он не был распределен в посылках. То есть ни один термин в заключении нельзя употреблять вместо всех отдельных его нижестоящих, если он не употреблен подобным образом в посылках. То есть от нераспределенного нет следования к распределенному.

Основание: крайние термины должны соединяться в заключении точно так же, как в посылках со средним термином. В противном случае ты в заключении скажешь больше, чем необходимо. Против данного правила грешит этот силлогизм: “Ни один человек не есть скотина, каждый человек есть животное, следовательно, ни одно животное не есть скотина”. Дело здесь в том, что в меньшей утвердительной посылке “животное” не распределено, а в отрицательном заключении распределено. Все эти правила скрыты в следующем стихе:

*Lex generalis erit, medium concludere nescit.
Quod ex praemissis, altera distribuit
Si praemissa fuit simul utraque particularis
Vel simul illa negans, nil valet inde sequi
At si est una negans, tantum vel particularis
Inde sequela negans, hinc specialis erit*

Правила, годные для одной какой-либо фигуры

166. Для первой фигуры подходят два правила, заключенные в следующем стихотворении: *Sit minor affirmans, nec maior sit specialis*. То есть меньшая посылка в первой фигуре силлогизма должна быть утвердительной, а большая посылка общей. Основание: в противном случае у нас получится доказательство от нераспределенного термина к распределенному против правила № 7 под предыдущим номером. А если меньшая посылка будет отрицательной, то и заключение окажется отрицательным согласно правилу № 4. Таким образом получится, что предикат, нераспределенный в большей посылке, в заключении окажется распределенным. В самом деле, в утвердительных предложениях предикат не распределен, но только в отрицательных предложениях согласно правилу шестому под № 82. Поэтому не заключает следующий силлогизм: “Каждое животное есть живое, ни одно растение не есть животное, следовательно, ни одно растение не есть живое” Основание второму: так как в противном случае средний термин не будет распределен ни в одной из посылок, что противоречит правилу шестому. Это ясно в следующем силлогизме: “Некоторое животное способно смеяться, каждый осел есть животное, следовательно, каждый осел способен смеяться” Дело в том, что средний термин “животное” не распределен в большей посылке, так как это частное предложение. Не распределен он и в меньшей посылке, так как это утвердительное предложение соответственно правилу № 6. Однако в *Fapesmo* и *Frisesomorum* меньшая посылка может быть отрицательной, но больший крайний термин, субъект отрицательного заключения не распределен в *Friseson*, где большая посылка частная. Тем не менее это не препятствует силе доказательства, так как хотя средний термин не распределен в большей посылке, однако он распределен в меньшей отрицательной. Об этом же говорят стихи:

*Prima no rem negat unquam si clauditur apte
Nec partem ior affert nisi Frisesomorum*

167. Правила для второй фигуры, также два, скрыты в стихе:

Sit minor affirmans, nec maior sit specialis

То есть или большая, или меньшая посылка должна быть отрицательной, а большая посылка, вообще, должна быть общей.

Основание первому: если и та и другая посылки будут утвердительными, то средний термин не будет распределен ни в одной из них. В самом деле, в обоих посылках он является предикатом. Но утвердительные знаки (а они, само собой, появятся, если та и другая посылки окажутся утвердительными) никогда не распределяют предикат согласно правилу шестому. Это ясно в следующем силлогизме: “Каждый человек есть животное, каждый конь есть животное, следовательно, некоторый конь есть человек”

Основание второму: если большая посылка будет частной, то мы будем заключать от нераспределенного термина к распределенному. Действительно, тогда в заключении предикат распределится, но в большей посылке он не был распределенным. Это ясно в следующем силлогизме: “Некоторое животное есть человек, ни один конь не есть человек, следовательно, Ни один конь не есть животное” Тем не менее из меньшей отрицательной посылки может следовать заключение в силу материи, например: “Всякую добродетель должно любить, всякая скромность (*humilitas*) должна быть любима, следовательно, всякая скромность есть добродетель” Точно так же: “Некоторый человек есть ученый, ни один Коридон не есть ученый, следовательно, ни один Коридон не есть философ” Но подобный модус излишен, потому что при похожем расположении терминов и посылок может следовать ложное заключение, например: “Каждый бык есть субстанция, каждый конь есть субстанция, следовательно, каждый конь есть бык” Точно так же: “Некоторый человек есть ученый, но ни один Коридон не есть ученый, следовательно, ни один Коридон не есть человек”

168. Для третьей фигуры существуют также два правила, заключенные в следующем стихотворении: *Sit minor affirmans, conclusio particularis*. “Меньшая посылка должна быть утвердительной, а заключение частное”

Основание первому: если меньшая посылка окажется отрицательной, то и заключение будет отрицательным согласно правилу четвертому. Таким образом мы будем заключать от нераспределенного термина к распределенному. Ведь больший крайний термин в утвердительной посылке не распределен, а в отрицательном заключении он окажется распределенным. Это ясно в силлогизме “Каждый человек есть животное, ни один человек не есть конь, следовательно, ни один конь не есть животное” Тем не менее в этой фигуре может следовать непрямоое заключение из меньшей отрицательной посылки,

например: “Каждый человек есть животное, ни один человек не есть конь, следовательно, некоторое животное не есть конь”. Дело здесь в том, что больший крайний термин “животное”, который не распределен в большей посылке, не распределяется и в заключении.

Основание второму: если заключение по этой фигуре будет общим, то тогда меньшей крайний термин заключения окажется распределенным в заключении, а ведь он не был распределен ни в одной из посылок. Ясно в этом силлогизме: “Каждый человек способен смеяться, каждый человек есть животное, следовательно, каждое животное способно смеяться” Тем не менее в неупотребляемых модусах заключение может следовать не принимая во внимание правила третьей фигуры, например: “Каждый человек способен смеяться, ни один человек не есть бык, следовательно, ни один бык не способен смеяться” Точно так же общее заключение: “Любую умеренность следует хвалить, любая умеренность есть добродетель, следовательно, любую добродетель следует хвалить” Но этот модус излишен, и это ясно на таком силлогизме: “Каждый человек есть животное, ни один человек не есть бык, следовательно, ни один бык не есть животное. Каждый сумасшедший есть глупый, каждый сумасшедший есть человек, следовательно, каждый человек есть глупый” Между тем в практической деятельности (in praxi) точно соблюдай эти правила. Этого ты достигнешь даже не думая определенно о них, если будешь соблюдать (порядок) гласных в модусах, к чему мы и переходим.

Раздел третий. О модусах силлогизмов

169. Существует 19 модусов силлогизма. Они заключены в стихах:

*bArbArA cEeArEnt dArIFErIo bArAllpton
 cElAntEsdAbltIs fApEsmO frIsEsOmorum
 cEsArE cAmEstrEs fEstInO bArOcO dArAptl
 fElAptO dIsAml dAtIstI bOcArdO fErIsOn*

Здесь прежде всего следует обращать внимание на слова в первых двух стихах, они относятся к первой фигуре, следующие четыре слова относятся ко второй фигуре и шесть последних к третьей.

Далее, некоторые из этих модусов прямые, некоторые же косвенные. Прямые суть первые четыре: *barbara, celarent, darii, ferio*. Косвенные суть пять последующих: *baralip, celantes, dabitis, fapesmo, fresison*. Прямыми или естественными модусами называются такие, в которых меньший крайний термин в заключении является субъектом или в которых предикат большей посылки тождественен предикату заключения. Это естественней того, если предикат меньшей посылки будет одинаков с предикатом заключения. Или же, как считал Арриага, там субъект большей посылки оказывается предикатом меньшей посылки. Например: “Каждый человек есть животное, Петр есть человек, следовательно, Петр есть животное”

Что касается косвенных или неестественных (модусов), то таковыми называются те, в заключении которых меньший крайний термин является предикатом для большего. Или же те, где на месте субъекта заключения находится предикат среднего термина в посылках и наоборот, как будет ясно из примеров.

Все-таки, правило Арриаги будет более общим, потому что оно распространяется и на единичные суждения, в которых больший крайний термин говорится о меньшем, и несмотря на это, следует прямое заключение. Как-то: “Этот человек есть Петр, но царь есть этот человек, следовательно, царь есть Петр”

Третье: одни из этих модусов совершенные, а другие несовершенные. Первые четыре модуса *barbara* etc. называют совершенными. Дело в том, что в них правильность следования очевидна благодаря свету разума, единственно из расположения терминов и посылок. И потому, что к этим модусам сводятся остальные модусы. Несовершенные модусы те, в которых заключение, хотя и не менее истинно и необходимо, чем в совершенных, но тем не менее правильность следования не так очевидна. Наибольшая точность достигается здесь только тогда, когда их сводят к совершенным модусам. Несовершенные суть прочие 15 модусов.

Четвертое: отдельные слова включают в себя по три гласные (так как в *baralipton* и *frisesomorum* четвертая гласная добавлена ради размера). Эти гласные обозначают три суждения. Первая большую посылку, вторая — меньшую, третья — заключение.

Пятое: отдельные слоги включают в себя отдельные гласные, которые обозначают количество и качество суждения соответственно сказанному под № 131.

Шестое: начальные буквы В, С, D, F употребляются не просто так но показывают, к какому совершенному модусу должен сводиться несовершенный. Об этом мы скажем ниже.

Седьмое: в приведенных стихах содержатся как частные, так и общие правила для каждой фигуры (в тексте рукописи лакуна – А.П.).

Модусы галеновой фигуры: *Barbara, Calerent, dimari, firemo, bamalipton*

Calemes dimatis gesapo fresisemorun

Если ты подставишь примеры из первой аристотелевской фигуры, то увидишь ясно, что в галеновой фигуре единственно большая посылка ставится на место меньшей.

Раздел четвертый. О началах, на которых строится силлогизм

170. Первое начало: “сказанное обо всем” *dictum de omni*. То есть что утверждается о каком-нибудь субъекте, если он выражен общим термином и распределен, то утверждается и о прочих нижестоящих (субъектах), находящихся в или под этим субъектом. Так, о человеке, понимаемом универсально, говорят “животное” Точно так же “животное” говорят и о Петре, и о Павле и о всем прочем, подпадающем под имя “животное” На этом начале основываются некоторым образом, по крайней мере вторично и неадекватно, утвердительные силлогизмы или два первых модуса совершенных *Barbara et Darii* и также прочие несовершенные модусы, сводимые к первым двум совершенным.

Начало второе: “сказанное ни об одном” *dictum de nullo*. То есть то, что отрицается о субъекте, понимаемом универсально, отрицается о всех и отдельно нижестоящих (субъектах). На этом начале основываются два отрицательных негативных модуса *Celerent et Ferio* и прочие к ним сводимые. Хотя основываются они вторично и неадекватно. Я сказал: “по крайней мере неадекватно и вторично”, так как первично и непосредственно сила силлогизма на них основываться не может, как то ясно показал Арриага. Действительно, “Петр есть животное” не следует точно из того, что “каждый человек есть животное”, но из того, что “каждый

человек есть животное” и “Петр есть человек” Так, если каждый человек будет животным, но Петр человеком не будет, не последует и то, что Петр является животным, точно также как не следует, что камень является животным. Точно так же не следует очевидно, что Пётр не есть камень из того, что ни один человек не есть камень. Но это следует из того, что ни один человек не есть камень. Но это следует из того, что ни один человек не есть камень и из того, что Петр есть человек. Поэтому из суждения “Каждый человек бежит” следует: “Этот бежит и тот бежит” Ибо здесь подразумевается некоторое суждение, с помощью которого доказывается, что “этот” и “тот” заключены в “каждом”

Кроме того, чистые частные рассуждения не основываются на этих началах. То же самое и в чисто общих суждениях, как: “Каждый человек есть разумное животное, каждое, способное смеяться, есть человек, следовательно, каждое, способное смеяться, есть разумное “животное” Так, как здесь не происходит нисхождение.

Силлогизмы с единичным средним термином также не опираются на эти начала.

Что касается того, что по крайней мере вторично силлогизм опирается на указанные начала, это видно из сказанного под № 165. Мы сказали там, что средний термин должен быть по крайней мере распределен в одной из посылок и что ни один термин, не распределенный в посылках, не должен быть распределен в заключении. Это то же самое, что “сказанное обо всем и ни об одном”

171. Третий метафизический принцип: некие оба (порознь) равны третьему, равны между собой. На этом начале, в основном, строится весь утвердительный силлогизм. Так, как крайние термины в утвердительном силлогизме отождествляются друг с другом в заключении именно потому, что в посылках они были отождествлены с третьим, средним.

Четвертое, на которое опираются, в основном, отрицательные силлогизмы: не будет выглядеть так “те, что не равны (порознь) одному третьему, не равны между собой” Так как сказанное противно свету разума. Легко, ведь, я заключу из большей посылки: “мрамор и камень не равны чему-либо третьему, например, человеку. Следовательно, камень и мрамор не равны между собой. Следовательно, мрамор не есть камень” Скорее, смысл здесь должен быть такой: “Из того, когда одно есть то же

самое с неким третьим, а другое не то же самое с тем же третьим, первые два не равны между собой”.

172. Ты скажешь, что это начало: “которые (порознь) равны некоему третьему равны между собой” не годится для всех силлогизмов. Следовательно, не все утвердительные силлогизмы на нем основываются.

Доказательство антецедента: неправильно заключает последователь Ария: “Те, что равны некоему третьему, равны между собой” Отец и Сын и Дух Святой равны некоему третьему, то есть Божественной природе, следовательно, Отец, Сын и Дух Святой суть одно и то же.

Во-вторых, эти и им подобные софизмы последователей Ария не приводят к заключению и с помощью силлогизма с единичным средним термином. Например: “Эта сущность есть Отец, Сын есть эта сущность, следовательно, Сын есть Отец” “Этот единый Бог есть единая Троица, но Отец есть этот единый Бог, следовательно, Отец есть целая Троица. Этот единый Бог есть целая Троица, но Отец не есть целая Троица, следовательно, Отец не есть этот единый Бог. Этот единый Бог есть Отец, но этот единый Бог есть Сын и Дух Святой, следовательно, Сын и Дух Святой есть Отец. Этот единый Бог есть Отец. Но Сын и Дух Святой не суть Отец. Следовательно, Сын и Дух Святой не суть Бог”

173. Отвечаю, во-первых, неправильно то, что это начало не имеет силы относительно божества в силу некоторых различий ипостасей Бога, о которых говорится в теологии.

Отвечаю, во-вторых, отрицаю антецедент и разъясняю доказательство. Соглашаюсь с тем, что некоторые равны между собой, если равны некоторому третьему, сообщаемому многим благодаря умножению обозначаемого (*communicabili pluribus per multiplicationem sui significati*). Я отрицаю большую посылку, если иметь в виду хотя и сообщаемое, но не из-за умножения им обозначаемого. Я так разъясняю большую посылку — “Отец, Сын и Св.Дух равны некоему третьему, то есть Божественной природе, сообщаемой многим благодаря умножению ей обозначаемого” — с эти я не согласен. “Не благодаря умножению, но в силу тождества” — здесь я согласен с посылкой и отрицаю следование. Смотри также № 56.

На софизмы (*fallaciae*) можно отвечать двояко. Первое: отрицать следование, так как отсутствует (надлежащая) форма (*quia non sint in forma*). Ибо во всяком паралогизме наличествуют четыре термина, ведь общий универсальный термин “Бог, Божественная сущность”

в одной посылке обозначает три Иности, а в другой этот же термин обозначает одну Ипостась, так что одно слово делает два термина. Получается, что от смысла нераспределенного рассуждают к распределенному.

Отвечать можно, во-вторых, формально, например, к первому софизму. “Эта сущность есть Отец” Отрицаю большую посылку, если под “сущностью” подразумеваются три Иности. Соглашаюсь с тем, что эта сущность есть Отец, если под “сущностью” понимать одну, рождающую, Ипостась. “Но Сын есть эта сущность”, отрицаю, если под “сущностью” понимать все Иности и соглашаюсь, если под сущностью понимать ипостась Сына. “Следовательно, Сын есть Отец” — это следование я отрицаю. Поэтому в предложенных софизмах “сущность, Божественность, Бог” то понимаются с ограничением, как одна Ипостась то, в обычном смысле. Аналогичную неправильность мы встречаем в следующем силлогизме: “Иван есть император Московии, Петр не есть Иван, следовательно, Петр не есть император”

Раздел пятый. О сведении несовершенных силлогизмов к совершенным

Под № 160 было сказано, что существует только четыре совершенных модуса, а все прочие суть несовершенные. Следовательно, для того чтобы правильность вывода была очевидной, необходимо несовершенные модусы сводить к совершенным. Далее, (редукция) сведение бывает трех видов.

174. Первое экспозиционное (через выделение части одного из терминов — *A.P.*), второе — через обращение (*per ostensionem*), третье — через приведение к невозможному.

Экспозиционное сведение или же сведение через силлогизм с единичным средним термином происходит тогда, когда вместо общего среднего термина мы подставляем единичный. Дело в том, что единичное более известно для нас, нежели общее (*singularia sunt nobis notiora quam universalia*), ведь оно открыто не только для разума, но и для чувств. Действительно, человека как такового видеть нельзя, но лишь представлять (*conscipri*), единичные же предметы можно видеть. трогать и т.д. Поэтому.

если кто-нибудь станет отвергать следование по модусу Darapti: “Каждый человек есть разумный, каждый человек есть животное, следовательно, некоторое животное есть разумное”, то тогда вместо среднего общего (термина) “человек” поставь средний единичный “Петр”: “Петр есть разумный, Петр есть животное, следовательно, некоторое животное есть разумное” Точно так же если кто-нибудь станет отрицать следование по модусу Disamis: “Некоторая мать есть девушка, каждая мать имеет потомство, следовательно, каждая имеющая потомство есть девушка”, ты вместо общего среднего (термина) “мать” поставь единичный средний, например, “Святейшая Дева”: “Св.Мария есть дева, Св.Мария имеет потомство, следовательно, некоторая, имеющая потомство, есть дева”

Из этого ты видишь, во-первых, экспозиторный силлогизм тот, у которого средний термин единичный — “этот человек, Петр” и т.д.

Далее, экспозиторным он называется потому, что настолько ясен, как если бы предмет лежал перед нашими глазами.

Третье: хотя силлогизм с единичным средним термином может встречаться и в других фигурах, наиболее он удобен в третьей фигуре, так что несовершенные силлогизмы третьей фигуры обычно подвергаются экспозиционному сведению. Причина здесь та, что в третьей фигуре средний термин дважды является субъектом. А единичный же средний (термин) наиболее для этого пригоден. Как: “Этот Иуда проклят, Иуда был апостол, следовательно, некоторый апостол проклят”

175. Сведение через обращение (per ostensionem), или остенсивное есть превращение несовершенного силлогизма в совершенный, при сохранении того же самого среднего и крайних терминов, благодаря обращению посылок и, для некоторых случаев, одновременной перестановке посылок. Оно называется остенсивным, так как при нем ясно показывается связь крайних терминов со средним.

На практике при подобном сведении следует соблюдать следующие правила: первое — несовершенный модус надо сводить к такому совершенному, который начинается с той же самой буквы, что и несовершенный. А так как существуют только четыре совершенных модуса, то есть Barbara, Celarent, Darii, Ferio, выходит, что прочие модусы, начинающиеся с буквы В, должны сводиться к модусу Barbara, например Baralipon. К Celarent сводятся Celantes, Cesare, Camestres. Начинающиеся с D сводятся к Darii как

Daraup̄ti, Disamis, Datisti. Начинаясь с F сводятся к Ferio как Fapesmo, frisesom, festino, felapton, ferison.

Из этого правила исключаются Baroco и Bocardo, которые хотя и начинаются с B, но тем не менее не могут быть сведены к Barbara через обращение. Они сводятся через приведение к невозможному. Основание: оstenсивное сведение происходит или через обращение посылок, или через их перестановку. Но в случае с Baroco, Bocardo и Barbara обращения или перестановки быть не может. Дело в том, что в этих модусах содержится частноотрицательная посылка, которой нет в модусе Barbara и ни в каком другом совершенном модусе. Следовательно, и т.д.

176. Правила оstenсивного сведения содержатся в стихотворении:

S vult simpliciter verti, p vero per accidens
M vult transponi, I per impossibile duci

“S vult simpliciter verti” означает, что если в несовершенном модусе находится буква S, то посылка, обозначаемая непосредственно предшествующей гласной, должна быть подвергнута простому обращению согласно правилу под № 130. Например, в Datisti, где буква S следует за вторым гласным, обозначающим меньшую посылку, эта посылка должна быть подвергнута простому обращению: DA “Каждый грешник несчастен”, TIS “Некоторый грешник богат” TI “Следовательно, некоторый богатый несчастен” Сводим к модусу Darii: “Каждый грешник несчастен, некоторый богатый есть грешник, следовательно, некоторый богатый несчастен”

Сказано: во-вторых, “P vero per accidens”, то есть там, где встречается буква P, мы обращаем с ограничением посылку, обозначенную буквой гласной, стоящей перед P. Например, в Daraup̄ti, где буква P следует за второй гласной A, обозначающей меньшую общую посылку. Здесь эту посылку следует обращать с ограничением, то есть менять знаки и количество, из общей в частную. Как-то:

DA	Каждый человек способен смеяться	DA	Каждый человек способен смеяться
RAP	Каждый человек есть животное	RI	Некоторое животное есть человек
TI	Некоторое животное способно смеяться	I	Некоторое животное способно смеяться

Сводится к Darus обращением с ограничением

Сказано, в-третьих: “*M vult sponi*”, то есть там, где встречается буква *M*, необходимо меньшую посылку поставить на место большей и наоборот. После этого необходимо обратить и ту и другую посылки к совершенному модусу. Например в *Fapesmo*, так как после первой гласной следует буква *P*, нам необходимо обратить большую посылку с ограничением, и меньшую посылку подвергнуть простому обращению, ведь после второй гласной *E* следует *S*. Наконец, в силу того, что после той же гласной идет буква *M*, обращенная подобным образом меньшая посылка ставится на место большей, а большая на место меньшей. Как ясно:

FA	Каждый человек есть животное	FE	Ни один человек не есть бык
PES	Ни один бык не есть человек	RI	Некоторое животное есть человек
MO	Некоторое животное не есть бык	O	Некоторое животное не есть бык

177. Сказано, в-четвертых, “*C per impossible duci*” Это значит, что если встречается буква *G*, то силлогизм нельзя сводить оstenсивным способом. Остается прибегнуть лишь к приведению к невозможному, но с *Baroco* и *Bocardo*.

Хотя у нас нет времени приводить примеры для каждого отдельного модуса, тем не менее я замечу, что в некоторых происходит лишь обращение косеквента. Например, *Celantes* становится *Celarent* и *Dabitis* становится *Darii* исключительно благодаря простому обращению заключения. Действительно, последнее *E* в *Celantes* и последнее *I* в *Dabitis* означает, что заключение можно подвергать простому обращению. Что касается *Baralipton*, то там заключение из частного становится общим, так что получается *Barbara*, если вместо заключения поставить суждение, становящееся общим благодаря обращению с ограничением. Например: “Каждое способное смеяться есть человек, каждое разумное есть способное смеяться” Следовательно, не некоторый человек есть разумный. Измени заключение: “Следовательно, каждое разумное есть человек” и получишь модус *Barbara*.

Заметь, во-вторых, более простой способ сведения тот, когда сохраняется количество и качество посылок, что и требуется для совершенного модуса, к которому сводится несовершенный. Например, этот силлогизм в *Darapti*: “Каждый человек способен смеяться, каждый человек есть животное, следовательно, некоторое животное способно смеяться” очень легко сводится к *Darii*

с сохранением модуса и по законам первой фигуры: “Каждый человек способен смеяться, некоторое животное есть человек, следовательно, некоторое животное способно смеяться”

Примеры модусов по I фигуре

Примеры модусов по II фигуре

BAR	Каждое добро следует любить	Никакой грех не есть добро	CE
BA	Каждая добродетель есть добро	Любая добродетель есть добро, следовательно,	SA
RA	Следовательно, каждую добродетель следует любить	Никакая добродетель не есть грех	RE
CE	Никакое зло не надо любить	Любая добродетель есть добро	CA
LA	Любой грех есть зло	Никакой грех не есть добро, следовательно,	MES
RENT	Следовательно, никакой грех не надо любить	Никакой грех не есть добродетель	TRES
DA	Каждое добро надо любить	Никакой грех не есть добро	FES
RI	Некоторая добродетель есть добро	Некоторая добродетель есть добро, следовательно,	NI
I	Некоторую добродетель надо любить	Некоторая добродетель не есть грех	NO
FE	Никакое зло не надо любить	Любая добродетель есть добро	BA
RI	Некоторый грех есть зло, следовательно,	Некоторый грех не есть добро, следовательно,	RO
O	Некоторый грех не надо любить	Некоторый грех не есть добродетель	CO

Примеры пяти косвенных
модусов первой фигуры

Примеры модусов по III фигуре

BA Любое добро следует любить	Любую добродетель надо любить	DA
RA Любая добродетель есть добро	Любая добродетель есть добро,	RA
LIP Некоторое, что надо любить, есть добродетель	следовательно, Некоторое добро следует любить	PTI
FA Любое добро надо любить	Никакая добродетель не позорна	FE
PES Никакой грех не есть добро, следовательно,	Любую добродетель надо любить, следовательно,	LAP
MO Некоторое, что надо любить, не есть грех	Некоторое, что надо любить, не позорно	TON
FRI Некоторое добро надо любить	Некоторая добродетель	DI
SE Ни один грех не есть добро	похвальна	SA
SOM Некоторое, что надо любить, не есть грех	Любую добродетель надо любить, следовательно, Некот., что надо любить, есть добро	MIS
	Некоторая добродетель не позорна	BO CAR
	Любую добродетель надо любить, следовательно, Некоторое, что надо любить, не позорно	DO
	Никакая добродетель не позорна	FE RI
	Некоторую добродетель надо любить, следовательно,	SON
	Некоторое, что надо любить, не позорно	

(Примеры всех возможных правильных модусов категорического силлогизма).

178. Сведение через невозможное есть превращение несовершенного силлогизма в совершенный, когда от суждения, противоречащего отрицаемому заключению и от одной посылки, допускаемой противником, заключают к противоречащей или противной посылке для другой посылки, также допускаемой. Происходит это следующим образом: принимается противоре-

чащая отрицательному заключению посылка, затем она соединяется с другой посылкой, принимаемой противником. Получается следование, противоречащее другой посылке, также принимаемой противником. Так, противник принуждается к принятию двух противоречащих суждений. Это и есть сведение к невозможному, то есть принуждение соглашаться с тем, что ранее отрицалось. Например, кто-либо отрицает следование силлогизму по модусу *Fapesmo*: “Каждый цветок есть живой, ни один бык не есть цветок, следовательно, некоторое живое не есть бык” Тогда, вначале, я привожу суждение, противоречащее отрицаемому следованию: “Каждое живое есть бык” Это заключение противник никак не может отрицать, так как оно противоречит отрицаемому. Во-вторых, вместо меньшей посылки я помещаю одну из принятых, например: “Каждый цветок есть живой” В-третьих, наконец, привожу заключение, прямо следующее из таких посылок. И оно оказывается противной другой допущенной посылке. Например, по модусу *Barbara* “Каждое живое есть бык, каждый цветок есть живое, следовательно, каждый цветок есть бык” С этим противник никак согласиться не может, если только он не глупее быка, и он вынужден согласиться с отрицаемым ранее, а именно с тем, что некоторое живое не есть бык.

179. Но следует обращать внимание и на то, что эти два суждения, а именно принятая посылка и противоречащее заключению, в разных фигурах размещаются по-разному, как показывают стихи:

Prima figura locat maiorem in parte minoris
Solum Celantes dat pro maiorem minorem
Altera maiorem retinet, servat postrema minorem

Сказано, во-первых, “*Prima figura locat*”: если ты хочешь привести к невозможному силлогизм первой фигуры, то сначала принятую большую посылку ставь на место меньшей посылки. Во-вторых, на место большей посылки ставь противоречащее отрицаемому заключению суждение и, в-третьих, выводи непосредственно следующее из таких посылок заключение. Например, для силлогизма по модусу *Baralip* “Каждое животное есть живое, каждый человек есть животное, следовательно, некоторое живое есть человек” отвергается следование. Сводим к

Celarent таким образом: “Ни одно животное не есть человек каждое животное есть живое, следовательно, ни одно животное не есть человек” Ты видишь, что большую посылку отрицать здесь нельзя, так как она противоречит отрицаемому заключению. Нельзя отрицать и меньшую посылку, потому что ее приняли еще в первом силлогизме. Наконец, нельзя отрицать силлогизм, потому что формально он верен и совершенен согласно изречению: “*Maiorem oppositum pellit, iorque noem*” Большую посылку устраняет противоположное, а меньшая большую.

180. Сказано, во-вторых, “*Solum Celantes*” Если этот модус приводит к невозможности, а он не подчиняется общему правилу, то сначала вместо большей посылки поставь меньшую принятую. Вместо же меньшей противоречащее отрицаемому заключению суждение в соответствии с этим:

CE	Никакой человек не есть лев	DA	Любое способное смеяться есть человек
LAN	Любое способное смеяться есть человек	RI	Некоторый лев способен смеяться, следовательно,
TES	Следовательно, никакой лев не способен смеяться	I	Некоторый лев есть человек

181. Сказано, в-третьих, “*Altera iorem retinet*” Если силлогизм второй фигуры приводит к невозможному, тогда, во-первых, принятая большая посылка остается на своем месте. Во-вторых, на место меньшей посылки ставится суждение, противоречащее отрицаемому заключению и, в-третьих, выводится прямо заключение по первой фигуре соответственно следующему: *Stat maior trahit oppositum de sede minore*.

BA	Каждое светило есть звезда	Каждое светило есть звезда	BAR
RO	Некоторая собака не есть звезда	Каждая собака есть светило	BA
CO	Следовательно, некоторая собака не есть светило	Каждая собака есть звезда	RA

182. Сказано, в-четвертых, “*Servat postrema noem*”, то есть если приводит к невозможному силлогизм третьей фигуры, тогда, во-первых, на место большей посылки ставится суждение,

противоречащее отрицаемому заключению. Во-вторых, приня-
тая меньшая посылка остается на своем месте и, в-третьих, вы-
водится заключение в соответствии с этим: Stat minor, oppositum
transit ioris in aedem.

Если отрицать следование в Vocardo, то оно приводится к
невозможному в модусе Barbara

VO	Некоторая скотина не четвероногая	Каждое животное есть четвероногое	BAR
CAR	Некоторая скотина есть животное	Каждая скотина есть животное	BA
DO	Некоторое животное не четвероногое	Каждая скотина есть четвероногая	RA

Более сжато это учение выражается следующими стихами:

*Prima prius contrad maiorem postea ponit,
Altera maiorem servat dat postea contrad.
Tertia dat primo contrad retinetque minorem
Ast in celantes minor est prior altera contrad.*

183. Здесь обычно приводятся сведения о том, в каком
совершенном модусе должен находиться силлогизм, приводящий
к невозможному. Для этого изобретены четыре слова: NEscIEbAtIs
OrIgeEbAr LEtArE ROmAnIs. Относительно приведенных слов заметить,
во-первых, что в них содержится 15 гласных, столько же, сколько
несовершенных модусов. Во-вторых, отдельные слоги этих слов
обозначают по-порядку несовершенные модусы, а именно: hE
обозначает Baralip, seI обозначает Celantes, E-DabitIs, ba-Fapesmo
и т. д. В-третьих, отдельные гласные обозначают заключение того
несовершенного модуса в котором находится силлогизм,
приводящий к невозможному. Например, nE обозначает тот
совершенный модус, в заключении которого стоит E. Таким
совершенным модусом будет Celarent. То же самое и в других
случаях. В-четвертых, первое слово nesciebatis и пять его слогов
помещены вместо пяти косвенных модусов первой фигуры,
второе слово Origebar обозначает четыре модуса второй фигуры,
третье и четвертое слово Letare Romanis обозначает шесть модусов
третьей фигуры, как ясно на следующей схеме (А.П.).

Примеры несовершенных модусов, сводимых к совершенным

Jorem oppositum petit. iorque noxem	nE	bA	Каждое животное есть живое	Сводится к Cela- gent, где в заключении	cE	Ни одно живое не есть человек	contē d maior conc ess poioo n
		gA	Каждый человек есть животное	есть буква E	IA	Каждое животное есть живое	
		Pr	Некоторое животное есть человек		rEnt	Ни одно животное не есть человек	
	sd	cE	Ни одно животное не есть камень	Сводится к Dagii, где в заключении	DA	Каждый человек есть животное	
		IAp	Каждый человек есть животное	есть буква I	RI	Некоторый камень есть человек	
		tEs	Ни один камень не есть человек		I	Некоторый камень есть животное	
E	dA	Каждый человек есть смеющийся	Сводится к Cela- gent, где в закл. есть буква E	ce	Ни одно смеющееся не есть животное		
	bi	Некоторое животное есть человек		la	Каждый человек есть смеющийся		
	riS	Некоторое смеющееся есть животное		gent	Ни один человек не есть животное		
bA	fA	Каждый человек есть животное	Сводится к Barbaга, где в закл. есть буква A	Bar	Каждое животное есть лев		
	pEs	Ни один лев не есть человек		ba	Каждый человек есть животное		
	mO	Некоторое животное не есть лев		ra	Каждый человек есть лев		
tIs	frI	Некоторая доброта приятна	Сводится к Dagii, где в закл. е. буква I	Da	Каждое приятное есть порок		
	sE	Ни один порок не есть добро		ri	Некоторая доброта приятна		
	om	Некоторое приятное не есть порок		I	Некоторая доброта есть порок		
Stat ior, trahit oppositum de sede noxem	O	cE	Ни один камень не есть животное	Сводится к Feпо, где в закл. е. буква O	Fe	Ни один камень не есть животное	
		sA	Каждый человек есть животное		ri	Некоторый человек есть камень	
		rE	Ни один человек не есть камень		o	Некоторый человек не есть животное	
	rI	sA	Каждый человек разумный	Сводится к Dagii, где в заключении	Da	Каждый человек есть разумный	
mE		Ни один бык не есть разумный	есть буква I	ri	Некоторый бык есть человек		
	strE	Ни один бык не человек			Некоторый бык есть разумный		
	fEs	Ни один бык не человек	Сводится к Cela-	cE	Ни один бык не есть человек		
		цветок			цветок		

	E	ii no	Некоторая роза е. цветок Некоторая роза не есть бык	gent. где в заклю- чение буква E	IA gent	Каждая роза есть бык Ни одна роза не есть цветок	
	ba	ba ro co	Каждое лающее е. животное Некотор. собака ен е. животное Некотор. собака не е. лающее	Сводится к Barbara, где в закл. есть бук- ва A	bar ba ra	Каждое лающее е. животное Каждая собака е. лающая Каждая собака е. животное	
Siat nor. oppositumtransit maioris in aedem	IE	da ra pi	Любое молоко сладкое Любое молоко белое Некоторое белое е. сладкое	Сводится к Celagent, где в закл. есть буква E	ce la gent	Ни одно белое не сладк. Любое солоко белое Никакое молоко не сладк.	
	IA	re IAr IOn	Никакое молоко не е. мед Любое мол. сладкое Некотор. сладк. не е. мед	Сводится к Barbara, где в закл. есть бук- ва A	bar ba ra	Любое сладк. е. мед Любое мол. сладкое Любое мол. е. мед	
	IE	di sa mls	Некотор. мед е. белый Любой мед сладкий Некотор. сладкое е. белое	Сводится к Cella- gent, где в закл. есть буква E	ce la gent	Никакое сладк. не е белое Любой мед сладкий Никакой мед не белый	
	IO	da ils ii	Каждый грешник несчастен Некотор. грешник богат Некотор. богат. несчастен	Сводится к Fepo, где в закл. е. буква O	fe ri o	Ни один богатый не несчтен Некотор. грешник богат Некотор. грешник не несчастен	
	ma	bo cAr do	Некотор. мед не белый Любой мед сладок Некотор. сладкое не бел.	Сводится к Barbara, где в закл. есть бук-ва A	bar ba ra	Любое сладкое белое Любой мед сладок Любой мед белый	
	ni	re ri son	Ни один цветок не е. чел. Некотор. нарцисс е. чел. Некотор. нарцисс не е. цветок	Сводится к Darii, где в закл. есть бук- ва I	da ri i	Любой нарцисс е. цветок Некотор. чел. е. нарцисс Некотор. цветок е. чел.	

То же самое говорит стих: Phebiter ais obit terras aethramgo quotannis, придуманный для этих целей.

184. Арриага считает, что такая схема слишком трудная и приносит мало пользы. Он говорит: “Я вижу, что у тебя кружится голова от обращения такого количества посылок, а твой разум и память подавлены повторением и сравнением такого количества гласных и согласных, причем безо всякой пользы. Поэтому ты легко поймешь, насколько бесполезны подобные обращения, об этом я уже говорил в предисловии, хотя их с важностью преподносят в огромнейшем количестве составители кратких сводов” Что касается предисловия, то там сказано следующее: “Я опускаю почти все, касающееся приведения к невозможному, хотя об этом бесполезном и труднодостижимом предмете многие рассуждают больше, чем необходимо. Я в течение 20 лет непрерывно проводил время в школах и слушал многолюднейшие диспуты в самых славных академиях, но никогда еще не столкнулся с человеком, который бы воспользовался таким приемом, или, по крайней мере, испытывал бы такую потребность” Действительно, в любом доказательстве проще образовать силлогизм по косвенной, чем по прямой фигуре, если только не преследуют цель затемнить рассуждение. И если сразу не добиться желаемого таким образом, то кто поверит, что можно вспомнить все правила об остенсивном сведении, которые подаются в таком изобилии.

Тем не менее приведение к невозможному может осуществляться и без столь трудного наблюдения такого количества букв. Так, если противник отрицает следование на какой-нибудь из фигур, то ты сразу говори противоречащее (заключение, суждение) и соедини его с какой-нибудь из допущенных посылок согласно правилам под № 179.

Раздел шестой. О видах силлогизма

185. Силлогизм делится, во-первых, на доказательный (*demonstrativum*), диалектический (*topicum*) и софистический.

Доказательный состоит из достоверных (*certae*) и очевидных (*evidentes*) посылок, о нем говорится в логике.

Диалектический силлогизм тот, который включает в себя хотя бы одну вероятную (*probabilis*) посылку. Под вероятным здесь понимается то, что опирается на какое-нибудь солидное

основание. Такой силлогизм употребляется в диалектических суждениях, проблемах, положениях и вопросах.

Вопрос (*quaestio*) есть то, знания чего добиваются. Он бывает четырех видов. Из Аристотеля, начало II книги “Второй Аналитики”: “Существует ли нечто, что оно из себя представляет, каково оно по качеству, почему оно существует”, сюда можно еще добавить: “Сколько видов оно бывает (*quotplex*)”. Первый вопрос затрагивает возможность (существования) и существование, второй – сущность (*essentia*), третий – свойства, четвертый – причины, пятый – виды. После уяснения этих вопросов считается, что предмет познан (*exhauritur rei cognoscibilitas*).

Диалектическое положение определяется в десятой главе, I кн. “Топики”: “ есть вопрос правдоподобный для всех, или для большинства, или для мудрых, и из последних, одобряемый всеми, или большинством, или наиболее уважаемыми, не противоречащее здравому смыслу. Например, следует ли жертвовать жизнью ради друзей”

Проблема есть вопрос, допускающий двоякое решение (*in utramque partem*), вернее, контрверсия – “Топика”, кн. I, гл. 3. Относительно проблемы между людьми нет согласия, например: “Наслаждение является добром, или нет?” Положение (*thesis*) – это рационально обоснованное суждение какого-либо знаменитого мужа, противоречащее общепринятым представлением.

Диалектический предикат есть свойство (*attributum*) диалектического положения. Он бывает четырех видов: определение, род, собственный и случайный признак. Аристотель называет их диалектическими топами (*loci dialectici*) в I-ой книге “Топики”, гл.3. Топами они называются потому, что в них, как в засаде, скрываются доказательства, о чем говорит и Цицерон в “Топике” Как легко находятся спрятанные предметы, если указать и обозначить место (укрытие), точно так же мы обязаны знать топы, если хотим напасть на следующие доказательства. Как легко находятся спрятанные предметы, если указать и обозначить место (укрытия), точно так же мы обязаны знать топосы, если хотим напасть на след доказательства. Ведь они названы так Аристотелем, потому что представляют из себя как бы место, откуда мы достаем доказательства. Цицерон приводит 16 топов: от определения, от перечисления частей, от этимологии, от связанного (*a coniugatis*), от рода, от формы или вида, от аналогии (*a similitudine*), от отличия или несходства, от противного, от признака (*ab adiunctis*) или сопутствующих обстоятельств, от antecedентов и консеквентов, от

противоречия, от причин, от следствий, от сравнения больших, меньших и равных. Объяснением топосов занимается риторика, тем не менее мы приводим максимы, касающиеся топов в разделе о нахождении среднего термина.

Софистическое доказательство является ложным доказательством, оно не есть силлогизм в собственном смысле этого слова, но скорее противоположность силлогизму. Поэтому мы отбрасываем софизм к противоположностям доказательства. Силлогизму со средним единичным термином посвящен № 175.

186. Второе: один силлогизм является прямым и все термины в нем находятся в прямом падеже, другой – косвенным. Косвенный силлогизм содержит в себе посылки с терминами, стоящими в косвенных падежах. О последнем заметь следующее: если в косвенном падеже стоит не средний термин, то в заключении также употребляется косвенный падеж. Например: “Любое добро от Бога, философия есть добро, следовательно, она от Бога” Если же в косвенном падеже стоит средний термин, причем только в одной посылке, то и соединенный со средним крайний термин следует в заключении ставить в косвенном падеже. Например: “Гражданам надо заботиться о Родине. Но Петр и Павел суть граждане. Следовательно, Петру и Павлу надо заботиться о Родине” Но если средний термин стоит в косвенном падеже в обеих посылках, тогда оба крайних термина в заключении ставятся в прямом падеже. Например: “Любое добро от Бога, ни один грех не от Бога, следовательно, ни один грех не есть добро” Если же ты хочешь узнать, правильно ли построено косвенный силлогизм (*an syllogismus obliquus est in forma vel non*), то поставь термины в прямом падеже, сохраняя при этом смысл. И придя таким образом к правильно построенному прямому силлогизму, ты сможешь безошибочно судить о правильности косвенного силлогизма.

187. Третье: силлогизм делится на модальный и составной. Модальным будет тот, где по крайней мере одна из посылок находится в каком-нибудь из модусов. Для определения формы модального силлогизма требуется смотреть на средний термин, но не на модус. Итак если средний термин в обеих посылках является предикатом, то перед нами вторая фигура, если же он будет субъектом, то это третья фигура и т.д.

Составным силлогизмом называют тот силлогизм, в котором хотя бы одна из посылок составная. Но составные суждения могут быть как соединительными, так и разделительными,

поэтому силлогизм соответственно оказывается соединительным или разделительным. Правильное следование получается, когда в силлогизме большая посылка соединительная, а меньшая разделительная. Например: “И Петр есть белый, и Павел есть белый, но этот человек есть или Петр, или Павел, следовательно, этот человек есть белый” Неправильное следование получается из обоих разделительных посылок, как-то: “Или Петр есть белый, или Павел есть белый, но этот человек есть или Петр, или Павел. Следовательно, этот человек есть белый”

Иной результат получается в разделительном силлогизме, где большая посылка заключает в себе противоречащие разделительные суждения. Для утверждения там следует удваивать отрицание. Отсюда софизм: “Ты есть или святой, или не святой. Но ты не святой. Следовательно, ты святой” На самом деле следует удваивать отрицание: “Ты не есть не святой” Заодно обрати внимание на то, что разделительное суждение равнозначно (*acqualeat*) частному, а соединительное общему. Кроме того, хотя правило “заключение следует за слабейшей частью” и соблюдается в прочих силлогизмах, в разделительном силлогизме оно не принимается. В самом деле, из разделительной утвердительной посылки и просто отрицательной посылки правильно выводится утвердительное заключение. Например: “Или Петр пишет, или Павел пишет, но Павел не пишет, следовательно, Петр пишет” Основанием сего служит то, что разделительное суждение оказывается верным в той степени, в какой будет верным каждое из входящих в него суждений. Следовательно, из истинности или ложности противоречащего суждения верно определяется другое, входящее в разделительное суждение.

188. Силлогизм, в-четвертых, делится на гипотетический и каузальный.

В гипотетическом силлогизме одна или обе посылки условные. Например: “Если нет солнца, то нет и дня” Или: “Если есть ночь, то есть и день” Сила гипотетического силлогизма основывается на следующем принципе: “ для того, о чем истинно высказывается (*verificatur*) первый консеквент, истинно и все то, что следует за этим первым консеквентом” И на этом принципе: “Сколько раз связаны между собой два (суждения), столько же раз при утверждении и отрицании одного из них утверждается и отрицается другое” Кассилий считает, что сказанное о гипотетическом силлогизме имеет силу и относительно каузального силлогизма.

189. Сюда же относятся и другие силлогизмы, образованные из составных суждений. Таким будет этот *a priori*. “Как 2 относится к 4, точно так же 5 относится к 10, но 2 суть половина от 4, следовательно, 5 суть половина от 10” Построенный таким образом силлогизм не обладает нужной формой, ведь в нем терминов больше, чем четыре. Кроме того, здесь трудно отыскать средний термин. Тем не менее заключение по этому силлогизму вывести можно, и это происходит из-за другого силлогизма, скрытого в первом. А именно по модусу *Darii*: “5 к 10 находится всегда в том самом отношении, что и 2 к 4. Но 2 к 4 соотносятся как удвоенное. Следовательно, точно так же соотносятся и 5 к 10”

Иной пример: “Операция (действие разума – *A.P.*) есть то, куда логика привносит правильность (*rectitudo*), точно так же, как дерево будет тем, куда вносит свою форму плотническое искусство (*lignaria*). Но дерево является материальным объектом плотнического искусства, следовательно, операция есть материальный объект логики” В этом силлогизме нет распределенного среднего термина и его нельзя отнести ни к какой фигуре. Заключение же выводится на основании скрытого силлогизма: “Все то, куда логика привносит присущую ей правильность, как и плотническое искусство свою форму, является материальным объектом логики. Но операция есть то и т.д. “Аналогично и силлогизм: “Этот человек есть животное, так как он ощущает, но муха также ощущает, следовательно, муха есть животное” Ибо в нем скрыт силлогизм: “То, что обладает качеством “быть чувствующим”, на основании чего человек является животным, то есть животное. Но муха обладает качеством “быть чувствующим”, следовательно, муха есть животное” Эти примеры приведены нами с той целью, чтобы встречающиеся в диспутах силлогизмы подобного рода не вызывали подозрения.

Раздел седьмой. О противоположностях силлогизма

190. Софизм противоположен силлогизму. По-гречески “софизм” значит “обман” Это исходящее из, по видимости, истинных посылок доказательство дает ложное заключение. Например: “Меч относится ко второму склонению, но меч (по латыни синоним “*ensis*” – *A.P.*) есть меч (*gladius*). Следовательно,

меч (ensis) относится ко второму склонению” (В действительности “ensis” относится к третьему склонению – А.П.).

Софизмы бывают трех видов. Первый из них – силлогизм-псевдограф, сохраняющий правильную форму, но неправильный в материи. В нем употребляются, по видимости, необходимые посылки, которые в действительности суть ложные. Например: “Из ничего ничто не возникает, но разумная душа возникает из ничего, следовательно, разумная душа не возникает” В этом случае в большей посылке физический принцип приобретает не подобающее ему распространение.

Силлогизм второго вида, хотя его посылки и являются необходимыми или весьма вероятными, при правильности материи не сохраняет требуемую форму. Таким будет силлогизм, где заключение выводится лишь из частных посылок.

Третий вид софистического силлогизма отличается погрешностями как относительно материи, так и относительно формы. Это есть софизм в собственном смысле слова. Он делится на два вида: софизм, возникающий из неправильного применения словесных выражений (in dictione) и софизм внеязыкового происхождения (extra dictionem).

Софизмы, возникающие из неправильного применения словесных выражений

Аристотель перечисляет шесть таких софизмов.

191. Первый: омонимия (acquivocatio), при ней омонимичное слово (dictio aequivoca) употребляется то вместо одного, то вместо другого обозначаемого (pro significato). “Каждый, кто бежит, имеет ноги. Но часы бегут, следовательно, часы имеют ноги”

Второй: амфиболия, когда из суждения истинного в одном смысле выводят ложное заключение в другом смысле. Подобное явление происходит или в силу разного значения (сходных по виду) грамматических форм, например: “Епископы суть священники. Эти лошади принадлежат епископу. Следовательно, эти лошади суть священники” (В оригинале непереводаемая игра слов: “episcopi”- существительное мужского рода, II склонения, в родительном падеже ед.ч. в меньшей посылке смешивается с тем же самым существительным в именительном падеже, множественном числе, в большей посылке – А.П.). Амфиболия

может также происходить в силу различной суппозиции, как то: “Каждый читающий Гомера бодрствует, но спящий читает Гомера, следовательно, каждый спящий бодрствует” (Софизм основан на двусмысленности выражения “читать Гомера”, имевшего переносное значение — “спать, дремать”).)

Третий: связь и разделение (*compositio et divisio*). В первом случае софист ведет доказательство от разделительного смысла к собирательному или от собирательного к разделительному, как “Сидящий не может гулять, но ты сидишь, следовательно, ты не можешь гулять” Во втором случае доказательство ведется от одновременности возможности (*a simultate potentiae*), то есть когда существует возможность делать многое к возможности одновременного действия (действие) (*ad potentiam simultatis*), то есть когда существует возможность делать многое одновременно. Например: “Любое, для которого существует возможность гулять, может гулять. Но сидящий есть тот, для которого существует возможность гулять. Следовательно, может быть такое, что сидящий гуляет”

Четвертое: софизм от формального смысла к причинному, как-то: “Кто крепко спит, тот не грешит. Но кто много выпил, тот спит крепко. Следовательно, кто много выпил, тот не грешит” Здесь большая посылка употреблена в формальном смысле, а меньшая в причинном. Заключение же снова употреблено в формальном смысле.

Пятое: произношение (*accentus*), когда то же самое слово из-за различия в ударении обладает разным значением, так что софист доказывает от одного смысла к другому. Например: “Тот, кто убивает (*occi'dit*), грешит. Солнце заходит (*occidit*). Следовательно, солнце грешит” То же самое происходит, когда одно слово делят на многие слова или многие объединяют, в одно. Например: “Каждый делающий неохотно, делает по принуждению (*invi'te*). Но Бог делает ягоды в виноградной лозе (*in vite*). Следовательно, Бог делает ягоды по принуждению” То же самое происходит тогда, когда на произношение влияет форма: “Тот, кто называет тебя выдающимся, тот тебя хвалит. Но тот, кто называет тебя выдающимся пьяницей, называет тебя выдающимся. Тот, кто называет тебя выдающимся пьяницей, тебя хвалит” И так же: “Тот, кто говорит, что ты есть животное, говорит истину. Но тот, кто говорит, что ты есть осел, говорит, что ты есть животное. Следовательно, тот, кто говорит, что ты есть осел, говорит истину” То же самое происходит при изме-

нении гласной или дифтонга. Например: “Каждый справедливый (aegius) есть прав, Буцефал есть конь (equus), следовательно, Буцефал есть прав”

Шестое: двусмысленность грамматической формы выражения (*figura dictionis*), когда в силу сходства с одним заключают к сходству с другим. Таким образом доказательство ведется от одной категории к другой. Как-то: “Сколько пальцев у тебя было в детстве, столько их у тебя и теперь. Но в детстве у тебя были нежные пальцы. Следовательно, и теперь у тебя нежные пальцы” Здесь в большей посылке “пальцы” обозначают субстанцию, в меньшей же качество. Сюда следует относить и изменение суппозиции, которое мы объяснили под № 83.

Софизмы внеязыкового происхождения

192. Существует семь софизмов внеязыкового происхождения. Первый из них строится на основе акциденции, когда нечто приписывается вещи как таковой, в то время как это самое нечто присуще вещи лишь акцидентально. Например: “Для человека быть ученым является случайным признаком. Человек есть ученый. Следовательно, человек есть случайный признак”

Второй: из сказанного безусловно к сказанному условно (*adictione simpliciter ad dictum secundum quid*) и наоборот. Например: “Можно есть мясо, следовательно, можно питаться мясом в среду” или “нельзя есть мясо в среду, следовательно, вообще нельзя есть мясо”

Третье: подмена тезиса (*ignoratio elenchi*), когда во всяком случае не соблюдают закон противоречия. Опровержение (*elenchus*) представляет собой силлогизм, приводящий к суждению, которое противоречит принимаемому или отрицаемому суждению. Правильное опровержение обладает правильной формой и в заключении дает противоречащее суждение. Что касается опровержения, выдвигаемого с целью обмана, то в нем скрывается и то и другое. Например, если кто скажет юноше: “Ты есть меньше мужа и больше мальчика, следовательно, ты есть и больший и меньший, следовательно, о тебе истинно сказать противоречащие суждения” Но на самом-то деле эти суждения не являются противоречащими.

Четвертое: предвосхищение основания (*petitio principii*), когда в доказательстве допускается тавтология (*idem per idem*). Например, если кто-нибудь станет отрицать, что человек способен чувствовать, а в ответ станут доказывать (оспариваемое), опираясь на то, что человек есть чувствующий.

Пятое: софизм из следования (*a sequentis*). Здесь не соблюдают правила правильного следования, о которых речь пойдет в дальнейшем.

Шестое: софизм объяснения не из причин (*non causae ut causae*), когда говорится, что нечто является причиной чего-либо, хотя оно таковой причиной не является. Как-то: “Петр видит сам себя, потому что перед ним находится зеркало, но и слепой стоит перед зеркалом. Следовательно, и слепой видит сам себя”

Последнее: софизм объединения нескольких вопросов в один (*plurium interrogatum*), когда многие вопросы задаются как один вопрос, так что отвечающий попадает в ловушку и при утвердительном, и при отрицательном ответе. Например, если софист задает вопрос: “Человек и осел суть разумные животные, да или нет?” Если на вопрос отвечать утвердительно, то софист скажет: “Следовательно, человек не есть разумное животное”

Софизмы устраняются, во-первых, с помощью разъяснения или объяснения терминов, употребляемых в различном смысле. Во-вторых, при помощи отрицания большей посылки, которая обычно высказывается как общая и бывает ложной. Третий способ заключается в отрицании следования при согласии с большей и меньшей посылками. Дело в том, что софизмы не обладают правильной формой, так что неправильность следования обнаруживается с необходимостью.

Вопрос четвертый. О способе нахождения среднего термина и о диалектических максимах

193. Что представляет собой средний термин, известно из № 152, здесь же исследуется вопрос о том способе, как его отыскать. Древние (*veteres*) измыслили очень трудный и темный способ для простейшего нахождения среднего термина. Такой способ заслужено называли “мостом для ослов” (*pons asinorum*). Помещаемые ниже стихи содержат в себе (вымышленные правила):

*Fecana(t) cageti Daphenes hebare gedaco
Ba(r)geli stant sed non stant Phebas, Hebas et Heias*

Но мы оставляем этот мост среди скифских болот, ибо с него скорее свалишься в глубины Эврипа. В самом деле, там содержится неисчислимое количество правил, для запоминания которых требуется поистине ослиный труд. Кроме того, (способ, о котором идет речь) скорее приводит умы в замешательство, чем способствует лучшему уяснению. Наконец, (поступая таким образом), мы действуем по примеру Гуртадо, сказавшего, что подобное искусство нахождения среднего термина представляет собой пустое времяпрепровождение и затмение разума. Отсюда (возник) и (следующий) стихок:

*Quid logicus de ponte cadens asinus ne vocandus
Si sic sunt plures asini quam sydera coeli
“Не следует логика, не ослившего “мост для осла”, называть ослом,
В противном случае ослов окажется больше, чем звезд на небе.*

194. Отвечаю, во-первых, соглашаясь с Арриагой. Не существует более удобного способа нахождения среднего термина, чем счастливо (одаренный) ум, постоянная учеба, богатый опыт ответов на вопросы и участия в диспутах, наконец, отличная память, хранящая в себе все, что было в сходных ситуациях услышано от других и придумано тобой самим. Действительно, каким образом можно подыскать общее правило для различных, несогласных друг с другом (*disparatas*) и даже противоречащих следований, которые необходимо доказывать для различных материй?

Первое облегчит твои действия, а два последующих необходимы для более легкого нахождения среднего термина.

195. Отвечаю, во-вторых, для доказательства общеутвердительного (суждения) берут термин вышестоящий для субъекта заключения, косеквент, и нижестоящий для предиката заключения, антецедент. Например, если кто-либо захочет доказать следующее суждение: “Каждый человек есть живой”, то он должен привлечь вышестоящий термин, как-то: “животное”

Второе, при заключении из общеотрицательной посылки надо брать термин, вышестоящий по отношению к субъекту вывода. Например: “Следовательно, ни один человек не есть

камень” Здесь подставляется термин “животное”, несовместимое с предикатом “камень”

Третье, в заключающей частноутвердительной посылке вместо среднего берется консеквент, вышестоящий по отношению к субъекту, и антецедент, вышестоящий по отношению к предикату. Например: “ следовательно, животное есть субстанция, так как оно существует само по себе”

Четвертое, когда заключение представляет собой частноотрицательное суждение, вместо среднего термина ставим антецедент или нижестоящий по отношению к субъекту (термин), несовместимый с предикатом заключения. Например, для вывода: “ следовательно, некоторое животное не есть камень” удобным будет средний термин “человек” Сюда же относится и лулианово искусство, если кто-нибудь применял его, опираясь на комментарии Кирхера с объяснениями Книттеля.

196. Третье: для нахождения среднего термина чрезвычайно полезно знакомство с диалектическими топосами, о которых было кое-что сказано под № 185. И также с максимами или аксиомами, свойственными каждому топосу. Важнейшие максимы помешаю я ниже.

Максимы, относящиеся к определению: первая – то, что утверждается или отрицается относительно определения, одновременно утверждается или отрицается относительно определяемого и наоборот. Максима, вторая – имеет силу следование от самостоятельного существования (*subsistendi consequentia*) определения к самостоятельному существованию определяемого. И наоборот. Сюда же относятся и этимологические максимы. Первая из них: чему присуща (*cui competit*) вещь, тому присуща и этимология вещи. Так тому, кому присуще быть консулом (*esse consulem*) присуще также заботиться о государстве (*onsulere rei-publicae...*). Максима вторая: тому, чему присуща этимология, может быть также присуща и вещь. Например: “Если кто-нибудь заботится о государстве, то он может быть консулом”

Максимы от рода к виду: первая – то, что общим или частным образом утверждается относительно рода, утверждается или отрицается общим или частным образом относительно видов того же рода. И так если о “животном” утверждается “живое” и “чувствующее”, то тоже самое утверждается относительно “человека”, “льва” и прочих относящихся к “животному” видов. И так как о “животном” частным образом говорят “двуногое”, то же самое говорят и о некоторых видах. Далее, относительно животного об-

шим образом отрицают, что он есть ангел, и одновременно то же самое отрицают относительно всех видов животного.

Максима вторая: о чем отрицается род, о том отрицаются и все виды данного рода. Если же род утверждают относительно чего-либо, то одновременно утверждаются лишь некоторые виды, входящие в утверждаемый род. Так, если мы отрицаем относительно камня предикат “животное”, то одновременно можем сказать, что камень не есть человек. И, утверждая о Петре то, что он есть человек, мы говорим о нем как о некотором виде животного, а именно как о человеке. Но о Петре нельзя сказать как о всех видах животного.

Максима третья: в чем содержится вид, в том же содержится и род, соответственно 2 гл. 2 кн. “Топики” Так, в чем находится “человек” или “скотина”, в том же находится и “животное”

Максима четвертая: то, что присуще (*convenit*) виду, может быть присуще и роду. Например, то что может быть присуще человеку, оказывается присущим и животному, но не наоборот, так как животное может быть неразумным, а человек разумен.

Максима пятая: тот род обладает преимуществом (*nobilior*) по сравнению с другим родом, если под ним находится какой-нибудь вид, превосходящий (*nobilior*) все виды второго рода. Так, “животное” превосходит “растение” Отсюда стихотворение св.Дионисия:

Infimum supremi nobilius est supremo in finis
“*Низшее высшего превосходит высшее низшего*”

Максимы от вида к роду. Максима первая: при утверждении (*posita specie*) вида утверждается и род. Например: “Петр есть человек. Следовательно, есть животное”

Максима вторая: при отрицании всех видов (*sublatis omnibus speciebus*) отрицается и род. Как то: “Камень не есть лев, не есть бык, не есть человек, следовательно, камень не есть животное”

Максима третья: то, что присуще некоторому виду, присуще и роду, но частным образом. Так, человеку присуще быть разумным, а значит, и животному присуще быть разумным частным образом, то присуще лишь некоторому животному. Максима четвертая: то, что несовместимо с видом (*repugnat speciei*), несовместимо и с родом, но частным образом. Итак если “быть разумным” несовместимо с быком, то оно несовместимо и с некоторыми животными.

Максимы отличия: первая – отличие обратимо с видом.

Максима вторая: тому, чему противоречит (*repugnat*) отличие, противоречит и вид. Так, камень не может быть разумным, следовательно, он не может и быть человеком.

Максимы материи “из которой” Максима первая: от существования материи (*ab existentiae materiae*) заключают к возможным действиям (*infertur effectus*). Например, “так как есть материя (сукно), то может получиться и одежда”

Максима вторая: с уничтожением материи уничтожается и действие. Например: “Камней недостает, следовательно, стену построить нельзя”

Максима третья: какова материя, таково и действие. Например: “Сукно дешевое, следовательно, и одежда недорогая” Максимы материи “в которой” Максима первая: каков субъект, таковы и случайные признаки. Например: “Стена есть материальный субъект, следовательно, и помещающаяся в стене белизна материальна”

Максима вторая: то, что находится в более достойном субъекте (*digniori*), будет и само более достойно. Вторая максима применима для собственных признаков, в четвертом модусе. Например, способность смеяться для человека. Само собой разумеется, что белизна как таковая в человеке и лебедь не отличается по достоинству.

Максимы материи “относительно которой” Максима первая: при наличии объекта может существовать наука (*scientia*) или относящееся к объекту состояние (духа) (*habitus*).

Максима вторая: каков объект, такова и способность (познавательная) (*potentia*), так материальный объект воспринимается благодаря материальной способности, так что духовная способность (*potentia spiritualis*) обращается к объекту только тогда, когда он очищен с помощью умопостигаемых образов.

Максима третья: чем достойней (*dignius*) объект, тем более достойно обращенное к нему искусство, наука, знание (*habitus circa illud*). Поэтому теология более достойна, чем медицина, ведь объектом теологии является Бог, а объект медицины – тело, подлежащее лечению.

Максимы формальной причины: максима первая – при наличии формы существует и результат действия (*effectus formalis*) положенной формы.

Максима вторая: с уничтожением формы уничтожается и формальный эффект. Как-то: “В Петре нет души как формы, следовательно, Петр не живет”

Максима третья: то, чья форма предпочтительней, (*praestantior*) и само является более предпочтительным. Например, форма человека предпочтительней формы неба, следовательно, человек более предпочтителен, чем небо.

Максимы от частей к целому и от целого к частям. Максима первая: при наличии всех частей наличествует и целое.

Максима вторая: при уничтожении хотя бы одной из частей уничтожается и целое.

Максима третья: то, что с необходимостью сопровождает часть, то с необходимостью сопровождает и целое. То, что несовместимо с частью, несовместимо и с целым, хотя бы частным образом.

Максима четвертая: при наличии целого с необходимостью существуют части. При уничтожении целого части его с необходимостью уничтожаются.

Максимы действующей причины. Максима первая: при наличии актуальной причины (*poita causa in actu*) в действительности (*in actu*) существует действие (*effectus*) от причины, хотя бы в становлении (*in fieri*). Так, если огонь нагревает, то чему-то необходимо нагреваться.

Максима вторая: если действующая причина существует в возможности, то и ее действие также существует в возможности. Например, Бог может создать другой мир. Следовательно, иной мир возможен.

Максима третья: нормальная причина (*bona causa*) влечет за собой нормальное действие, ненормальная — ненормальное. Например, если глаз здоров, то и зрение хорошее.

Максима четвертая: при наличии необходимой действующей причины со всем потребным (*cum omnibus RE uiquisitis*) (для действия) действие существует в действительности.

Максима пятая: при уничтожении причины в возможности уничтожается и действие в возможности. Так, если предположить, что Антихрист не будет существовать, то и его преследования не будут в будущем иметь места.

Максима шестая: при уничтожении причины в действительности уничтожается в действительности и ее действие. Так, когда заходит солнце, день заканчивается.

Максима седьмая: при устранении действующей причины и наличии сохраняющей причины (*causa conservans*) действие не устраняется. Так, после смерти отца сын не умирает, ибо оста-

ются сохраняющие причины, а именно, пища и надлежащее соотношение (*bona temperies*) качеств в теле.

Максима восьмая: от существования действия дозволяется доказывать к существованию причины. Например: “Есть сын, следовательно, был и отец”

Максима девятая: любой пассивной способности (*potentia passiva*) соответствует способность активная. Так, сгораемости (*combustibilitas*) дерева соответствует способность к сжиганию (*combustivitas*) огня.

Максима десятая: если отрицание есть причина отрицания, то утверждение есть причина утверждения. Так, неправильное соотношение (*asymetria* (*sic*)) горячего и холодного является причиной нездоровья, и их правильное соотношение (*symetria*) будет причиной здоровья.

Максима целевой причины. Максима первая: для (достижения) цели необходимы средства (*media*).

Максима вторая: средство для достижения доброй цели само есть доброе. Если цель плохая, то и средство плохое. Например: “Философия есть добро (*bonum*), следовательно, и занятие философией есть благо. Убивать – плохо, следовательно, и строить козни”

Максима третья: если цель возможна, то возможны и средства. И наоборот. Например: “Ты можешь спастись, следовательно, ты можешь соблюдать законы, данные Богом”

Максима четвертая: после достижения цели средства становятся излишними (*cessant*), если только они не нужны для сохранения (достигнутой) цели. Например: “Есть мир, следовательно, не нужно сражаться” Но не так: “Этот человек есть ученый, следовательно, ему нет надобности больше учиться”, потому что учение поддерживает ученость.

Максима пятая: при намерении (добиться) цели следует выбирать средства. Например: “Если хочешь быть ученым, ты должен учиться”

Максима шестая: если нечто обладает качеством (*est tale*) благодаря чему-либо другому, то такое другое обладает качеством в большей степени. Например: “Так, как медицину любят из-за здоровья, то само здоровье должны любить гораздо сильнее”

Максимы возникновения и уничтожения. Максима первая: возникшее от благого рождения (*cuius generatio est bona*) само есть благо.

Максима вторая: то будет добром, для которого уничтожение есть зло.

Максима третья: для чего уничтожение есть добро, то само является злом. Например, уничтожение греха является добром, а сам грех злом. Уничтожение здоровья есть зло, а само здоровье добро. Рождение Христа было добром, да и сам он добр. Рождение Антихриста будет злом, да и сам Антихрист зол.

Максима четвертая: рождение одного представляет собой уничтожение другого, и наоборот. Так, рождение огня есть уничтожение для дерева и наоборот.

Максима пятая: то является благом, пользование (*usus*) чем само по себе есть благо. Но будет злом то, пользование чем само по себе есть зло. Например: “Иметь связь с демонами есть зло, следовательно, магия есть зло” Мы добавили “само по себе” так как акцидентально может быть благим уничтожение другого блага. Например, смерть Христа явилась благом для нас, хотя сама по себе она была наихудшим из зол, и Христос не был соответственно злом.

Максимы антецедента и следования изложены под № 152.

Максимы случайных признаков. Максима первая: субстанции познаются из случайных признаков.

Максима вторая: различные (*diversa*) субъекты имеют различные случайные признаки.

Максима третья: случайные признаки находятся в соответствии (*proportionantur*) со своими субъектами.

Сюда же относятся и максимы действия, (*operationis*). Максима первая: из действия познается природа вещи.

Максима вторая: действие следует за бытием. То есть вещь должна сначала существовать, а уже потом действовать. И если вещи присуще определенное действие, то ей присуща и определенная природа. Например: “Рассуждает, следовательно, есть разумный” Таков смысл выражения “Способ действия следует за способом существования (*modus operandi sequitur modum essendi*)” Сюда также относятся сопутствующие обстоятельства или сопровождающие знаки, когда при наличии естественного знака полагается существующая в природе вещь, но не наоборот. Например: “Есть дым, следовательно, есть огонь. Он побледнел, следовательно, совесть у него не чиста” Но не так: “Дыма нет, следовательно, и огня нет”

Максимы при сравнении подобных (*comparationis similium*). Максима первая: тождественны суждения о том, в чем схожи между собой подобные (*similium in quo sunt similia idem est iudicium*) или — определения подобных суть подобные.

Максима вторая: различны суждения о том, в чем разнятся не схожие (*dissimilia*).

Максима третья: имеющие одинаковое определение относятся друг к другу одинаково (*quorum par est ratio ea se habent eodem modo*).

Максима четвертая: подобными являются те, у которых качество одинаково.

Максима пятая: что имеет силу для одного из подобных, то же самое имеет силу и относительно другого. То, что имеет силы для одного из подобных, не имеет силы и для прочих. Например: “Кормчий (*gubernator*) на корабле нужен для того, чтобы сохранять корабль от приближающихся опасностей. Следовательно, и правитель (*gubernator*) в государстве”

Максима шестая: несхожие сходятся с несхожими.

Максимы для равных. Максима первая: принимая одно из равных, следует принимать и другое в том, в чем они равные суть.

Максима вторая: как безотносительное относится к безотносительному (*simpliciter*), так же большее (*magis*) к большему.

Максимы большего и меньшего. Максима первая: если нечто кажется большим, таковым не являясь, то и меньшее не будет меньшим.

Максима вторая: если казавшееся меньшим в действительности таким и окажется, то казавшееся большим и будет большим. Например: “Мальчик способен нести этот груз, тем более способен нести груз силач. Аристотель не смог дать определения Бога, следовательно, и ты не можешь”

Возможность следования от вышестоящего к нижестоящему и наоборот объяснялась под №№ 73 и 76.

Максима (*repugnantia*). О чем утверждают одно противоположное, о том же отрицают другое, но не наоборот. Например: “Стена есть белая, следовательно, не есть черная” Сказано: “не наоборот”, так как в противном случае мы будем иметь дело с противоречивыми (*disparata*).

Максимы противоположного. Максима первая: противоположные относятся к одному и тому же субъекту.

Максима вторая: то, чему присуще одно противоположное, может быть присуще, в свою очередь, и другое противоположное.

Максима третья: следования из противоположных противоположны между собой. Например: “Господину следует приказывать, а слуге подчиняться”

Максима четвертая: противоположные таким образом несовместимы друг с другом (*ita pugnant inter se*), что они не могут быть точно так же несовместимы с чем-либо иной природы.

Максимы отношения. Максима первая: относительные уничтожаются и существуют одновременно. Например: “Есть господин, следовательно, есть и слуга. Нет господина, следовательно, нет и слуги”

Максима вторая: нет знания и незнания об одном из членов отношения, но сразу об обоих.

Максимы противной противоположности. Максима первая: о чем утверждается одно противное (понятие), о том же отрицается другое.

Максима вторая. Определения противных понятий противны между собой. Например: “Добродетель похвальна, следовательно, порок порицаем”

Максима третья: не может быть в субъекте того, с предположением которого в субъекте оказываются два противоположных (понятия). Например: “Если формально в человеке будет находиться природа огня, то человек будет одновременно тяжелым и легким”

Максима противоречия и лишённости: если один из членов противоречия высказывает о субъекте ложно (*non verificatur*), то второй с необходимостью истинно. Например: “Если мы ложно утверждаем, что человек жив, то, следовательно, истинно сказать, что он мертв”

Максимы сопряженных (*coniugatorum*). Максима первая: с чем связано одно сопряженное, с тем связано и другое. Например: “Трезвость похвальна, следовательно, и трезвого надо похвалить”

Максима вторая: с чем не связано одно из сопряженных, с тем не связано и другое. Например: “Нечестие не похвально. Следовательно, не надо хвалить и нечестивца”

Максима деления: о чем отрицаются все члены деления, о том же отрицается и само делимое.

Максима вторая: члены деления, взятые по отдельности, суть меньшие, чем делимое.

Максимы свидетельства, то есть божественного или человеческого авторитета. Следование обладает силой благодаря утверждению, но не отрицанию. Поэтому правильно заключают: “Писание говорит, что Бог един в трех Лицах. Следовательно, Бог един в трех Лицах” Но неправильно: “В Писании отсутствует термин Троица, следовательно, Св.Троицы не существует” Или: “В Писа-

нии не сказано, что следует праздновать в воскресенье. Следовательно, не надо праздновать в воскресенье”

Максима вторая: чем больше авторитет сказавшего, тем более следует доверять сказанному.

Максима третья: следует верить человеку, добившемуся наибольших достижений в своем искусстве. Например: “Аристотель сказал, что Земля неподвижна. Следовательно, земля неподвижна” и т.д.

Раздел последний. Термины, которые употребляют в диспутах с целью разъяснения

197 **Философы**, когда отвечают на вопросы, обычно пользуются четырьмя словами: *concedo, transcat, nego, distingo* (соглашаюсь, не относится, отрицаю, различаю). Соглашаются с истинным суждением, ложное суждение отрицают, оставляется (*transitur*) суждение, не относящееся к вопросу или неясное. Причем надо обосновать причину отклонения суждения, если же оно сомнительное или обладает несколькими значениями, то необходимо прибегнуть к различению (разъяснению). Тогда мы согласимся с ним в одном истинном смысле, а в другом будем его отрицать. Ниже я привожу некоторые термины такого различения с комментарием.

198. **Абсолютно** (безусловно – *А.П.*) – говорят, во-первых, когда рассматривают вещь только как таковую (*in se sola*), вне отношений к иному, обладающую определенным предикатом. “*Соответственно*” противоположно абсолютному и (означает), что предикат присущ вещи не как таковой, но только в отношении (*cum respectu*) к другому. Так учащийся человек может быть безусловно назван ученым, а относительно невежд ученым.

Абстрактно и **конкретно** – понятны из сказанного под № 46 об абстрактном и конкретном термине. **Абстрагировать** и **praescindere** тождественны.

В действительности и **В возможности** – существовать в действительности (*esse actu*) или действительно (*actualiter*) обозначает вещь, существующую здесь и теперь вне своих причин (*potentia*). “В возможности” говорят о вещи, которая может быть,

но пока ее нет. Отсюда ясно, что эти термины обозначают то же самое, что “быть данным фактически” и “быть возможным”

Акт (действие — *А.П.*) иногда употребляется вместо *действия* (операции — *А.П.*). Например: “Познание есть операция разума”, или акт.

Акт, во-вторых, обозначает простейшую форму, не допускающую никакой соединимости (*formam simpliciter omnimoda nullam admittendis compositionem*). Так Бог есть чистейшее действие (*actus purissimus*).

В первом акте и во втором акте обозначают то же самое, что *в действительности и в возможности*. *В ближайшем акте* (*in actu proximo*) обозначает, что налицо всё требуемое для действия. *В отдаленном акте* указывает на то, что для действия многого ещё не достаёт. *При производимом действии* (*in actu exercito*) и *при указанном действии* (*in actu signato*). *При указанном действии* обозначает то же самое, что и при прямом, осмысленном действии, то есть при обдумывании, с намерением. *При производимом действии* обозначает “без намерения”, попутно, вместе с другим действием.

Адекватно — то же, что и целокупно (*totaliter*), относительно всего. Противоположность данному термину — *неадекватно*, то же самое, что и в отношении чего-либо (*secundum quid*), относительно части, частично. Поэтому неадекватно отличаются друг от друга вещи, когда одна из них без всякого на то основания включает в себя другую.

Категорично — то есть кратко, определено (*determinate*), ясно, без лишних слов, употребляя какой-нибудь термин из 10 категорий.

Категорематично и синкатегорематично — эти термины употребляются в физике, когда речь идет о бесконечности. Там они и будут нами рассматриваться.

При прочих равных или неравных (*ceteris paribus*) — такие термины употребляются, когда довод опирается на сходство одной вещи с другой, если другая вещь подобна первой в некоторых отношениях и неравная, несхожая в других отношениях. Так большой огонь при прочих равных жжет сильнее, чем маленький, если только последний не находится ближе к тебе, чем большой.

Каузально — смотри формально.

Собирательно (*collective seu copulative*) или *соединено* — обозначает то, что некоторые вещи берутся одновременно. Противоположные термины — *разделительно* (*disiunctive*) и *распределительно* (*distributive*).

Составной (complexe) обозначает сложную вещь, ему противоположен *неполный* (incomplexe).

Сопутствующим образом (concomitanter) есть то, что происходит не раньше и не позже, но одновременно. Ему противоположны *предшествующим образом* (antecedenter) и *последующим образом* (consequenter).

Случайно (contingenter) — то, что может быть и не быть, действовать и не действовать. Ему противопоставляется *необходимо*.

Прямо (непосредственно — directe). Первое значение: рассматривать что-либо как таковое, ради него самого, исходя из первой интенции. Противопоставляется *опосредованно* (indirecte), *вторично* (secundario), *акцидентально* (per accidens) рассматриваемое. Второе значение: прямо познавать то, что сначала подпадает под деятельность познавательной способности. Противопоставляется *рефлексивно* (reflexe), когда после получения первого знания кто-нибудь на таком знании сосредоточится и направит на ранее познанное вторую интенцию.

Определенно (determinate) обозначает точно указанную (certam) вещь. Неопределенно или неясно (confuse), то есть некоторая вещь, но не эта и не та.

Физическое и логическое отличие (Diversitas physica et logica). Физическое различие обозначает действительное различие (a parte rei), логическое — различный способ понимания.

Сущность (essentia) — есть определенность (quidditas) вещи или то, чем определяется внутреннее бытие вещи (id per quod res in suo esse intrinseco).

Существование (existentia) обозначает то, что вещь находится вне породивших ее причин (extra causas suas posita).

Бытие — (esse) иногда употребляется вместо “сущности”, тогда говорят, что термин употреблен номинально. Иногда вместо “существования”, тогда говорят о вербальном употреблении, потому что (термин) обозначает “существовать”

Существенно — первое значение: когда нечто определяется или отличается благодаря тому, что входит в его сущность. Противопоставляется *случайным образом* (акцидентально accidentaliter), благодаря тому, что не входит в сущность. Так человек отличается от осла существенно, благодаря разумности, а европеец от эфиопа акцидентально. Второе значение: существенно значит независимо от другого. Так Бог существенно вечен, мудр. Противопоставляется *сопричастно* (participaliter), то, что зависит от другого. Так человек сопричастно мудр, вечен.

Эксплицитно и имплицитно — то же самое, что и явно, скрытно.

Экстенсивно и интенсивно. Экстенсивно обозначает распространенность какой-нибудь вещи на многие времена, места и объекты. Противопологается “интенсивно”, когда сама бытийность (entitas) обладает многими степенями совершенства. Так имеющий 15 флоринов в мелкой монете экстенсивно насчитывает больше денег, нежели тот, у которого есть один золотой. Но нельзя сказать, что он имеет больше денег интенсивно.

Формально противопоставляется многим терминам. Первое: *формально и метафорически* (analogice), то есть собственно и не собственно. Так человек смеется формально, а луга благодаря метафоре. Второе: *формально и материально*, что присуще на основании формы и материи. “Формально” означает здесь то же самое, что и “удвоительно” (reduplicative), “материально” — “спецификативно” (specificative). Так музыкант философствует материально, но не формально. Третье: *формально* — со стороны действия (разума) (ex parte actus), то есть благодаря нашему способу понимания. Противопоставляется реально, в действительности (realiter, a parte rei). Четвертое: формально, когда сама форма определяет (informat) и делает что-либо. Противопоставляется каузально или *в силу действующей причины* (efficienter), когда форма воздействует не непосредственно, но через нечто ею же произведенное. Так свет освещает формально, потому что сам является освещающей формой, солнце же освещает как действующая причина, ибо оно производит свет, освещающий формально. Пятое: *формально и потенциально* (virtualiter). Так огонь будет горячим формально, потому что обладает нагревающей формой, перец же является потенциально горячим, так как он обладает согревающей способностью. Противопоставляется и *превосходно*, (eminenter), то есть то, что имеет не только такую форму, но нечто большее. Так Бог является человеком *превосходящим образом*. Шестое: *формально*, что является таковым в действительности, противопоставляется *фундаментально* (fundamentaliter), *диспозитивно* (dispositively), *радикально* (radicaliter). Так учащийся логике является логиком формально, а учащийся грамматике будет логиком диспозитивно. Седьмое: *формально и эквивалентно*, то есть в соответствии со своей бытийностью, но не в соответствии с равной или похожей. Эквивалентно — напротив. Так, тот, кто взял в долг три золотых, а впоследствии возвратил шесть имперIALов, не отдал золотые формально, но эквивалентно.

От *приобретенного свойства* (habitualiter) обозначает свойство или качество, приобретенное благодаря частым действиям ради облегчения деятельности. Противопоставляется в *действительности*. Так логиком от приобретенного свойства называется тот, кто выучил логику, но (теперь) ею не занимается. Логиком в действительности будет тот, кто сейчас ею занимается.

Здесь и теперь, то есть в это время и в этом месте. Противопоставляется *безотносительно* (absolute).

В становлении (in fieri) — когда возникает в действительности или находится в действии (in exercitio).

В завершении (in facto) — когда уже возник (factus est).

Начальным образом — то, что начинается, противопоставляется *полностью* (complete), *совершенно* (perfecte), то, что закончено.

Включительно (inclusive), то есть включая в себя это время или этот термин. Противопоставляется *исключительно* (exclusive), не включая термин.

В прямом падеже, в косвенном падеже (in recto, in obliquo). Такие термины применяются для объяснения имен предметных (nomina concreta), которые имеют два значения, одно в именительном падеже, другое в прочих именах. Например, “белое” в именительном падеже служит для обозначения субъекта, в косвенном — белизны.

В собирательном смысле (in sensu composito), когда предикат присущ субъекту на основании формы, в то время, которое выражено глаголом. Например, “грешник будет наказан” Противопоставляется *в разделительном смысле* (in sensu diviso), когда предикат присущ субъекту и в другое время, отличное от выраженного глаголом. Например: “Грешник спасается, слепые видят” и т.д.

Интенционально (intentionaliter), то есть в силу познания, объективно. “Интенционально” употребляется двойко. *Первично интенционально*, когда нечто познается так как оно существует в действительности, в таком случае предикат не создается в процессе познания, но находится. Так, когда я говорю: “Человек есть животное”, то концепт здесь дан первично интенционально. *Вторично интенционально* — когда нечто познается в той степени, в какой оно уже было познано ранее, как получившее в процессе познания некоторый предикат. Как то: “Человек есть вид, животное — род”

Внутренне (intrinsece) — в первом значении то же самое, что и существенно. Во втором значении то же самое, что соединенное с другим. Противопоставляется *внешним образом* (extrinsece).

По присущности, (inhaesive), по принадлежности (adhaesive), образовательно (informative), производно (denominative) говорится исходя из различных субъектов, о которых будет говориться в "Физике" Логически и физически – то же самое, что (воспринимается) рассудком и (существует) в действительности (a parte rei). Опосредованно (mediate), то есть посредством чего-либо. Непосредственно (immediate), то есть без всего посредующего. Нравственно (moraliter), то есть исходя из здравого смысла и оценок мудрых людей. Теологи понимают это слово несколько иначе. Противопоставляется физически, то есть исходя из бытийности.

Природа – первое: природа творящая (natura naturans) есть Бог, природа сотворенная (natura naturata) суть создания. Второе: природа есть начало (principium) движения и покоя, как сказано в физических книгах. Третье: природа есть прирожденное соотношение элементов (temperamentum). Четвертое: природа есть естественная склонность или расположение.

Естественно (naturaliter) – первое: говорят о том, что происходит вне зависимости от человеческой деятельности (industria). Противопоставляется искусственно (artificialiter). Естественно во втором смысле: в силу врожденной внутренней склонности, так огонь стремится вверх, а камень вниз. Противопоставляется насильственно (violenter). Естественно в третьем значении: благодаря силам природы и обычному порядку вещей. Противопоставляется сверхприродно, то есть превосходя возможности природы.

Необходимое – одно безотносительно необходимое, то, что не может быть иным благодаря внутренним началам. Например: "Человек есть разумный" Другое – в отношении к чему-либо или в силу подстановки. Так предполагая, что я бегу, я необходимо должен двигаться.

В силу необходимости следования и необходимости консеквента. Необходимость следования, по-иному называемая логической необходимостью, выводится из силлогической формы при принятых большей и меньшей посылках. Необходимость консеквента выводится только из связи субъекта и предиката, но не из связи со средним термином. Кроме того, форма в расчет не принимается.

Физическая необходимость – есть следование действия из необходимой причины, как-то жары из огня. Нравственная необходимость – есть следование действия из свободной причины в соответствии с обычным порядком вещей. Она может проявляться и иным образом, но с трудом. Так у человека свыкшегося

с грехом мы находим что-то близкое к нравственной необходимости грешить. *Объективно* есть то, что предстает перед способностью или представляется. *Субъективно* – то, что находится в другом, как в субъекте. Так, белизна объективно существует в моем глазу и субъективно в стене.

В порядке намерения и в порядке исполнения (ordine intentionis et ordine executionis) – эти термины связаны с целью и со средствами. Цель является первой в порядке намерения по сравнению с со средствами. Но в порядке исполнения средства окажутся первой по сравнению с целью. Так сначала учеба, а потом философия.

Само собой (per se) – то есть ex professo exintento, исходя из природы вещи. Так логику самому по себе следует строить силлогизмы, пет же акцидентально (per accidens).

Позитивно (positive): нечто называется таким, если оно им является благодаря положительной форме или реальной внутри существующей формы. Например, обладающий добродетелью называется положительно добрым. Противопоставляется *отрицательно* (negative), не имеющее ни формы, но противоположного ей. Так не обладающий ни добродетелью, ни пороком называется отрицательно добрым. Отсюда говорят: “существовать положительно”, то есть существовать в действительности. Существовать отрицательно означает не иметь действительной бытийности, как темнота. *Способность* (potentia): одна объективная к существованию, деятельная или действия, страдательная для воспринимания. Относящееся к таким способностям действие называется бытийным (entitativus), если речь идет об объективной способности, воздействием (operatio) в случае деятельной способности и формальным действием или формой в случае страдательной.

Абсолютное и надлежащее могущество Божье – последнее (проявляется) в повсеместно существующем, Им же созданном порядке и в действиях вторичных причин. Первое свыше и противоречащее такому порядку, проявляющееся настолько, насколько оно не скрыто. Логическая и физическая способность. Последняя есть действительно существующая сила для произведения некоторого действия. Логическая – непротиворечивость, отсутствие препятствий для деятельности или претерпевания, даже если дело и не дойдет до действия.

Первично (primario), то есть в начале, относящейся к первой интенции. Противопоставляется *вторично* (secundario).

Первоначально (principaliter) действует причина, которая производит действие самостоятельно. Противопоставляется как орудие

(instrumentaliter). Например, первоначально пишет человек, а перо пишет как орудие.

Предшествующий (prius), о способах употребления этого термина речь пойдет (в разделе) о постпредикаментах.

Предшествуя умозрительно (prius ratiōe), то есть в силу нашего способа понимания. Так “животное” умозрительно предшествует “человеку” Поэтому также говорят, что следование предшествует в самостоятельном существовании (prius subsistendi). А именно благодаря последующему antecedенту отлично существует консеквент. Например: “Есть человек, следовательно, есть животное” Но не наоборот. Заметь то, что одно и то же может оказаться и предшествующим, и последующим, если его рассматривать по-разному.

Радикально (radicaliter), то есть в потенции, возможности. Противопоставляется *формально*, то есть в действительности. *Рассудок* (ratio) понимается по-разному. Первое – вместо разума (intellectus). Второе – вместо операции разума. Третье вместо довода. Четвертое: как порядок и метод, отсюда говорят: “Государством следует управлять таким образом (hac ratiōe). Пятое – вместо природы вещи. Так говорится: “Быть разумным заключено в природе человека (de ratiōe hominis)” Шестое – вместо подразделения, из-за которого нечто определяется или сводится к определенной способности, объекту или свойству. Так природное тело относится к физике по природному основанию (sub ratiōe), к метафизике по основанию сущего, к медицине по основанию подлежащего лечению, к математике по основанию количества и т.д.

Удвоительно (reduplicative) относится к основанию или причине, по которой предикат присущ или не присущ субъекту. Выражается посредством удвоительных частиц ut, prout. Например: “Стена, как стена не есть белая” Противопоставляется *подразделительно* (specificative), когда предикат присущ субъекту, но не потому, что субъект является именно таким, не по этому основанию. Так логик поет *подразделительно*, не потому что он является логиком.

Безотносительно (simpliciter) обозначает то, что вещь берется во всей совокупности ее частей. Противопоставляется *относительно* чего-либо (secundum quid), то есть касаясь лишь некоторых частей. Так эфиоп является белым относительно чего-то, а именно зубов. *Безотносительно* иногда означает то же самое, что и *безусловно*. Относительно чего-либо с ограничением, *соименно, одноименно, аналогично* (univoce, aequivoce, analogice) станут ясны из сказанного в дальнейшем.

Как включающее, то есть имеющее больший объем, чем целое.

Как включенное, то есть содержащееся во включающем, или часть.

Как таковое (*ut quid*) – то есть первоначальным образом.

Как чем (*ut quo*) – то есть как орудие, смотри № 92.

Как таковой (*ut sic*) обозначает отвлеченную от единичных предметов сущность или общий объективный концепт, отвлеченный и независимый от нижестоящих видов. Поэтому человек, как таковой, называется разумным, другими словами, разумность присуща общей для всех людей сущности. Но неправильно говорить: “Человек как таковой есть белый”, ибо белизна не входит в общую для всех людей сущность.

Такие термины станут более ясными в ходе занятий, кроме того, будут изучаться и другие термины. Мы же завершили изучение кратких начал всей философии ради вящей славы Божьей Матери.

В качестве приложения к "Диалектике" Феофилакта Лопатинского мне представилось уместным поместить "Введение" в общий курс философских наук, принадлежащее перу того же мыслителя. "Введение", служащее своеобразными пролегоменами к курсу Лопатинского, является замечательным памятником российской философской мысли начала XVIII столетия, где с предельной четкостью были сформулированы основные положения академической философии, преваляровавшие на всем протяжении названного столетия. "Введение", помимо прочего, значительно облегчает понимание не только философского учения Лопатинского, но и всех академических курсов, что были составлены под его влиянием.

Помещаемый здесь текст "Введения" является очередным шагом к критическому изданию основных философских трудов Феофилакта Лопатинского. В сравнении с переводом, напечатанным в "Историко-философском ежегоднике" за 1992 г., текст этот имеет существенные отличия: прежний перевод подвергнут тщательной ревизии и заново сверен с латинским оригиналом, и хотя мне пришлось отказаться от приведения параллельного текста, важнейшие термины и выражения приводятся в подлиннике.

Примечания значительно расширены. Дабы не усложнять чтение, я отказался от привычной пагинации — оставлены лишь номера параграфов, коих вполне достаточно для ориентировки в тексте. Наиболее часто встречающиеся сокращения экономии ради также оставлены в прежнем виде. Библиография носит дополнительный характер к первой моей монографии.

19 мая 1997 года

А. В. Панибратнев

“Введение” (Introductio) в философский курс Феофилакта Лопатинского

Каких трудов, прилежания и усидчивости требует изучение философии, ясно слушателю из заглавия. Некогда Геракл остановился на распутье двух дорог, нам же предстоит пройти все три пути Аристотеля, так что для успешного завершения предприятия нам потребуются силы, самое малое, равные силам Геракла, если не больше¹. Многие отправлялись в путь, но многие и не выдерживали трудностей:

*Только те немногие из героев, к коим благосклонно
Отнесся справедливый Юпитер, или поднявшееся на небо
Благодаря собственной доблести, смогли получить награду².*

Прочитав вам эти стихи не с тем умыслом, чтобы отпугнуть переступающих порог храма мудрости, дабы они отказались от учения весьма полезного и единственно необходимого (*studium utile et unice necessarium*). Напротив, я хочу побудить вас к трудам, соразмерным способностям каждого, ибо способности эти даровал нам Всемогущий и Всеблагий Бог. А для занятия философией названных способностей вполне достаточно. Итак, я требую от вас мужества и неустанных трудов, и смею надеяться на благоприятный исход, ибо вы рождены с задатками Алкида для великих дел.

Твердые надежды на благоприятное завершение философского курса мы связываем с Единным в Троице и Троичным в Едином Господом Богом и, таким образом, с Божьей помощью приступаем к изложению философского курса. Пусть Святейшая Божья Матерь, Завершение Вечной Премудрости, откроет для нас подступы к наукам, ибо от Ее непорочной колыбели принимаем мы саму философию³. Вы же, святые небожители, осветите незрелые умы светом вашей славы, так как непосредственно дарованное вам от Бога знание делает вас философами. После Него вам посвящаем мы наши труды. Пусть же ваша постоянная милость и острый ум разрешат все трудности. Напрасны были бы усилия и речи наши без чаяния награды, а таковой мы считаем мудрых учеников, величайшую за наши старания прибыль.

При изучении философии мы будем придерживаться наиболее распространенного и апробированного метода (*methodus receptissima et vulgaris*): прежде всего займемся диалектикой, затем логикой, потом физикой, после чего перейдем к метафизике и ко второй, весьма разнообразной по содержанию, части физики, но перед тем, как изложить эти дисциплины, мы объясним философию в общем. Здесь мы следуем естественному порядку, ведь сначала следует излагать более общее, как то учит Аристотель в 7 главе 1 книги “Физики”⁴.

ДИСПУТ ВСТУПИТЕЛЬНЫЙ. ОБЪЯСНЯЕТСЯ, ЧТО ТАКОЕ ФИЛОСОФИЯ

Тертуллиан, говоря о язычниках, борющихся с христианством только потому, что они не были знакомы с преимуществами нашей веры, сказал, что люди, как правило, ненавидят незнакомые им вещи и отнюдь не стремятся к их приобретению. Дословно Тертуллиан выразился так: "Ненависть их объясняется неведением. Стоит им узнать правду и ненависть эта сразу же исчезнет" Поэтому в первых пяти вопросах мы постараемся объяснить начинающим, что такое философия. В первом вопросе речь пойдет об имени, понятии и существовании (*nomen, notio et existentia*) философии, во втором — о причинах (*causae*) философии, третий касается свойств (*propriates*) данной науки, четвертый — разделения, или видов (*divisio seu species*), пятый же будет посвящен философским направлениям (*sectae philosophorum*).

Вопрос первый. Имя, понятие и существование философии

1. Мы опускаем такие риторические определения и перифразы, как: "философия есть искательница истины в той и другой жизни, повелительница нравов, мать славных искусств" поскольку для обозначения философии как таковой существуют два простых слова (*nomina propria et simplicia*). Одно из них, более древнее, — "мудрость", второе, современное — "философия" Так мы до сих пор вспоминаем о семи мудрецах Древней Греции: Фалесе Милетском, Солоне Саламинском, Хилоне Лакелемонянине, Питтаке Митиленском, Бианте Приенском, Клеобуле Линдском и Пернандре Коринфском.

2. Слово мудрость (*sapientia*) означает некое выдающееся знание (*eminens quaedam cognitio*), когда знание причин достигается посредством простого умозрения (*simplex intuitus*). Таким знанием обладают ангелы. Слово же "философия" было образовано из двух греческих слов — *philos* и *sophia* и переводится как "любовь к мудрости". Лучшее же всего оно передается русским словом "любомудрие" Сенека прекрасно сказал о философии и мудрости в 89-ом письме: "Для человеческого ума высшим благом является мудрость, философия же представляет собой страстную любовь к мудрости. Мудрость указывает путь, которым должна следовать философия... Точно так же, как сильно отличаются скупость и богатство — скупость алчет, к богатству, напротив, стремятся, отличаются друг от друга мудрость и философия. Мудрость — это результат занятий философией и награда за такие занятия. Философия находится в движении, цель которого — мудрость"⁶ Только

обладание мудростью, делает мудрецами стремящихся стать таковыми. Так Пифагор, как свидетельствует Диоген Лаэртский в жизнеописании ЭТОГО философа, на вопрос, заданный тираном Леонтом: “Мудрец ли ты?” – скромно ответил: “Я – не мудрец (*sophoon*), но стремящийся к мудрости (*philosophoon*)”⁶

3. Если говорить о содержании, то, следуя общепринятому мнению, философию мы определим как знание сущего, как сотворенного, так и несотворенного, знание, которое мы можем приобрести благодаря свету дарованного нам от природы разума (*secundum naturae et rectae rationis lumen*). Или же: достоверное и очевидное знание (*cognitio certa et evidens*) дел божественных и человеческих, а также их причин. Или же, как обычно определяют, знание всех вещей, существующих в природе, так как сверхприродное в философии не изучается. Под божественным и духовным следует понимать Бога и Его творения, под человеческим – тела, самого человека и человеческие действия.

Если слово “философия” употребляется как собирательное понятие, в смысле энциклопедии наук о природе, то наши определения – верные. Впрочем, слово “философия” может употребляться и распределительно (*distributive*), а именно, вместо каждой из существующих наук о природе, например вместо логики, физики и т.д., и в таком случае данные нами определения верными уже не будут. Физика, кстати сказать, не дает нам знания обо всем существующем в природе, равно как и метафизика, так что при распределительном употреблении следует остановиться на следующем определении: философия есть достоверное и очевидное знание природных вещей (*rerum naturalium*), причем видовые отличия во внимание не принимаются. Иными словами, мы не уточняем, относится ли познаваемое к предмету логики, физики, метафизики или математики. Далее, понимаемая собирательно (*collective sumpta*), философия рассматривается двояко. Во-первых, как совершенная (*perfecta*), относящаяся ко всему, и, во-вторых, как несовершенная, относящаяся лишь к чему-либо. Конец предварительных рассуждений.

Раздел первый. Где устанавливаются положения

5. Положение первое. Философия – возможна. Доказательство. К философии мы стремимся естественным образом, а то, к чему стремимся естественным образом, – возможно, ибо естественное стремление не может вводить нас в заблуждение. Аристотель в I книге “О небе” говорит, что Бог и природа не делают ничего напрасно⁷. Но к философии мы стремимся естественным образом, следовательно, философия – возможна. Меньшая посылка доказывается, во-первых, авторитетом Аристотеля. В начале I книги “Метафизики” говорится: “Все люди от природы стремятся к знанию”⁸. Следовательно, к философии мы стремимся естественным образом. Во-вторых, та же меньшая посылка доказы-

вается рационально (*ratione*): естественным является то стремление, что обнаруживается в каком-нибудь целом виде, например камень стремится к центру и т.д. Стремление же к знанию обнаруживается у всех людей без исключения, след. и т.д.

6. Положение второе. Философия существует. Положение это направлено против Древней академии, в которой допускался “акаталепсис”, т.е. непознаваемость всего сущего. Направлено оно и против пирронистов, в действительности стремившихся единственно к “аррепси” и “эпохэ” т.е. к универсальному сомнению. Пирронисты убеждали всех, что истину необходимо искать повсюду, оттого-то их и прозвали скептиками или инквизиторами. Доказательство: многое познается естественным образом, достоверно и очевидно, например камень падает, потому что он тяжелый, кровоупускание сбивает жар, так как тепло, вызывающее жар, находится в крови. Следовательно, философия существует. Выводы из этого положения становятся ясны из определения философии, помещенного под № 3-им. Положение подтверждается и тем, что существуют многочисленные философские сочинения, кроме того, в мире существует множество философских школ”

7. Положение третье. Совершенной философии не существует. Первое доказательство из I главы “Екклесиаста”, где после слов о движении солнца и вечном течении рек к морю сказано: “...не может человек пересказать всего”¹¹.

Доказательство второе. Совершенной философией мы называем достоверное и очевидное знание всего существующего в природе. Но таким знанием мы не обладаем. Значит, не существует и совершенной философии. Объясню меньшую посылку. Никто до сих пор так и не отыскал истинной причины волнения моря, лихорадки, поворота стрелки магнита к полюсу. Следовательно, и т.д. В уме нет ничего, чего бы прежде не было в ощущении (*nihil autem est in intellectu quod non fuerit in sensu*), большинство же объектов отдалено от наших чувств. Мы можем также сослаться на слова Гиппократ, говорившего, что обучение искусствам требует длительного времени, тогда как наша жизнь – коротка, а опыт приобрести трудно. Итак, совершенной философии не существует. Из приведенных нами оснований становится ясно, что совершенной философии не только не существует, но и нет ни малейшей естественной возможности для ее возникновения.

Раздел второй. Ответы на возражения против пыредшествующих положений

8. Возражение первое против положения первого под № 5-ым. Опровергается основная посылка наших рассуждений. Из стремления к философии якобы неправомерно заключать о ее возможности, ведь люди иной

раз испытывают стремление к недостижимому, подобно тому, как Первозданный человек пожелал стать Богом. След. и т.д.

Отвечаю, отрицая антецедент и уточняя доказательство. Соглашаюсь с тем, что к невозможному стремятся произвольно и свободно (*appetitu arbitrarie et libero*), однако не соглашаюсь с тем, что к невозможному стремятся естественным образом. К ФИЛОСОФИИ же, как уже было сказано под № 6-ым мы стремимся естественным образом.

9. Ты скажешь, что к некоторым невозможным вещам мы стремимся естественным образом. Например, человек естественным образом стремится к бессмертию, но достичь его естественным путем не может. След. и т.д.

Отрицаю антецедент, уточняя доказательство. Соглашаюсь с тем, что человек стремится естественным образом к бессмертию и не может его достичь для себя как целого (*quo ad se totum*). Отрицаю, что человек не может естественным путем достичь бессмертия для какой-либо своей части (*quo ad aliquam sui partem*). В самом деле, душа человека — бессмертна по природе, и об этом речь пойдет в "Анимастике". Достаточно того, чтобы естественное стремление не было напрасным. Отсюда становится ясно, что стремление к философии не относится к человеку как к целому, ибо совершенной философии не существует, что мы и доказали под № 7-ым. Однако такое стремление существует по отношению к части.

10. Ты продолжаешь настаивать. Дикие звери естественным образом стремятся к бессмертию, например они избегают смертельной опасности. Но подобное стремление никоим образом не может проникать в животных частично, следовательно, существует естественное стремление к невозможному и для целого.

Подтверждение. Мул стремится к деторождению естественным образом, так как у него имеются необходимые для этого органы, однако произвести потомство он не может. Следовательно, естественное стремление бывает напрасным.

11. Отвечаю на возражение, отрицая большую посылку. Животные не достигают бессмертия из-за ограниченности своего стремления (*propter finitudinem sui appetitus*). Очевидно, животные стремятся сохранить то состояние, в коем они пребывают, и уклоняются от того, что может причинить им вред, однако вовсе не из стремления к бессмертию. Большую посылку отклоняем посредством отрицания меньшей. Звери естественным образом достигают бессмертия, но не как отдельное животное, а как вид. Аристотель говорит об этом в 3 главе II книги "О душе"¹¹

12. Антецедент возражения, вообще говоря, ложен, так что мы его отвергаем, опираясь на 22 и 24 главы аристотелевской "Истории животных"¹², а также на 44 главу VIII книги "Естественной истории" Плиния¹³. Разъясняю консеквент. Естественное стремление бывает напрасным у монстров, появляющихся на свет из-за ошибок природы. След. и т.д. Соглашаюсь с выводом, хотя и отрицаю, что

подобное происходит по законам природы. Нет ничего удивительного, когда природа ошибается в своем ошибочном действии (*naturam falli in effectu scilicet*).

13. Возражение второе против второго положения. Философия представляет собой достоверное и очевидное знание, но такого знания не существует. След., и т.д. Доказательство меньшей посылки. То, что опирается на недостоверное свидетельство (*testimonium incertum*), само оказывается недостоверным. Наше познание опирается на недостоверные свидетельства, иными словами, на показания чувств, а они – определенно ложные и недостоверные. След. и т.д.

Доказательство меньшей посылки. “В уме нет ничего, чего ранее не было бы в ощущениях”, положение это, по видимости, восходит к Аристотелю, я имею в виду 15 главу I книги “Второй аналитики” и 8 главу III книги “О душе”¹⁴ След., и т.д.

14. Отвечаю, отрицая меньшую посылку и разъясняя доказательство. Соглашаюсь с тем, что свидетельства чувств – ложные и недостоверные, когда отсутствуют необходимые условия для правильного чувственного восприятия (*omnes conditiones requisitae*). Но если таковые условия наличествуют, возражение отпадает. Для правильного чувственного восприятия, когда чувства нас не обманывают и сами не заблуждаются (*non fallantur*), необходимы три условия. Во-первых, органы чувств должны быть здоровыми. При нарушении данного условия, например, когда мы болеем желтухой, зрение нас обманывает. Во-вторых, не должно быть помех в среде. Если второе условие не выполняется, когда мы, примера ради, смотрим сквозь цветное стекло, зрение нас обманывает. В-третьих, объект должен находиться от нас на определенном расстоянии, а также рассматриваться под определенным углом зрения. Если это условие не соблюдается, то солнце и пылинки могут показаться одинаковыми по величине.

15. Ты продолжаешь настаивать. Диоген Лаэртский в жизнеописании Аристотеля приводит следующие слова этого философа: лжецы стяжали себе такую славу, что даже если и скажут правду, все равно им никто не поверит¹⁵ Мы же согласились с тем, что чувства иногда нас обманывают. След., им нельзя доверять. Следовательно, и т.д. Отвечаю, разъясняя большую посылку. Соглашаюсь с тем, что нельзя доверять чувствам, если нет правил, с помощью которых мы определяем истинность чувственных показаний. Но когда такие правила – налицо, большая посылка оказывается ложной. Три приведенные нами правила суть те самые, посредством коих мы и определяем истинность показаний наших органов чувств.

16. Возражение третье против положения седьмого, приведенного под № 7-ым. Мы естественным образом стремимся к совершенной философии. Следовательно, совершенная философия существует. Вывод доказываем под № 15-ым. Отвечаю, отрицая вывод. Для того, чтобы какое-либо стремление не оказалось напрасным, достаточно частичного достижения цели, что становится ясным на примере материи, стремящейся к обладанию всеми формами, но

никогда ими всеми сразу не обладающей. Рассуждения, связанные с этим вопросом, будут продолжены в пролегоменах к “Логике”

Вопрос второй. Причины философии

Поскольку философия достигает знания посредством раскрытия причин, сама она также должна познаваться через свои причины, о которых и пойдет речь в настоящем вопросе. В “Физике” мы, с полным на то правом, будем говорить о четырех причинах: целевой, действующей, материальной и формальной (*finalis, efficiens, materialis et formalis*), покамест же ограничимся предположением, что таковые причины существуют. К названным четырем причинам прибавляются те, что привели к возрождению философии.

Раздел первый. Устанавливаются положения

17. Положение первое. Материальная цель философии – человек. Основание: философия украшает и делает удобной жизнь человека (*vergit in ornamentum et commodum hominis*). Вывод этот подробнее объясняется в “Физике”

18. Положение второе. Формальная цель философии (*finis cuius gratia*) – познание истины и упражнение в добродетели (*cognitio veritatis et actio virtutis*). Доказательство. Формальной целью мы называем то благо, ради которого что-либо существует. Философия же необходима для познания истины и упражнения в добродетели, поскольку все философские дисциплины ведут к познанию истины, а этика учит нас добродетельной жизни. Следовательно, формальная цель философии заключается в познании истины и упражнении в добродетели.

19. Из этого доказательства следует, что цель философии – естественное блаженство (*beatitudo naturalis*), достигаемое путем познания первой истины и добродетельнейшей жизни. Вот почему блаженный Августин считал достижение блаженства единственной целью философии.

20. Положение третье. Действующая причина философии – Бог, сообщивший ее Адаму.

Доказательство первое. Бог сотворил Адама с тем, чтобы он сделался учителем человеческого рода. Следовательно, Бог должен был дать Адаму все необходимое для надлежащего исполнения этой задачи. Философия, само собой разумеется, относилась к числу этих необходимых предметов, сказано ведь в словнице: “Кто дает существование, тот дает и все для существования необходи-

ное”, хотя означенная пословица скорее подходит к этике, чем к физике. Основание первое. Все сотворенное Богом – совершенно. Адам, будучи совершенным разумным существом, должен был знать и философию. Основание второе. Господь сотворил мир красивым. Деревья, примера ради, украшаются листьями и плодами. Следовательно, и человек был создан с приличествующими ему украшениями, среди которых философия занимает почетное место. Основание третье. Бог наделил Адама отнюдь не детским телом, но сотворил его крепким и могучим мужчиной. Следовательно, и дух Адама украшался всеми человеческими знаниями и добродетелями.

21. Доказательство второе. Адам являлся философом в самом начале своего существования. Распространенная пословица гласит: “Мудрый дает названия вещам”, а Адам, как известно, дал имена всем животным. Обучиться философии Адам тогда, очевидно, не мог, ведь для этого ему просто не хватило бы времени. Следовательно, философия ему была дарована от Бога.

22. Положение четвертое. Причины, вызвавшие возрождение философии, суть удивление, опыт и опытность (*admiratio, usus et experientia*). Доказательству этого положения предваряется следующие замечания. Удивление возникает благодаря деятельности разума, поскольку люди удивляются из-за незнания причин. Удивление также вызывает страстное желание познать неизвестные причины. Отсюда становится ясно, что только существо разумное по природе, однако еще не обладающее знанием, способно удивляться. Опытом же мы называем многократное отнесение следствия к причине (*tentativa applicatio causae ad effectum*), а опытностью – наблюдение (*observatio*) множества единичных вещей, установление между ними сходства. Последнее достигается как с помощью чувств, так и путем рациональной деятельности.

23. Положение доказывается ссылкой на Аристотеля, который во 2 главе I книги “Метафизики” говорит: “И раньше, и теперь люди начали заниматься философией из-за удивления”¹⁶. И в I главе той же книги сказано: “Люди добились знания и искусств благодаря опыту”¹⁷.

Как ведут себя люди, когда сталкиваются с чем-нибудь непривычным? Сначала они приходят в недоумение, вынуждающее их искать причины необычного явления. Установивши вероятную причину, люди подвергают ее многократной проверке, причем стремятся доказать истинность именно этой причины. Когда же мы придем к выводу, что такая-то причина неизменно вызывает такое-то следствие, мы с полным на то правом считаем себя знающими. Так в древности сильнейший страх вызывало лунное затмение, особенно если оно случалось в полнолуние. Люди задавались вопросом, почему луна перестает испускать свет. Может быть, ее закрывают какие-нибудь облака? Но они видели, что до затмения небо оставалось ясным. Исследование продолжалось. А если Луна ушла в какое-либо иное место? Но вот она появляется вновь, не изменившись в величине. Тогда, может быть, затмение происходит оттого, что Земля оказывается между Луной и

Солнцем и тем самым препятствует распространению света? Подобное объяснение многие посчитали вероятным (*probabile*). После же неоднократных наблюдений, подтвердивших, что Луна убывает, когда Земля находится между ней и Солнцем, люди посчитали себя в данном вопросе знающими. Аналогичным образом объяснялись и другие вопросы.

24. Какой народ первым возродил философское знание? Ответ здесь скорее должна дать история, нежели философия. Галлы приписывают возрождение философии своим друидам, греки – мудрецам, персы – магам, индусы – гимнософистам, египтяне – жрецам, евреи – раввинам, вавилоняне и ассирийцы – халдеям.

Мы с легкостью прекратим эти споры, если скажем, что философию восстановили евреи, египтяне и вавилоняне. Греки научились философии от названных народов, римляне – от греков, а от римлян – все прочие народы.

Аристотель говорит, что греки почерпнули от египтян и вавилонян многие достоверные сведения о звездах. Там же, в 12 главе II книги “О небе” Аристотель называет помянутые народы древними наблюдателями звезд (*antiqui observatores*)¹⁸. В 10 главе VII книги “О государстве” Аристотель называет египтян древнейшим народом из проживающих на земле¹⁹. В I же главе “Метафизики” сказано, что в Египте впервые в истории начали заниматься математикой²⁰. Но как бы то ни было, философия многим обязана Аристотелю, что становится очевидным при ознакомлении с сочинениями этого тончайшего философа.

25. Положение пятое. Каждый человек в отдельности является движущей причиной той философии, которой он владеет. Доказательство. Каждый человек в отдельности является движущей причиной тех природных свойств, которыми он обладает благодаря своим поступкам. Подробнее об этом будет сказано в другом месте. Философия есть природное приобретенное свойство (*habitus naturalis*). Следовательно, каждый человек в отдельности является действующей причиной по отношению к той философии, которой он владеет. Он становится философом благодаря наставлениям как живущих, так и живших в прошлом мудрецов.

26. Положение шестое. Стать философом можно двумя способами: с Божьей помощью или же посредством обучения. Иных способов, как мы уже говорили, в природе не существует.

27. Положение седьмое. Человек является отыменным субъектом философии (*subjectum denominationis*). Доказательство. Отыменным субъектом называется нечто, получающее имя от какой-нибудь формы. Человек, знающий философию, называется философом. Следовательно, отыменным субъектом философии является человек.

28. Положение восьмое. Формальный субъект свойственности (*subjectum inhaesionis quo*) философии – человеческий разум. Доказательство. Формальный

субъект свойственности, иными словами, ближайшее свойство чего-либо есть та возможность, откуда получается и где оформляется означенное свойство. Философия выводится из разума и в нем пребывает. Следовательно, формальным субъектом свойственности для философии будет человеческий разум.

29. Положение девятое. Материальный объект философии есть любая материальная вещь, которая познается естественным образом. Формальный объект – сама эта познаваемость (*cognoscibilitas*). Первое доказательство. Аристотель во 2 главе IV книги “Метафизики” говорит, что философия представляет собой возможность получать сведения обо всем²¹. Второе доказательство – рациональное. Поскольку философия изучает все существующее в природе, то именно эта универсальная познаваемость и отличает ее от других наук. Следовательно, материальным объектом философии будет любая природная вещь.

30. Положение десятое. Материя, откуда выводится философия (*materia eductionis*), есть разум. Субъект свойственности есть всегда субъект выведения, поскольку любой случайный признак (*accidens*) выводится из субъекта, которому он присущ. Иными словами, он зависит от субъекта в своем существовании. Разум является субъектом свойственности философии, как то было сказано под № 28-ым, следовательно, и субъектом выведения.

31. Положение одиннадцатое. Философия не обладает “материей, из которой” в собственном смысле (*materia compositionis proprie dicta*). Философия, как мы уже говорили, воспринимается духовным субъектом, то есть разумом. Следовательно, по своей природе она – духовна. Любое воспринимаемое при восприятии уподобляется воспринимаемому, следовательно, философия не обладает “материей, из которой” в собственном смысле, хотя такие философские дисциплины, как логика, этика и т.д. могут по аналогии считаться “материей, из которой” в переносном смысле.

32. Положение двенадцатое. Философия не обладает физической формой. Аксиома гласит: формы от формы не существует (*non datur forma formae*). Философия же сама является формой, воспринимаемой субъектом (разумом). Следовательно, философия не обладает физической формой, хотя и имеет метафизическую форму. Согласно определению, помещенному под № 3-им, метафизическая форма непременно наличествует у любой вещи.

Раздел второй. Ответы на возражения, выдвинутые против наших положений

33. Возражение первое против положения третьего под № 20-ым. Известная поговорка гласит: “Всяк грешит, того не ведая” (*Omnis peccans ignorans*). Но Адам

согрешил, и следовательно, он пребывал в неведении. Следовательно, Бог не вложил в него философского знания.

34. Отвечаю, разъясняя большую посылку. В момент совершения греховного действия люди грешат не ведая, то есть не обращают на грех достаточного внимания. Теологи учат, что для совершения греха требуется, чтобы греховный поступок был совершен осознанно. Я отрицаю, что люди грешат в состоянии неведения, словно бы неведение являлось устойчивым свойством человеческой природы (*non habens cognitionem habitualement*). Я, впрочем, соглашусь с тем, что Адам согрешил. Уточняю вывод: "следовательно, он пребывал в неведении". Адам прекрасно знал, что яблоко от древа познания вкушать нельзя, и потому вывод: "Адам пребывал в неведении" нас удовлетворить не может. Адам также прекрасно знал о грозящих ему наказаниях. Итак, я отрицаю вывод: "Адам пребывал в неведении". Аналогичные вопросы, кстати сказать, надлежит рассматривать в курсе теологии.

35. Ты скажешь, что Адам согрешил, потому что стремился приобрести знание. Следовательно, он не обладал знанием даже как приобретенным свойством (*scientiam non habebat etiam habitualement*). Подтверждение. В книге "Бытие" сказано, что глаза Адама и Евы открылись²². Следовательно, до совершения греха глаза их были закрытыми, иными словами, они не обладали знанием.

Отвечаю, уточняя большую посылку. Соглашусь с тем, что Адам согрешил, поскольку стремился к знанию, коим обладал Господь. Да и дьявол, сказавши Еве: "Вы будете как Боги" обещал наделить ее Божественной премудростью. Отрицаю, что Адам стремился к знанию, свойственному человеку, ибо таковым он уже обладал, как то говорилось нами под № 20-ым. Уточняю вывод. До совершения греха глаза Адама и Евы были закрыты. Соглашусь с тем, что они не были знакомы со злом на опыте, но не согласен с тем, что они не имели о нем теоретического представления.

36. Возражение второе против положения четвертого под № 22. Философское знание должно быть достоверным и направляться на общее (*Cognitio philosophica debet esse universalis et certa*). Аристотель между прочим считал, что возможно только знание общего. Опыт тем не менее не дает знания общего, поскольку опытным путем познаются лишь единичные предметы. Опытное знание, во-вторых, не является достоверным. Предположим, я достоверно знаю, что этот человек – бел, но у меня нет ни малейшей уверенности в том, что всякий человек – бел. Следовательно, опыт не приводит к философскому знанию.

Отвечаю, отрицая первую часть большей посылки. Аристотель, перечисляя виды доказывающего силлогизма, называет и экспозиторный силлогизм. С другой стороны, высказывание Аристотеля о том, что не существует науки, относящейся к единичным вещам, остается в высшей степени верным, ведь единичные вещи – очень сходны друг с другом и, кроме того, число их ничем не ограничено.

Отвечаю, во-вторых, соглашаясь с большей посылкой и разъясняя меньшую. Соглашаюсь с тем, что опытным путем не достигается достоверное знание случайных признаков, к числу которых и относится белизна человека. Отрицаю, что опыт не дает общего и достоверного знания существенных свойств. То, что присуще всем вещам по необходимости, – сходно, и потому, изучивши два или три неделимых объекта, мы потенциально получаем знание и об остальных.

37. Возражение второе против положения пятого под № 25-ым. Следствие из действующей причины должно заключаться в той же причине (*Efficiens debet continere suum effectum*). Философия в разуме первоначально не находится, следовательно, человеческий разум не является действующей причиной присущей человеку философии.

Отвечаю, соглашаясь с большей посылкой в том, что действующая причина содержит в себе свое следствие или материально, или же формально. Но я отрицаю, что действующая причина с необходимостью формально содержит в себе следствие. Разъяснив таким образом меньшую посылку, отрицаю вывод. Причина формально содержит в себе следствие в том случае, если она содержит в себе основание и форму данного следствия, так что следствие не отличается от причины ни по виду, ни по форме. Например, огонь А содержит в себе огонь В, или пышущее пламя – тепло. Причина содержит в себе следствие потенциально (*virtualiter*), когда самого следствия в ней нет, однако существует возможность данное следствие произвести. Например, приправленное перцем вино может согреть человека. Именно таким образом философия первоначально содержится в человеческом разуме.

38. Возражение четвертое против положения шестого под № 26-ым. Боговдохновенное свойство (*habitus infusus*) и свойство, приобретенное посредством обучения, различаются по виду. Следовательно, нельзя одновременно обучаться философии и получить ее от Бога.

39. Подтверждение. Посредством обучения отнюдь не приобретаются такие сверхприродные (*supernaturalis*) свойства, как Вера, Надежда, Любовь. Следовательно, и философия не может быть получена посредством Божественного вдохновения. Отвечаю, разъясняя антецедент. Соглашаюсь с тем, что приобретенные и боговдохновенные свойства как таковые отличаются друг от друга по форме существования, но не соглашаюсь с тем, что боговдохновенное или сверхприродное, если его рассматривать в качестве случайного признака относительно способа обладания, отличается по виду от приобретенного признака. Способность зрения, примера ради, может быть дана нам от природы или же возвращена чудесным образом, и здесь мы не наблюдаем никакого видового отличия. С философией дело обстоит точно так же, дарована ли она от Бога, как то произошло с Адамом, или приобретена естественным путем, в любом случае она не будет отличаться по виду.

40. Отвечаю на подтверждение. Отрицаю вывод, соглашаясь с антецедентом, хотя он и относится к богословию. Получается противоречие: Бог, лишенный всякого несовершенства, может сделать все, что и мы. Так он может придать человеку свойства, приобретаемые обычно посредством обучения. Но человек не может совершить всего того, что может Бог и, следовательно, не может приобрести самостоятельно свойства, дарованные ему Богом.

41. Возражение пятое против положения седьмого под № 27-ым. Бог и ангелы также являются субъектами философии, следовательно не один человек.

Отвечаю, отрицая антецедент. Философия в собственном смысле слова есть приобретенное свойство, достигнутое путем раскрытия причин (*habitus discursivus*). Но Бог и ангелы, о которых учат богословы, получают знание о существующих в природе вещах не дискурсивно, а простым усмотрением (*simplex intuitus*), то есть видят следствия еще в причинах. Отсюда их правильнее называть мудрыми, но не философами.

42. Возражение шестое против положения восьмого под № 28-ым. В разуме нет ничего, чего первоначально не было бы в ощущениях. Философия же чувственно не воспринимается, следовательно, в разуме ей места нет.

Отвечаю, разъясняя большую посылку: "В разуме" и т.д. Соглашаюсь с тем, что философия может передаваться посредством своих объектов, и не соглашаюсь с тем, что философия обязательно должна передаваться непосредственно. Философия не передается непосредственно чувствами, но лишь посредством своих объектов. Речь в данном случае идет о формальном субъекте свойственности (*subiectum inhaesionis*), поскольку материальный субъект свойственности — человек. Материальным субъектом свойственности всегда будет то, где реализуется форма.

43. Возражение последнее против положения девятого под № 29-ым. Ни один философ не обладает знанием всего существующего в природе, следовательно, любая природная вещь не может быть объектом философии.

Отвечаю, соглашаясь с антецедентом согласно сказанному под № 7 и также уточняя следствие. Соглашаюсь с тем, что любая природная вещь не может выступать в качестве объекта несовершенной философии, каковой мы и обладаем. Не соглашаюсь с тем, что подобное положение применимо к совершенной философии как таковой. Когда мы, примера ради, созерцаем какие-либо формы, то мы рассматриваем их как таковые, но не в зависимости от их субъектов.

Вопрос третий. О свойствах философии

44. Под свойствами философии мы понимаем некоторые известные ее определения. Первое из них приводит Платон в “Федоне”: “Философия есть приготовление к смерти”²³. Платон считал, что существуют два вида смерти. Первая смерть физическая, происходящая после того, как душа отделится от тела. Вторая смерть моральная, или философская, когда душа освобождается от зависимости от тела. Платон полагал, что с помощью философии мы готовим себя к тому и другому виду смерти. Готовясь к естественной смерти, философ понимает, что жить ему осталось недолго, и потому он презирает все земное и преходящее, стремится к вечному и возвышенному. Готовясь к моральной, или философской, смерти, философ отвлекается от земных соблазнов, отказывается от них ради вечного блаженства. Второе определение также дает Платон: “Философия есть уподобление Богу”, разумеется, не по природе, ибо это — невозможно, но по деятельности воления и познания. Человек, по Платону, уподобляется Богу в добродетельной жизни, если он познает истину и любит благо. Третье определение дает Цицерон в III книге “Тускуланских бесед”: “Философия есть лечение души”²⁴, ибо она лечит такие наши недостатки, как невежество и порочность. Невежество устраняется при изучении разнообразных философских дисциплин, от порочности же мы избавляемся благодаря этике.

Вопрос четвертый. Разделение философии

45. Древние, по свидетельству Цицерона и Сенеки²⁵, разделяли философию на искусность в речах и образе жизни, иными словами, на логику и этику, и, кроме того, спекулятивные науки о природе ими также относились к философии. Философия далее может разделяться на приобретенную (*habitualis*) и актуальную, в последнем случае подразумевается непосредственный акт умозаключения о вещах, существующих в природе.

Раздел первый. Устанавливаются положения

46. Положение первое. Философия может быть или теоретической, или практической (*speculativa vel practica*). Доказательство. Приобретя знание, человек иной раз им и ограничивается, иногда же он, не успокоившись на достиг-

нумом, стремится к действию. В первом случае мы сталкиваемся с теоретической философией, во втором – с практической. Теоретическая философия отличается от практической в пяти пунктах.

47. 1.) Или теоретическая философия отличается от практической по субъекту. Первая находится в теоретическом или научном разуме, вторая – в практическом или логическом. 2.) Или объект теоретической философии – необходим и не подвержен воздействиям. Он, по крайней мере, не испытывает воздействий со стороны познающего, вооруженного методом исследователя (*observante per praecepta*). С практической философией дело обстоит противоположным образом. 3.) Или теоретическая философия способствует облегчению познания, практическая философия облегчает познание и действие. 4.) Или цель теоретической философии – знание, цель практической – знание и действие. 5.) Или отличие по делению. Теоретическая философия дает знание, практическая философия нужна для обучения и деятельности. В “Прологоменах” к “Логике” мы укажем и другие существенные свойства теоретической и практической философии.

48. Положение второе. Теоретическая философия важнее практической. Доказательство. Один род считается более важным, нежели другой род, если содержит в себе вид, более предпочтительный в сравнении со всеми прочими видами второго рода. Именно так и сказано у св.Дионисия: “Наинизший из высшего важнее наивысшего из нижнего”²⁶. Среди дисциплин теоретической философии мы находим метафизику, где идет речь о Боге, тогда как в практической философии ничего похожего мы не видим. Следовательно, теоретическая философия важнее практической. Рассуждение это заимствовано из I главы VI книги “Метафизики” Аристотеля²⁷. Доказательство второе. Цель, как таковая, важнее средства. Теоретическое познание представляет собой цель, поскольку на нем останавливаются. Практическое же есть средство, ибо оно требуется для действия. Следовательно, и т.д.

49. Положение третье. Теоретическая философия делится на три дисциплины: физику, метафизику и математику. Сказано это против Пико делла Мирандолы, утверждавшего, что знание – едино (*contendentem unicam esse scientiam*)²⁸. Сказано это и против считающих совокупность знания простым качеством. Положение доказывается из 2-ой главы II книги Аристотеля “О душе”²⁹. Теоретическая философия делится соответственно разделению объекта теоретического изучения, поскольку науки обособляются друг от друга по объекту. Объект теоретического изучения бывает трех видов. Первый неотделим от материи даже мысленно, например, изучаемое в физике природное тело. Второй отделяется от материи мысленно, но отнюдь не в действительности, например, количество в математике. Третий, наконец, отделяется и мысленно, и в действительности, к примеру, Бог и ангелы, о которых будет сказано в “Метафизике”. Следовательно, теоретическая философия бывает трех видов.

50. Материя также может рассматриваться с трех точек зрения. Во-первых: как материя единичная, или исчислимая (*singularis seu numerica*), например, петровость, павловость и т.д. Во-вторых, как чувственно воспринимаемая (*sensualis*), постигаемая каким-нибудь из внешних чувств, как то: цвет, запах, вкус и т.д. В-третьих, как умопостигаемая (*intelligibilis*), иными словами, как нечто, вносящее в материю упорядоченность. В последнем смысле даже разумная душа может называться материальной, телесной, разумеется, не в смысле формы своего существования, но по состоянию. Физика отвлекается от единичной материи, поскольку знания о единичном не существует. Анимастика, впрочем, занимается чувственно и умопостигаемым. Математика отвлекается от чувственно постигаемой материи, но не от умопостигаемой, так как она рассматривает количество, которое, как мы уже говорили, материально. Метафизика, наконец, отвлекается от любого вида материи. Итак, мы доказали положение: "Теоретическая философия делится на такое количество частей, сколько существует отвлечений от материи" Теоретическое знание является таковым в той степени, насколько оно отстоит от действия, направленного на какой-нибудь из видов материи. Мы же доказали, что отвлечение от материи бывает трех видов. Следовательно, существует три вида теоретической философии.

51. Положение четвертое. Практическая философия делится на два вида: логику (определения которой будут даны в курсе логики) и этику. Доказательство. Практическая философия делится на столько видов, сколько существует действий, достойных философа. Существуют только два достойных философа действия, а именно деятельность управляемого логикой ума и действие воли, направляемое этикой. Философия управляет лишь духовными действиями, предоставляя прочие действия иным искусствам. Итак, практическая философия бывает двух видов. "Логика" покажет, является ли наше деление исчерпывающим:

Раздел второй. Ответы на возражения

52. Возражение первое против положения второго под № 48-ым. Познавать и одновременно действовать — важнее, нежели только познавать, поскольку совершенство в двух действиях важнее совершенства в одном действии. Практическая философия дает знание и побуждает к действию, теоретическая же философия только дает знание. Следовательно, практическая философия предпочтительнее теоретической.

При ответе разъясняю большую посылку: познавать и действовать — важнее, нежели только познавать. Соглашаясь со сказанным в практическом смысле, отвергаю большую посылку в смысле теоретическом. Далее, принимаю меньшую посылку и отрицаю вывод. Разъясняю доказательство. Соглашаюсь с тем,

что совершенство в действиях однопорядковых предпочтительнее совершенства в одном действии. Отрицаю, что вывод сохраняет силу для качественно отличного совершенства. В самом деле, лучше иметь в кармане два обола, чем один, однако же один золотой ценится больше, чем два обола. Под № 48-ым нами уже было доказано, что теоретическое знание по своей сути предпочтительнее знания практического.

53. Возражение второе против положения третьего под № 49-ым. Теоретическая философия разделяется на большее, чем три, число дисциплин. Антецедент в таком случае предпочитают доказывать по-разному, ссылаясь на астрологию, медицину, магию, юриспруденцию, теологию, риторику и даже грамматику.

54. Отвечаю, отрицая антецедент. Астрология бывает двух видов. Первая — физическая, рассматривающая причины и следствия, изучающая свойства и движения небесных тел. Другая астрология — гадательная, предсказывающая людям будущее по звездам. Выводы такой науки — ошибочны, поскольку зависят от мнения людей, о чем и говорится в известной поговорке: “Мудрый будет властвовать над звездами” Первая астрология, являясь частью физики, отнюдь не представляет собой самостоятельной дисциплины. Гадательная астрология к философии, разумеется, не относится³⁰.

55. Во-вторых, медицина также бывает двух видов. Одна — этиология, отыскивающая причины болезней и средства их лечения рациональным путем. Этиология и по определению, и по сути относится к физике. Вторая медицина — эмпирическая, или терапевтическая. Она определяет средства лечения болезней опираясь на опыт. Эмпирическая медицина не может считаться философской дисциплиной в силу того, что достигает знания не через раскрытие причин.

56. Магия также бывает двух видов. Первая — белая, стремящаяся познать причины удивительных явлений, что иной раз происходят в природе. Белая магия является частью физики. Вторая магия — черная, позволяющая творить удивительные вещи с явной или тайной помощью демонов. Черная магия недостойна имени философа.

57. Юриспруденция также бывает двух видов. Одна — естественная, выводы этой науки основываются на законах природы. Естественная юриспруденция относится к этике. Вторая юриспруденция — положительная (*positiva*). Она изучает установленные обществом законы. Положительная юриспруденция с философией ничего общего не имеет, так как она всецело зависит от произвола законодателей, да и законы в разных странах — различные.

58. Теология бывает двух видов. Первая — естественная (*naturalis*), дающая знание о Боге при помощи естественных оснований. Дисциплина эта является частью метафизики. Вторая теология — христианская. Она опирается на Св.Писание, Отцов Церкви и Св.Предание. К философии наука эта, разумеется, не относится.

59. Риторика есть часть логики, откуда и заимствуются все риторические правила, которые впоследствии и расцветиваются цветами красноречия.

60. География и грамматика занимаются предметами случайными, порой прямо зависящими от людского произвола. Так, если ты спросишь, почему активный глагол употребляется с винительным падежом или почему наша земля делится именно таким образом, как сегодня, ответом будет: "Такова была воля наших предков"

Вопрос пятый. Философские школы

61. Слово "философская школа" (secta) производится или от глагола "следовать" (a sectando), например следовать за вождем, или же от глагола "резать" (a secando), ведь благодаря школам одни философы как бы отрезаются и отсекаются от других. Последователи какого-нибудь видного философа стараются придерживаться его взглядов и не смешиваться со сторонниками иных учений. В философии поэтому насчитывается столько же школ, сколько было высказано различных мнений, но все школы сводятся к двум главным направлениям: академическому и догматическому.

62. Академического направления держатся люди робкие, настолько не доверяющие человеческому уму, что открыто заявляют о непознаваемости всего сущего. Академики далее подразделяются на различные направления. Собственно академики (к ним можно причислить и Сократа) утверждают, что знают только то, что ничего не знают и знать не могут. Самое большее из достижимого, если верить академикам, — мнение (opinio). Оттого-то академики и не говорили никогда: "Огонь — горяч" но "огонь кажется горячим" Пирронисты были названы так в честь философа Пиррона. Они не теряли надежды когда-нибудь овладеть истиной и потому искали ее постоянно. До тех пор, пока истина не будет найдена, пирронисты считали себя незнающими. В сравнении с академиками пирронисты кажутся еще более робкими, ведь они даже не осмеливались говорить: "Огонь кажется горячим"

63. Насочиняли академики все это для того, чтобы избежать страдания, поскольку блаженство они полагали в отсутствии страдания, которое и устраняли с помощью сомнения. И действительно, разве будет страдать приговоренный к смерти, если он даже не знает твердо, приговорен ли он к смерти? Ответ на подобные измышления был дан под № 5 и № 6.

64. Догматического направления придерживаются более решительные философы, утверждающие, что истина, по большей части, — достижима. Догматиками было установлено множество твердых истин. Направление это

процветало у греков, причем называли его пифагорейским или италийским. Во главе школы стоял ученик Ферекида Пифагор. После путешествий по многим странам Пифагор поселился в Италии, где и преподавал философию.

К догматической относится и ионическая школа, названная так в честь Фалеса Милетского, который был родом из Ионии. Ионическая школа разделилась на три главные школы. Первая – стоическая, названная так потому, что ее основатель Зенон Китейский преподавал в “пестром портике” Последователи Зенона стали называться стоиками подобно тому, как последователи Диогена назывались киниками, а Эпикура – эпикурейцами. Платон, положивший начало школе платоников, читал лекции в пригороде Афин Академии, месте приятном и тенистом. Учеников Платона поэтому и прозвали академиками.

65. Аристотель преподавал философию, прогуливаясь со своими учениками по Ликее. Из-за этих прогулок их и прозвали перипатетиками. Аристотеля иногда называют Стагиритом, так как его родина – город Стагиры, располагавшийся в Македонии. Диоген Лаэртский и Аммоний³¹ пишут, что Аристотель в течение трех лет слушал лекции Сократа, а затем двадцать лет учился у Платона. Потом Аристотель преподавал философию Александру Великому, что заняло около восьми лет. Возвратившись в Афины, Аристотель застал во главе платоновской школы Ксенократа и потому вынужден был открыть самостоятельную школу в Ликее. О смерти Аристотеля сообщают разное. Дионисий Галикарнасский говорит, что философ скончался от какой-то болезни на 63-ем году жизни. Умер Аристотель на острове Халкида³². Другие утверждают, что Аристотель бросился в Эврипп из-за того, что в течение недели не смог уразуметь причин волнения Эвриппа. Философ якобы был подхвачен потоком, смысл бушевания которого ему самому схватить не удалось. Перед смертью философ воскликнул: “Я пришел в этот мир ни с чем, прожил жизнь в сомнениях, и теперь умираю, так и не достигнув достоверного знания. Куда отправляюсь, не ведаю. Верховное Существо, смилуйся надо мной!”

66. По свидетельству Диогена Лаэртского, Аристотель написал около 40 книг. До нас дошли книги, посвященные философии, риторике и поэтике. Философские книги делятся на четыре вида: логические, этические, физические и метафизические, в силу чего и в школах философия разделяется на четыре дисциплины, а именно логику, этику, физику и метафизику. Нам предстоит изучить все названные дисциплины, исключая этику, которая преподается только в трехгодичных курсах. Математическими работами Аристотеля мы не располагаем, хотя из списка трудов этого философа видно, что такие работы существовали. Математика, как правило, в общий курс не включается. Одни считают ее слишком простой наукой, не нуждающейся в схоластических комментариях³³, другие же полагают, что она вовсе не необходима для овладения тремя профессиями, которых домогаются люди образованные. Я имею в виду теологию, юриспруденцию и медицину. Аристотель написал лишь две математические книги: “Вопросы механики” и “О неделимых линиях” В пролегоменах к

отдельным частям курса мы упомянем об остальных книгах Стагирита, посвященных различным философским дисциплинам.

67. Перипатетики разделились на три славные школы. Первые — томисты, последователи Фомы Аквинского (doctor angelicus). Фома, родом из Неаполя, был членом доминиканского ордена. Расцвет преподавательской деятельности Фомы приходится на 1265 год. Вторые — скотисты, последователи шотландца Иоанна Дунса (doctor subtilis), члена францисканского ордена. Дунс Скот преподавал в Париже в конце XIII — начале XIV века. Третьи — номиналисты, последователи англичанина Вильгельма Оккама, францисканца и ученика Скота. Оккам преподавал в Париже около 1320 года.

68. Среди новейших направлений первое место претендует занять картезианская философия. Основатель ее, Рене Декарт, прославился своим умом и благородным происхождением. Родина Декарта — французский город Людус³⁴, могила — в Швеции, куда философа любезно пригласила шведская королева³⁵, увлекшаяся сладостью новой философии и славой декартовского гения. Едва ступив на шведскую землю, Декарт тяжело захворал и покинул бранный мир в год 1650 по Р.Х. на 54-ом году жизни. Разрабатывая свое учение, Декарт ступил на путь философствования, по которому многие века не осмеливался идти никто. Философ пытался объяснить видимые малый и большой миры, а также явления, в этих мирах происходящие, в том числе и удивительные процессы ощущения (miros affectus cadentes sub sensu), из величины, формы, движения и столкновения тел. Декарт позаимствовал свои гипотезы у Демокрита с той единственно разницей, что считал атомы, или корпускулы, делимыми. Справился ли Декарт с этой задачей или же нет, мы увидим впоследствии.

69. В нашем стремлении к истине мы не будем рабски подражать древним, хотя и относимся с уважением ко всем философам, в особенности к Аристотелю. Итак, никому не клянемся мы в верности, все нам — друзья, но истина — дороже. Философ обязан рационально доказывать свое мнение, а не опираться на авторитет. Арриага³⁶ сказал, что пристрастие к тому или иному авторитету помешало многим сделать правильный выбор, превратив, тем самым, прекрасных учеников в мерзких обезьян. Но и сегодня, как мы в том вскоре убедимся, критика кое-кем воспринимается как преступление, хотя это чаще всего происходит из-за неправильного понимания Аристотеля или какого-нибудь другого философа, или, наконец, объясняется ничем не стесняемым произволом ядовитого критика. Наши современники, говорил Арриага, обладают теми же пятью чувствами, что и древние, причем чувства эти развиты у нас гораздо сильнее. Итак, разум не является привилегией ни Платона, ни Аристотеля. Да не оскудеет рука Господня. Завершаю я это вступление словами из 35-ого письма II книги "Писем" Анастасия Синаита: "Древние учителя — не господа, а вожатые. Истина открыта для всех и отнюдь еще не исчерпана. Будущим поколениям предлежит обширное поле деятельности"³⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

В названии своего философского курса "Trivium Aristotelis ab Alcide Roxolano biennio descitendum" Феофилакт Лопатинский намекает на древнегреческую басню о Геракле на распутье. В истории философии первым воспользовался названной басней софист Продик (V в. до Р.Х.). В западноевропейской интеллектуальной традиции данная тема обыгрывалась неоднократно: в живописи назовем творения Аннибале Караччи, Йордана, А. ван Дейка, в музыке — оперу на либретто П.Метастазियो, кантату И.С.Баха и ораторию Г.Ф.Генделя.

Латинское стихотворение, на которое ссылается Феофилакт Лопатинский, установить не удалось.

Феофилакт Лопатинский приступил к чтению своих философских лекций 8 (21) сентября 1704 года, в праздник Рождества Богородицы. Прологомены к философии читались до 16 (29) сентября 1704 года.

Аристотель. Физика // Соч.: В 4 т. М., 1981. Т. 3. С. 75 (189 в 30).

Seneca L.A. Ad Lucilium epistularum moralium quae supersunt / Ed. O.Hense. Lipsiae, 1898. P. 361–362.

Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов, 2-е изд., исправ. и доп. М., 1986. С. 58.

Аристотель. О небе // Соч.: В 4 т. Т. 3. С. 293. (279 а 30).

Аристотель. Метафизика // Соч.: В 4 т. М., 1976. Т. 1. С. 65. (980 а 20).

Положение второе. Философия существует. Положение направлено против Древней академии, где допускался "акаталепсис", т.е. непознаваемость всего сущего. Направлено оно и против пирронистов, в действительности стремившихся единственно к "аррепсию" и "эпохэ", т.е. к универсальному сомнению. Пирронисты полагали, что истину следует искать повсюду, и потому их прозвали скептиками, т.е. "ищущими". Доказательство: о многом мы получаем естественным путем достоверное и очевидное знание. Камень падает на землю, потому что он — тяжелый, кровопускание сбивает жар, так как тепло, вызывающее жар, находится в крови. След., философия существует. Выводы из этого положения содержатся в определенении философии, данном под № 3-им. Положение, помимо прочего, подтверждается и тем, что существует великое множество философских книг и школ.

¹⁰ Книга Екклесиаста. I, 8.

¹¹ *Аристотель*. О душе // Соч. Т. 1. С. 399–401. (414 а 30 - 415 а 10).

¹² *Aristoteles*. Historia animalium. Lipsiae, 1831. P. 227–232.

¹³ Речь идет о случае с конем, принадлежавшем царю Вифинии Никомеду. После гибели этого царя конь отказался принимать пищу и умер. См.: *Plinii Secundi. Historiae naturalis libri XXXVII / Ex recens. J.Harduini. Biponti, 1783. V. 2. P. 110.*

Аристотель. О душе // Соч. Т. 1. С. 399–401. (432 а 5).

Диоген Лаэртский. Указ. соч. С. 192.

Аристотель. Метафизика // Соч. Т. 1. С. 69. (982 а 10).

Там же. С. 65.

¹⁸ *Аристотель*. О небе // Соч. Т. 3. С. 326. (292 а 5–10).

¹⁹ *Аристотель*. Политика // Соч. Т. 4. М., 1983. С. 607. (1329 с 30).

- Аристотель. Метафизика* // Соч. Т. 1. С. 67. (981 а 24).
- ²¹ Там же. С. 122.
- ²² *Бытие*. III, 7.
- ²³ *Платон. Федон* // Соч.: В 3 т. М., 1970. Т. 2. С. 50.
- ²⁴ *Cicero M.T. Tusculanae disputationes* / Ed. G.H.Moser. Hanoverae, 1836. V. 2. P. 5.
- ²⁵ *Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве*. М., 1972. С. 45–79.
- ²⁶ Вероятно, цитата из св.Дионисия Ареопагита.
- ²⁷ *Аристотель. Метафизика* // Соч. Т. 1. С. 182. (1025 б 2 – 1026 а 30).
- ²⁸ Пико делла Мирандола Дж. (1463–1494) – итальянский гуманист, прославившийся ярко выраженной неортодоксальностью своих взглядов. Рукописи под № 290 и № 291 дают искаженное написание его имени. Пико делла Мирандола, по-видимому, был мало известен в России начала XVIII столетия.
- ²⁹ *Аристотель. О душе* // Соч. Т. 1. С. 398.
- ³⁰ См.: *Максим Грек. Слово противу тшашихся звездозрением предречати о будущих и о самовластии человеческом* // *Громов М.Н.* Максим Грек. М. 1983. С. 181.
- ³¹ *Диоген Лаэртский*. Указ. соч. С. 188, 471.
- ³² В текст рукописи вкралось искажение, а именно: ученик, возможно грузин, вместо названия греческого острова Халкида написал более ему знакомое слово Колхида.
- ³³ См.: *Хайдеггер М. Основные понятия метафизики* // *Вопросы философии*. 1989. № 9. С. 128. “Математическое познание в себе и по своему содержанию... есть наиболее пустое познание... и в качестве такового – одновременно наименее обязывающее для человека”
- ³⁴ La Haue. Маленький город в Турени, на правом берегу реки La Creuse.
- ³⁵ Христина, дочь Густава II Адольфа и Марии-Элеоноры Бранденбургской. Отреклась от престола в 1654 году.
- ³⁶ Родерико де Арриага (1592–1667) – выдающийся представитель Второй схоластики. С 1625 года преподавал на кафедре догматической теологии Пражского университета. Автор знаменитого труда “Cursus philosophicus” (1632), а также “Disputationes theologicae” в восьми томах (1643–1669).
- ³⁷ Анастасий Синаит (Киновит) – патриарх Антиохийский (561–563), церковный писатель.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Аскоченский В.И.* Киев с древним его училищем, академией. К., 1856.
2. *Белинский В.Г.* История Киевской академии, сочинение Макария Булгакова // ПСС: В 13 т. Т. 8. М., 1955.
3. *Беляев К.* истории московской славяно-греко-латинской Академии и Спасо-Вифинской семинарии // Богословский вестник. 1897. № 2.
4. *Білодід І.К.* Києво-Могилянська академія і розвиток східнослов'янських літературних мов у 17–18 ст. К., 1973.
5. *Благовещенский А.* История Казанской Духовной Семинарии с восемью низшими училищами за XVIII и XIX столетие. Каз., 1881.
6. *Браиловский С.* Из быта студентов московских и киевских // Библиограф. 1891. № 2. С. 39–42.
7. *Богословский М.М.* Реформа высшей духовной школы при императоре Александре Первом и основание Московской духовной академии // Богословский вестник. 1917. Окт.-дек.
8. *Буланова Т.В.* Материалы для полного инвентаря курсов риторики и философии Киево-Могилянской академии // 18 век. М., 1986. Сб. 15. С. 122–131.
9. *Вишневский Д.* Киевская духовная академия в первой половине XVIII столетия. К., 1903; Труды Киевской Духовной академии. 1902. № 1, 3, 5, 10; 1903. № 6–9.
10. *Вишневский Д.* Направление образования в Киевской академии в первой половине XVIII столетия. // Труды Киевской Духовной академии. 1904. № 2. С. 276–285.
11. *Вишневский Д.* Средства содержания профессоров Киевской академии в первой половине XVIII в. // Киевская старина. Т. 58. С. 80–83.
12. *Галкин А.* Академия в Москве в XVII столетии. М., 1913.
13. *Глубоковский Н.Н.* Начало организованной духовной школы. Комитет о усовершенствовании духовных училищ // Богословский вестник. 1917. Июнь, июль.
14. *Голубев С.Т.* Киевская академия в конце XVII и начале XVIII столетия // Труды Киевской Духовной академии. 1901. № 11. С. 306–406.
15. *Голубев С.Т.* Очерки по истории Киевской духовной академии за XVIII столетие // Киевская старина. 1889. № 4. С. 1–26.
16. *Знаменский П.В.* Основные начала духовно-училищной реформы в царствование императора Александра Первого. Казань. 1878.
17. *Зубов В.П.* Ломоносов и Славяно-греко-латинская академия // Труды Института истории естествознания и техники. М., 1954. Т. 1. С. 1–52.
18. *Ковалев А.* Историческое описание ставропигиального второклассного Заиконоспасского монастыря в Москве, на Никольской улице. М., 1887.
19. *Лаппо-Данилевский А.С.* Петр Великий, основатель Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге. 1914. 60 с.
20. *Лебедев А.* Рукописи церковно-археологического музея Киевской духовной академии. Саратов, 1916. 472 с.
21. *Линчевский М.* Педагогика древних братских школ и преимущественно древней Киевской академии // Труды Киевской Духовной академии. 1870. Т. 3. С. 542–544.

22. *Макарий (Булгаков)*. История Киевской духовной академии. СПб., 1843.
23. *Мацеевич Л.С.* Статьи о Млодзяновском // Труды Киевской Духовной академии. 1870–1871.
24. *Мухин Н.Ф.* Киево-братский училищный монастырь. К. 1893.
25. *Надеждин А.* История Санкт-Петербургской православной духовной семинарии, 1801–1884. СПб., 1885.
26. *Никольский А.* Русская духовно-академическая философия в России // Вера и разум. 1891. № 2–5, 9.
27. *Никольский М.* Русские выходцы из заграничных школ в XVII ст. // Православное обозрение. 1862. Ноябрь; 1863. Февраль-март.
28. *Ничик В.М.* Слов'яно-греко-латинська академія і її роль у розвитку російської філософії 17–18 ст. // Філософська думка. 1987. № 2. С. 92–101.
29. *Петров Н.И.* Значение Киевской академии в развитии духовных школ в России с учреждением Св.Синода в 1721 году и до половины XVIII века // Труды Киевской Духовной академии. 1904. № 4. С. 520–577; № 5. С. 5–102; К., 1904.
30. *Петров Н.И.* Из истории гомилетики в старой Киевской академии // Труды Киевской Духовной академии. 1866–1868.
31. *Петров Н.И.* Киевская академия во второй половине 17 века // Труды Киевской Духовной академии. 1895. № 8–9; 10, 12.
32. *Петров Н.И.* О словесных науках и литературных занятиях в Киевской академии от начала ее до преобразования в 1819 г. // Труды Киевской Духовной академии. 1866. № 7. С. 305–330; № 11. С. 343–388; № 12. С. 552–569; 1867. № 1. – 82 – 118; 1868. № 3. С. 465–525.
33. *Петров Н.И.* Описание рукописей церковно-археологического музея при Киевской духовной академии. К. 1875. Вып. 1. 542 с.
34. *Прилежаев Е.* К истории духовно-учебной реформы 1808–1814 гг. // Странник. 1889. № 8, 9.
35. *Прилежаев Е.* Царствование императора Александра Первого в истории русской духовной школы // Христианское чтение. 1878. № 1–2.
36. Рецензия на книгу С.К.Смирнова “История Московской славяно-греко-латинской академии” // Современник. 1855. № 8. Отд. 4. С. 25–33.
37. *Рогов А.И.* Новые данные о составе учеников Славяно-греко-латинской академии. // История СССР. 1959. № 3. С. 140–148.
38. *Серебренников В.* Киевская академия с половины 18 века до преобразования в 1819 г. // Труды Киевской Духовной академии. 1896. № 6. С. 217–238; № 7. С. 368–414; № 9. С. 61–86; № 10. С. 233–249; 1897. № 3, 5, 7, 9; К., 1897.
39. *Смирнов С.К.* История московской духовной академии до ее преобразования (1814–1870). М., 1879.
40. *Смирнов С.К.* История Московской славяно-греко-латинской академии. М.: Готье, 1855.
41. *Соболевский А.И.* Рецензии на книгу Д.Вишневецкого “Киевская академия в первой половине XVIII века” // Журнал Министерства народного просвещения. 1904. № 5. Отд. 2. С. 223–229; 1904. № 10. Отд. 3. С. 442–444; 1906. Отд. 2. № 5. С. 216–218.
42. *Стратий Я.М., Литвинов В.Д., Андрушко В.А.* Описание курсов философии и риторики профессоров Киево-Могилянской академии. К., 1982.

43. *Титов Ф.И.* К вопросу о значении Киевской академии для православия и русской народности в XVII-XVIII вв. // Труды Киевской Духовной академии. 1903. № 11; 1904. № 1.
44. *Титов Ф.И.* Киевская Академия в эпоху реформ // Труды Киевской Духовной академии. 1910–1915.
45. *Титов Х.І.* Стара вища освіта в киевській Україні 16 – поч. 19 вв. // Збірник іст. філ. Укр. АН. № 20. 1924.
46. Троице-Сергиева Лавра. Сергиев Посад. 1919.
47. *Хижняк З.И.* Киево-Могиланская академия. К.: Высшая школа. 1988. 268 с.
48. *Чистович И.А.* История Санкт-Петербургской Духовной Академии. СПб., 1857.
49. *Чистович И.А.* Руководящие деятели духовного просвещения в России в первой половине текущего столетия. Комиссия духовных училищ. СПб., 1894.
50. *Экопомцев И.* Основание Славяно-греко-латинской академии // Журнал Московской патриархии. 1895. № 2. С. 67–78.
51. *Flomvski A. Palladij Rogovskij* Zeitschrift fuer Oosteropacische Geschichte. 1933. № 8.

СОДЕРЖАНИЕ

А. В. Панибратцев.

Философская мысль в России начала XVIII века: преемственность и перспективы развития	3
<i>Феофилакт Лопатинский</i>	
“Диалектика”	21
<i>Приложение. “Введение” в философский курс Феофилакта Лопатинского</i>	193
Библиографии	216

Научное издание

Феофилакт Лопатинский

ИЗБРАННЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

Художник *В. К. Кузнецов*
Технический редактор *Н. Б. Кузнецова*
Корректоры: *С. В. Бобкова, Т. М. Романова*

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.93 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 04.12.97
Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл.печ.л.13,75. Уч.-издл. 11,95 Тираж 500 экз. Заказ № 042.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН
Компьютерный набор: *Е. Н. Платковская*
Компьютерная верстка: *С. В. Нефедкина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН
119842, Москва, Волхонка, 14